ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ГЖ 235
П 252

4505

ПЕТРОГРАДСКОЙ КОЛЛЕГИИ
БИБЛИОТЕКА

ПАРТІЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХЪ РЕФОРМЪ

ГЖ235
П252

РѢЧИ

ЧЛЕНОВЪ ПАРТІИ

ВЪ ПЕРВОЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМѢ

БИБЛІОТЕКА
ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ КОНФЕРАЦІИ.
№ 2703. 50.
10. V.

С.-Петербургъ.
1907

1-2 экз

П
К.
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008
1984
ГЭН 235
П252
Р
Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)
~~1433~~
~~26~~ 36021
4

„Русская Скоропечатня", Спб., Екатерин. кан., 94

Партія демократическихъ реформъ имѣла въ первой Государственной Думѣ весьма небольшое число представителей. Входили въ составъ партіи до избранія въ Думу: Максимъ Максимовичъ **Ковалевскій** (Харьковская губ.), Владиміръ Дмитріевичъ **Кузьминъ-Караваевъ** (Тверская губ.). Иннокентій Павловичъ **Лаптевъ** (Сибирскаго каз. войска), Александръ Михайловичъ **Скасырскій** (Донская обл.) и Владиміръ Капитоновичъ **Федоровскій** (Рязанская губ.). Присоединились послѣ избранія: Василій Николаевичъ **Грамматчиковъ** (Пермская губ.), Николай Владиміровичъ **Павловъ** (Пермская губ.), Николай Степановичъ **Селивановъ** (Пермская губ.), Василій Трифоновичъ **Трифоновъ** (Новгородская губ.), князь Сергѣй Дмитріевичъ **Урусовъ** (Калужская губ.), Степанъ Ивановичъ **Федотовскій** (Вологодская губ.) и Афанасій Леонтьевичъ **Шемякинъ** (Вологодская губ.).

Комитетъ партіи, предлагая общественному вниманію рѣчи ея членовъ въ Государственной Думѣ, тѣмъ самымъ представляетъ отчетъ о ихъ дѣятельности. Рѣчи напечатаны по оффиціальнымъ стенограммамъ. Не включены въ настоящую книгу лишь мелкія замѣчанія, не имѣющія существеннаго значенія.

Комитетъ партіи счелъ полезнымъ присоединить нѣкоторые документы, показывающіе, въ чемъ выразилась работа Государственной Думы въ теченіе двухъ мѣсяцевъ ея существованія, а равно тронную рѣчь и правительственное сообщеніе отъ 20 іюня. Одинаково комитетъ счелъ полезнымъ напечатать основныя положенія программы партіи и проектъ переработанной подробной программы.

Дѣятельность членовъ партіи въ Государственной Думѣ заключалась, кромѣ участія въ публичныхъ засѣданіяхъ, въ

широкомъ участіи по выбору Думы въ занятіяхъ комиссій, и т. п.

М. М. Ковалевскій состоялъ: предсѣдателемъ VIII отдѣла и комиссіи: 19-ти—по составленію наказа и библіотечной; членомъ коммисіи: 15-ти—о неприкосновенности личности, 33-хъ—по составленію проекта закона о гражданскомъ равноправіи и 11-ти по составленію проекта о свободѣ собраній. Сверхъ того, М. М. Ковалевскій былъ членомъ депутаціи, ѣздившей въ Лондонъ для участія въ междупарламентской конференціи, и состоялъ предсѣдателемъ русской парламентской группы международнаго третейскаго суда.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ состоялъ: предсѣдателемъ и докладчикомъ X отдѣла, товарищемъ предсѣдателя комиссіи 15-ти—о неприкосновенности личности и членомъ комиссій: 33-хъ—по составленію проекта отвѣтнаго адреса, 19-ти—по составленію наказа, редакціонной и бюджетной. По уполномочію комиссіи 15-ти, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ былъ докладчикомъ законопроекта объ отмѣнѣ смертной казни и, по уполномочію редакціонной комиссіи, докладчикомъ законопроекта объ ассигнованіи 15 милліоновъ на расходы по удовлетворенію сѣмянной и продовольственной нужды.

Князь С. Д. Урусовъ состоялъ: докладчикомъ III отдѣла; товарищемъ предсѣдателя комиссіи 33-хъ—по составленію проекта закона о гражданскомъ равноправіи и членомъ аграрной комиссіи.

Н. С. Селивановъ, А. М. Скасырскій и В. К. Федоровскій состояли членами комиссіи по исполненію государственной росписи.

В. Н. Грамматчиковъ и А. Л. Шемякинъ состояли членами аграрной комиссіи.

Отъ партіи демократическихъ реформъ.

Организованная сравнительно поздно, партія демократическихъ реформъ не получила, до первыхъ выборовъ въ Государственную Думу, большого распространенія. Въ самой Думѣ, однако, сразу нашли мѣсто нѣкоторые представители партіи, къ которымъ вплоть до роспуска Думы не переставали примыкать другіе ея члены. Это укрѣпляетъ въ насъ увѣренность, что партія имѣетъ основаніе сохранить свою программу и продолжать самостоятельное существованіе.

По-прежнему усматривая въ партійной программѣ не сборникъ правилъ, которыя всѣ одинаково обязательны для каждаго члена партіи, а выраженіе взглядовъ, могущихъ служить исходной точкой для общей дѣятельности,—мы выдѣляемъ изъ программы нѣсколько основныхъ положеній, признаніемъ которыхъ обусловливается вступленіе въ партію. Это необходимо для болѣе строгаго отграниченія партіи какъ слѣва, такъ и справа.

Находя, какъ и ранѣе, несвоевременнымъ установленіе строгой партійной дисциплины, мы считаемъ достаточнымъ намѣтить, въ главныхъ чертахъ, отношеніе партіи къ важнѣйшимъ вопросамъ настоящей минуты. „Мы возстаемъ,—сказано было въ нашемъ первомъ обращеніи къ обществу,—противъ всякаго стѣсненія личной свободы и личныхъ правъ, откуда бы оно ни исходило; въ чрезвычайныхъ репрессіяхъ, постигающихъ обезоруженнаго противника, мы видимъ недопустимое и преступное превышеніе власти; мы признаемъ, что всякая попытка возвратиться хоть отчасти къ безусловно осужденному прошлому угрожаетъ величайшею опасностью народу и государству".

Обстоятельства, при которыхъ были написаны эти слова, значительно измѣнились къ худшему. Никогда еще не получали такого широкаго распространенія военное положеніе и чрезвычайная охрана. Никогда основныя нормы судоустройства и судопроизводства не нарушались такъ рѣзко, какъ учрежденіемъ военно-полевыхъ судовъ. Никогда не было произносимо и приводимо въ исполненіе столько смертныхъ приговоровъ. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, никогда не повторялись такъ часто и въ такихъ ужасающихъ формахъ террористическіе акты.

Безсильная остановить и предупредить ихъ, политика чрезвычайныхъ репрессій приводитъ только къ умноженію и укрѣпленію элементовъ, враждебныхъ правильному ходу освободительнаго движенія. Ничего, кромѣ вреда, не приносятъ и продолжающіеся въ громадныхъ размѣрахъ административные аресты и ссылки. Въ рукахъ должностныхъ лицъ, облеченныхъ почти диктаторскими полномочіями, обязательныя постановленія принимаютъ характеръ мѣстнаго законодательства, не стѣсняющагося никакими правовыми нормами. Свобода собраній и союзовъ существуетъ только по имени. Періодическія изданія пріостанавливаются по усмотрѣнію градоначальниковъ и губернаторовъ.

Уголовныя преслѣдованія нерѣдко возбуждаются по дѣламъ о печати и государственнымъ съ видимой цѣлью ограничить, до судебнаго приговора, политическія права обвиняемыхъ.

Въ порядкѣ, установленномъ только на случай крайней необходимости, издаются временныя правила, примѣненіе которыхъ создастъ величайшія затрудненія при возвратѣ на путь нормальнаго законодательства. Таковы, напр., указы о продажѣ удѣльныхъ и казенныхъ земель, дающіе аграрному вопросу направленіе прямо противоположное тому, которое было намѣчено громаднымъ большинствомъ Государственной Думы.

Источникъ всѣхъ указанныхъ нами золъ одинъ и тотъ же: переходъ отъ абсолютизма къ конституціонному строю, возвѣщенный манифестомъ 17 октября, совершился только на бумагѣ. Къ проведенію его въ жизнь должны быть на-

правлены усилія всѣхъ тѣхъ, кто хочетъ мирнаго, но безостановочнаго движенія впередъ—къ народному благу и народной свободѣ. На этой почвѣ возможенъ и желателенъ предвыборный союзъ всѣхъ истинно-конституціонныхъ партій и безпартійныхъ конституціоналистовъ. Справа отъ него останутся не только сторонники отжившихъ порядковъ, но и всѣ, защищающіе или оправдывающіе курсъ, взятый министерствомъ послѣ роспуска Думы. Слѣва останутся крайнія революціонныя партіи, настаивающія на немедленной ломкѣ насильственнымъ путемъ всѣхъ государственныхъ и общественныхъ отношеній.

Истинно-конституціонныя партіи не могутъ, у насъ въ Россіи, не опираться на народную массу; онѣ не могутъ, слѣдовательно, довольствоваться однѣми политическими реформами и должны стремиться къ соціальнымъ преобразованіямъ, т. е. къ разрѣшенію, на широкихъ демократическихъ началахъ, вопросовъ аграрнаго и рабочаго. Невозможно, поэтому, даже временное соглашеніе между ними и односторонними защитниками крупнаго землевладѣнія и, вообще, капиталистическаго строя.

Готовиться къ избирательной борьбѣ различныя группы русскихъ конституціоналистовъ могутъ отдѣльно; вести ее онѣ должны вмѣстѣ, соединенными силами.

Основныя положенія программы партіи демократическихъ реформъ.

1. Россійская имперія составляетъ наслѣдственную конституціонную монархію. Министры, какъ въ составѣ министерства, такъ и каждый особо, въ политической дѣятельности своей отвѣтственны передъ народнымъ представительствомъ.

2. Народное представительство состоитъ изъ двухъ палатъ. Одна изъ нихъ избирается всѣми совершеннолѣтними

и полноправными гражданами мужского пола на равныхъ для всѣхъ началахъ, закрытой подачей голосовъ, а другая— органами мѣстнаго самоуправленія, распространеннаго на всю имперію и основаннаго на всеобщемъ, равномъ, прямомъ и закрытомъ голосованіи мѣстнаго населенія, безотносительно къ полу.

3. Народному представительству должно принадлежать право законодательнаго почина, не исключая вопросовъ, отнесенныхъ въ области основныхъ законовъ.

4. Всѣмъ россійскимъ гражданамъ должны быть предоставлены равныя права и прочно обезпечена политическая свобода во всѣхъ ея видахъ.

5. Царству Польскому, а, въ случаѣ надобности и другимъ областямъ имперіи, должно быть, при наличности опредѣленныхъ закономъ условій, предоставлены законодательныя полномочія по вопросамъ исключительно мѣстнаго значенія, но не затрагивающихъ единства имперіи и круга дѣйствій общаго государственнаго управленія.

6. Смертная казнь подлежитъ отмѣнѣ. Тѣлесныя наказанія ни при какихъ условіяхъ не допускаются.

7. Ни въ какомъ случаѣ и ни въ какой формѣ не долженъ существовать военный судъ надъ не военными. Исключенія изъ этого правила могутъ быть допускаемы лишь на театрѣ военныхъ дѣйствій во время войны съ иностраннымъ государствомъ.

8. Необходимо безотлагательно приступить къ созданію условій, при которыхъ начальное обученіе могло бы стать всеобщимъ, безплатнымъ и обязательнымъ.

9. Финансовая система должна быть пересмотрѣна въ видахъ сокращенія непроизводительныхъ расходовъ и перенесенія значительной части податнаго бремени на болѣе достаточные классы населенія.

10. Необходимо принудительное (возмездное) отчужденіе частновладѣльческихъ земель, въ видахъ надѣленія землею вовсе не имѣющихъ ея земледѣльцевъ и увеличенія площади землепользованія малоземельныхъ, по меньшей мѣрѣ, до высшихъ надѣльныхъ нормъ 1861 года, расчитывая на наличную душу м. п. Изъ учреждаемаго для этой цѣли государствен-

наго земельнаго запаса земли должны быть отводимы, за установляемую закономъ плату, смотря по мѣстнымъ условіямъ—или въ общинное, или въ подворное владѣніе, безъ права отчужденія и залога.

11. Арендныя (земельныя) отчужденія должны быть упорядочены закономъ въ цѣляхъ прочнаго обезпеченія положенія земледѣльцевъ и защиты ихъ труда.

12. Въ области рабочаго законодательства необходимо облегчить образованіе профессіональныхъ союзовъ, обезпечить право стачекъ, сократить, по возможности, рабочій день и ввести страхованіе рабочихъ, во всѣхъ его видахъ.

РѢЧИ

членовъ партіи

въ Государственной Думѣ.

Обсужденіе отвѣтнаго адреса.

Засѣданіе 3 мая 1906 г.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ. (Тверская губ.). Какъ криминалистъ, я не безъ волненія вхожу сейчасъ на эту каѳедру. Я не могу говорить безъ волненія, потому что въ адресѣ, который будетъ представленъ въ отвѣтъ на тронную рѣчь, есть рѣшеніе одного изъ самыхъ больныхъ, самыхъ жгучихъ вопросовъ научной мысли. Здѣсь сказано: смертная казнь никогда и ни при какихъ условіяхъ не можетъ быть назначаема. Эта мысль волнуетъ людей науки уже болѣе ста лѣтъ и эта мысль сейчасъ близка къ осуществленію. То сдержанное негодованіе, которымъ были встрѣчены вчера Государственною Думою слова представителя г. Екатеринослава, члена Государственной Думы, Способнаго, — это сдержанное негодованіе свидѣтельствуетъ о томъ, что слова эти ни коимъ образомъ не будутъ выкинуты изъ адреса, и что Государственная Дума на первую очередь поставитъ вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни, не въ формѣ словъ, не въ формѣ заявленія и требованія, а какъ опредѣленный законопроектъ. Что мы слышали вчера отъ г. Способнаго? Мы слышали, что будто бы тѣ, кто требуетъ отмѣны смертной казни, стоятъ на почвѣ какой то сантиментальности, что они не могутъ видѣть крови. Мы слышали здѣсь сравненіе могущественнаго государства, которое закономѣрно убиваетъ людей, которое убиваетъ ихъ рукой палача, по судебному приговору, съ тѣмъ гражданиномъ, который ѣстъ устрицы или употребляетъ непрожаренный ростбифъ. Но было въ словахъ г. Способнаго и нѣчто иное. Онъ говорилъ намъ: а что вы скажете, когда

вамъ придется столкнуться съ измѣнникомъ отечества? Г. Способному кажется, что на измѣну отечеству нѣтъ и не можетъ быть иного отвѣта, какъ смертная казнь. Когда наступитъ такъ страстно мною желанное время, и мы будемъ разсматривать уже законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни, тогда я и многіе другіе вмѣстѣ со мною, мы докажемъ г. Способному и всѣмъ сомнѣвающимся, что смертная казнь ни при какихъ условіяхъ не должна и не можетъ быть назначаема. (Апплодисменты).

Мы докажемъ, что нельзя, убивая человѣка по суду, ставить вопросъ: за что?—а надо ставить вопросъ: зачѣмъ? И когда вы поставите такъ вопросъ, то вамъ станетъ ясна вся ненужность кары смертью. Я спрашиваю васъ, зачѣмъ убивать, зачѣмъ вѣшать измѣнниковъ отечества? Неужели государство такъ слабо, что оно не можетъ обезвредить ихъ на будущее время? Нѣтъ, оно, безконечно, сильно, и если оно вѣшаетъ, то въ немъ говоритъ только остатокъ очень, очень стараго — остатокъ кровожадной мстительности. Въ смертной казни всего отвратительнѣе кровожадная мстительность. Въ ней всего ужаснѣе безповоротность. Мстительность требуетъ безповоротной кары, и въ томъ, что смертная казнь безповоротна, въ этомъ и заключается торжество мстительнаго чувства человѣка.

Зачѣмъ людей вѣшаютъ, разстрѣливаютъ? Какой въ этомъ смыслъ? Что бы человѣкъ ни совершилъ, вѣдь то, что онъ совершилъ,—это уже отошло въ прошлое; въ данный моментъ онъ или уже безвреденъ, или отъ государства зависитъ его обезвредить. А намъ говорятъ, что мы требуемъ отмѣны смертной казни по соображеніямъ сантиментализма. Нѣтъ, господа, лишеніе жизни вообще есть одно, а смертная казнь — другое. До тѣхъ поръ, пока будетъ война,—будутъ убійства. Но тамъ—убійство равными равныхъ, тамъ убійство тѣми, которые и сами могутъ быть убитыми. А въ смертной казни ужасно то, что властный убиваетъ своего подвластнаго. Властный уже захватилъ человѣка, онъ можетъ съ нимъ сдѣлать, что хочетъ. Онъ его убиваетъ со спокойнымъ разсчетомъ, онъ его убиваетъ черезъ палача, по судебному приговору. Какъ можно срав-

нить это убійство съ какой бы то ни было иной формой лишенія жизни? Тутъ нѣтъ аналогіи, тутъ нѣтъ никакого подобія необходимой обороны.

Всѣ эти соображенія такъ ясны и просты. Но почему же вопросъ до сихъ поръ не рѣшенъ? Причинъ много. Я не буду, конечно, останавливаться на изложеніи вопроса во всемъ его объемѣ. Но я не могу не отмѣтить, что въ Россіи смертная казнь всегда встрѣчала отпоръ; особенно сильный отпоръ встрѣчала она, какъ наказаніе. 26 лѣтъ тому назадъ покойный философъ Соловьевъ въ своей извѣстной рѣчи сказалъ: смертная казнь претитъ духу русскаго народа.

Да, вспомните русскую литературу, вспомните наконецъ то, что на Западѣ кое-когда появляются и теперь научныя теоріи, стремящіяся возродить смертную казнь, какъ правовой институтъ. Въ Россіи же съ тѣхъ поръ, какъ мы можемъ считать, что у насъ есть научное уголовное право, не было ни одного сколько-нибудь замѣтнаго криминалиста, который не стремился бы вложить и свою лепту для того, чтобы въ общественное сознаніе глубже и глубже проникала мысль о необходимости скорѣйшей отмѣны смертной казни. Въ 82 году приступлено было къ составленію уголовнаго уложенія. Редакціонная комиссія, состоявшая изъ 5—6 крупнѣйшихъ криминалистовъ, — между ними нѣкоторые живы еще до сихъ поръ,— единогласно признала, что наступило время, когда Россія можетъ отказаться навсегда отъ смертной казни. Но комиссія поступила такъ, какъ поступали всѣ бюрократическія комиссіи: она не рискнула построить проектъ на отмѣнѣ смертной касни. Казнь осталась, она существуетъ и еще никогда такъ не давала себя чувствовать, какъ въ послѣднее время. Кто-то сосчиталъ, что съ декабря мѣсяца въ Россіи—не убито при вооруженномъ сопротивленіи, нѣтъ—но разстрѣляно, повѣшено и лишено жизни самымъ ужаснымъ способомъ, безъ суда или по судебнымъ приговорамъ, болѣе 600 человѣкъ. Эта цифра ужасающая, и эта цифра вамъ показываетъ лишній разъ, что въ смертной казни главный руководящій мотивъ,—это именно кровожадная мстительность. Ея хотятъ; борющійся

хочетъ сдѣлать свое рѣшеніе безповоротнымъ; но что изъ этого получается? Получается, какъ и при всякой смѣнѣ государственнаго строя, вотъ что: тотъ, кто вчера былъ убитъ, сегодня не былъ бы уже преступникомъ, не подлежалъ бы никакому наказанію. Вѣдь вспомните, господа: если одна сторона такъ дѣйствовала, то и другая сторона также дѣйствуетъ. Вспомните французскаго короля, который во время революціи погибъ, погибъ не отъ руки убійцъ, а на основаніи формальнаго закона, погибъ отъ руки палача, погибъ въ силу и по рѣшенію той законной власти, которая была таковой въ данный моментъ.

Но намъ говорятъ: прежде, чѣмъ отмѣнить смертную казнь, пусть прекратятся политическія убійства. Постоянно приходится слышать, что смертная казнь стоитъ въ причинной связи съ политическими убійствааами. Я этого не оспариваю, я это признаю; но гдѣ причина, и гдѣ слѣдствіе— это еще вопросъ и вопросъ очень большой. Не въ политическихъ убійствахъ причина сохраненія смертной казни, а съ гораздо большимъ правомъ можно сказать, что причина политическихъ убійствъ въ смертной казни. Сохраняя за собою право на кровожадное мщеніе, государство при своемъ могуществѣ не можетъ не вліять на нравы общества. Оно поддерживаетъ тѣ же кровожадные инстинкты, развитые въ обществѣ. Кто долженъ начать, съ чего надо начать? Неужели же можно такъ ставить вопросъ: пусть прекратятъ частныя лица, люди, признаваемые закономъ преступниками, пусть они прекратятъ свои убійства,— и тогда государство уничтожитъ смертную казнь. Да можно ли, господа, такъ ставить вопросъ? Государство должно дѣйствовать совершенно независимо отъ этого. Государство должно знать и помнить каждую минуту, что его опредѣленія имѣютъ воспитательное значеніе для всего общества, и если государство считаетъ, что смертная казнь не нужна, то этого уже достаточно для того, чтобы ее отмѣнить вовсе не думая о томъ, существуютъ или нѣтъ политическія убійства.

Я крайне опасаюсь, что нашему заявленію въ адресѣ, которое, по моему мнѣнію, такъ вѣрно выражаетъ настрое-

ніе народа, будутъ противопоставлены ссылки на недавно пролитую кровь, на недавно вновь совершенныя политическія убійства. Не потому я горячо высказываюсь за отмѣну смертной казни, чтобы я не былъ подъ впечатлѣніемъ убійства командира петербургскаго порта, убійства екатеринославскаго генералъ-губернатора и даже, прибавлю, убійства Георгія Гапона. Нѣтъ, я нахожусь подъ сильнѣйшимъ впечатлѣніемъ пролитой крови. Я всей душой, всѣмъ сердцемъ готовъ протестовать противъ этихъ убійствъ, но съ тѣмъ большей горячностью я призываю къ отмѣнѣ смертной казни. (Апплодисменты).

М. М. Ковалевскій (Харьковская губ.). Господа народные представители, я принимаю проектъ адреса въ томъ видѣ, въ какомъ онъ намъ представленъ въ его общихъ чертахъ, потому что онъ въ значительной степени выражаетъ тѣ самыя мысли, тѣ самые идеалы, которымъ мнѣ приходится служить не со вчерашняго дня, а уже 30 лѣтъ, еще въ то время, когда я былъ профессоромъ конституціоннаго права, и когда не считалось моднымъ говорить о парламентаризмѣ; въ то время, когда, съ теперешнимъ вашимъ предсѣдателемъ, я издавалъ „Юридическій Вѣстникъ“, въ которомъ не было статьи по политическимъ вопросамъ, не проводившей началъ конституціоннаго и парламентарнаго права. Я хвалю вашъ адресъ еще потому, что онъ выраженъ въ вѣжливыхъ, умѣренныхъ словахъ. Большинство изъ васъ, господа,—люди умѣренные, и эта умѣренность счастливо отразилась и на вашемъ адресѣ. Вы избѣжали употребленія неизвѣстныхъ конституціонному праву терминовъ, въ родѣ „принципіальной амнистіи“, изобрѣтенной г. Щепкинымъ, но пока неизвѣстной конституціонному праву. Вы очень удачно передали основныя начала конституціоннаго и парламентарнаго строя, но, борясь съ противникомъ, заботясь объ уничтоженіи Государственнаго Совѣта, вы, на мой взглядъ, недостаточно обратили вниманіе на необходимость требовать и для себя, и для всего этого собранія тѣхъ правъ, которыхъ оно не имѣетъ и безъ которыхъ оно не можетъ осуществить возложенныхъ на него надеждъ всего населенія, въ частности той надежды, вы-

раженной въ тронной рѣчи Государя, что вы излѣчите всѣ общественныя язвы Россіи и положите прочное начало новому порядку. Вы не можете выполнить этой задачи до тѣхъ поръ, пока у васъ не будетъ права почина законовъ, а этого права вы не имѣете. Статьи 34 и 57 закона 20 февраля признаютъ за вами не право законодательнаго почина, а право въ томъ случаѣ, когда министры или главноуправляющіе отдѣльными частями не внесутъ тѣхъ или другихъ законопроектовъ, поручать вашей комиссіи выработку ихъ, послѣ чего эти проекты могутъ поступить изъ комиссіи въ Думу, причемъ законъ не указываетъ срока, когда министры или главноуправляющіе должны выработать проектъ даже по неотложнымъ вопросамъ, и когда вы, слѣдовательно, въ состояніи будете осуществить тѣ слабые зародыши права законодательнаго почина, которые признаются въ статьяхъ 34-й и 57-й. Я полагаю, что вы недостаточно ясно упомянули также о неотъемлемомъ правѣ всякихъ народныхъ представительныхъ палатъ требовать, чтобы всѣ законопроекты поступали непосредственно въ народную палату, т. е. въ Государственную Думу, и чтобы никакая верхняя палата не могла вносить измѣненій въ эти законопроекты, принятые палатой народныхъ представителей. Точно также палатѣ народныхъ представителей принадлежитъ право утвержденія росписи, или государственнаго бюджета. Съ XV вѣка этого права держатся въ Англіи, и нѣтъ свободнаго конституціоннаго государства въ Европѣ и Америкѣ, которое бы не признавало, что верхняя палата можетъ только принять или отвергнуть цѣликомъ такъ называемый денежный билль, прошедшій ранѣе черезъ нижнюю палату, вносить же измѣненія въ него она не можетъ.

Вы недостаточно остановились на законномъ правѣ, принадлежащемъ всякой свободной палатѣ, составлять государственную роспись и не высказались открыто противъ сбора по старой росписи, если новая роспись не подверглась утвержденію.

Вотъ нѣкоторые промахи, которые вами допущены, промахи важные, очень существенные, и которыхъ вы могли бы избѣжать прибавленіемъ нѣсколькихъ строкъ къ пре-

красно составленному адресу, потому прекрасно, что онъ написанъ умѣреннымъ языкомъ, при полномъ сохраненіи вашего достоинства и при упорномъ настаиваніи на вашихъ правахъ.

Я не могу также согласиться съ тѣмъ взглядомъ на верхнюю палату, который проводится въ вашемъ адресѣ. Я рѣшительный противникъ Государственнаго Совѣта въ томъ видѣ, въ какомъ онъ предлагается намъ закономъ 20 февраля и основными законами. Я противникъ его потому, что Государственный Совѣтъ есть высшее административное учрежденіе, и потому, что высшая административная коллегія не можетъ быть въ то же время и органомъ законодательной власти. Это знала Екатерина, которая комментировала мысль Монтескье о раздѣленіи властей въ своемъ наказѣ членамъ созванной ею комиссіи. Это знаетъ въ настоящее время всякій студентъ, прослушавшій элементарныя лекціи по конституціонному праву. Это настолько считается истиной въ странахъ, въ которыхъ имѣется конституціонный строй, что въ Англіи, когда хотятъ оттѣнить различіе абсолютнаго или неограниченнаго образа правленія отъ конституціоннаго, то употребляютъ два термина: первое понятіе, т. е. неограниченный образъ правленія, передается словами „король въ совѣтѣ“, второе, т. е. понятіе конституціоннаго строя, передается словами „король въ парламентѣ“. И по настоящее время имѣются англійскія колоніи, которыя по старымъ началамъ управляются королемъ въ совѣтѣ, т. е. при неограниченной власти короля. Но какъ сама Англія, такъ и большая часть ея колоній управляется королемъ въ парламентѣ, т. е. на началахъ конституціоннаго права, для васъ желательнаго. Примите во вниманіе сказанное—и вы увидите, гдѣ причина, по которой Государственный Совѣтъ, сколько бы его ни восполняли временными выборными, никогда не можетъ сдѣлаться верхней палатой. Но отрицая Государственный Совѣтъ, какъ товарища въ осуществленіи законодательной власти, вы въ то же время не должны порождать сомнѣніе въ томъ, что признаете возможнымъ существованіе только единой камеры, дѣйствующей въ согласіи съ царемъ. Не мнѣ повторять то,

что въ настоящее время считается труизмомъ. Деспотизмъ возможенъ и при единой камерѣ, хотя бы она была составлена изъ лучшихъ элементовъ, хотя бы она была однородна въ своемъ составѣ и не подчинялась никакимъ внѣшнимъ вліяніямъ. Деспотизмъ возможенъ всюду, гдѣ власть остается неограниченной. Вотъ почему всегда считалось желательнымъ еще со временъ Бенжамена Констана, чтобы рядомъ съ нижней палатой существовала и верхняя камера, не имѣющая всѣхъ функцій нижней палаты, напримѣръ, въ дѣлѣ финансовомъ, не имѣющая въ частности права участвовать въ измѣненіи бюджета, но въ то же время надѣленная широкимъ правомъ контроля надъ осуществленіемъ нижней палатой ея законодательныхъ функцій. Господа, мнѣ кажется, вами не обращено также достаточно вниманія на то, что контроль за администраціей немыслимъ и невозможенъ до тѣхъ поръ, пока всѣ ваши права въ этомъ отношеніи будутъ сводиться къ обращенію къ министрамъ съ просьбами о сообщеніи свѣдѣній и разъясненій. Министры въ теченіе неопредѣленнаго числа дней и недѣль вправѣ не давать отвѣта на эти запросы или довольствоваться, какъ единственнымъ отвѣтомъ, указаніемъ на причины, почему они не желаютъ давать свѣдѣній и разъясненій.

Въ той формѣ, въ которой право запроса признано въ законахъ 6 августа и 20 февраля, оно является не чѣмъ инымъ какъ насмѣшкой надъ народными представителями. Вѣдь право запроса существуетъ для того, чтобы имѣть возможность сразу положить конецъ произволу, насилію и нерадѣнію властей, а между тѣмъ власти, благодаря самому включенію этого права, не несутъ отвѣтственности за тотъ произволъ и то насиліе, противъ которыхъ мы тщетно протестуемъ. Доказывать вамъ, господа, что парламентскій образъ правленія въ Россіи необходимъ, мнѣ уже потому ненужно, что это сдѣлано недавно тѣмъ человѣкомъ, отъ котораго всего менѣе можно было ожидать опредѣленнаго заявленія на этотъ счетъ. Глава правительства, недавно вышедшій въ отставку, протестовалъ въ Государственномъ Совѣтѣ противъ того произвола, тѣхъ насилій, тѣхъ административныхъ высылокъ, тѣхъ произвольныхъ арестовъ,

которые его же именемъ производились въ періодъ управленія имъ русскимъ государствомъ. Что это доказываетъ, какъ не то, что между министрами не было и нѣтъ солидарности? А при отсутствіи этого возможно то, что вышедшій въ отставку глава правительства можетъ указать на необходимость освобожденія политическихъ заключенныхъ и въ то же время нести нравственную отвѣтственность за то, что эти политическіе заключенные томятся въ тюрьмахъ. Такимъ образомъ, отовсюду слышатся голоса о необходимости перейти къ такому политическому порядку, при которомъ имѣлись бы солидарныя и политически отвѣтственныя министерства; одна изъ главныхъ заслугъ проекта адреса, который намъ представленъ, заключается именно въ томъ, что вы подчеркнули необходимость не одной только судебной отвѣтственности министровъ, какъ и прочихъ чиновниковъ, за преступленіе по службѣ, но и политической отвѣтственности передъ народомъ и народными представителями. Я, разумѣется, вполнѣ присоединяюсь ко всему тому, что сказано въ вашемъ адресѣ и что краснорѣчиво было поддержано моимъ товарищемъ по партіи демократическихъ реформъ, проф. Кузьминымъ-Караваевымъ, по вопросу о смертной казни. Вы, вѣроятно, въ этомъ фактѣ могли найти доказательство того, что память измѣнила очень памятливому человѣку, проф. Щепкину, какъ доказываетъ его сегодняшняя рѣчь, и въ то же время не всегда вспоминающаго все, что слѣдовало бы вспомнить въ интересахъ истины. Если бы онъ это сдѣлалъ, то, вѣроятно, понялъ бы, что отождествлять партію 17 октября съ партіей демократическихъ реформъ не будетъ согласно истинѣ. Если бы онъ это сдѣлалъ, то, вѣроятно, понялъ бы, что мы, къ крайнему сожалѣнію моему, по вопросу о смертной казни и цѣлому ряду другихъ вопросовъ разойдемся съ весьма почтенными земскими и городскими представителями, сидящими на скамьяхъ справа. Партія демократическихъ реформъ, вѣроятно, также разойдется по вопросу объ обязательномъ выкупѣ и образованіи постояннаго земельнаго фонда изъ выкупныхъ государственныхъ земель съ цѣлью предотвратить возможность скупки этихъ земель тѣмъ клас-

Институтъ Ленина 36021.

сомъ, который въ просторѣчіи называется кулаческимъ. Едва ли наши товарищи съ правой стороны присоединятся къ такого рода требованіямъ. Если бы они присоединились, мы были бы очень рады увеличенію числа лицъ, придерживающихся и проводящихъ правильно нашъ взглядъ, нашу точку зрѣнія. Я думаю, что память измѣнила также нашему товарищу, проф. Щепкину, когда онъ рѣшился утверждать, что въ проектѣ адреса, вамъ представленнаго, по рабочему вопросу выражены нѣкоторыя положенія, которыя можетъ защищать лѣвая партія. Не принадлежа къ крайнимъ лѣвымъ, я въ то же время полагаю, что одна изъ величайшихъ ошибокъ, сдѣланныхъ вашимъ адресомъ, состоитъ въ томъ, что въ немъ проводится старая теорія Бастіа, или теорія манчестерской школы, отдѣляющей самостоятельно рабочій вопросъ, считающей единственнымъ средствомъ рѣшенія рабочихъ затрудненій признаніе неизмѣнной истиной свободы конкурренціи и свободы рабочихъ организацій. Мы, члены партіи демократическихъ реформъ, гораздо ранѣе образованія самой партіи, думали и продолжаемъ думать, что одна изъ задачъ, созданныхъ здѣсь народными представителями, будетъ—напомнить о необходимости идти на помощь рабочему классу въ формѣ рабочаго законодательства и признать невозможной эксплоатацію женскаго труда, эксплоатацію дѣтей; что мы поставимъ своей задачей регламентировать длину рабочаго дня, насколько это примиримо съ поступательнымъ ходомъ нашей промышленности, насколько это примиримо съ состояніемъ отдѣльныхъ видовъ промышленной дѣятельности, слѣдовательно, не огуломъ для всѣхъ, не провозглашеніемъ восьми-часового рабочаго дня для всѣхъ фабрикъ и заводовъ, а возможнымъ приближеніемъ къ этому требованію рабочей партіи.

Видите, господа, что я готовъ идти съ вами рука въ руку; это, вѣроятно, повторится и на всѣхъ послѣдующихъ засѣданіяхъ Государственной Думы. Я другъ той партіи, которая называется—партіей народной свободы, но я въ то же время сохраняю за собой свободу критики, свободу самостоятельнаго сужденія. И съ этой оговоркой вы только и можете разсчитывать на мою поддержку. Каждый разъ,

когда тѣ или другія ваши предложенія не будутъ отвѣчать моимъ взглядамъ, я позволю себѣ внести новую критику. Въ числѣ необходимыхъ свободъ, которыя должны быть обезпечены, вы, какъ мнѣ кажется, напрасно опустили одну: свободу петицій, подаваемыхъ на имя Государственной Думы. Свобода петицій есть именно та свобода, благодаря которой англичанамъ удалось превратить свой аристократическій строй въ строй демократическій. Объ этой свободѣ спеціально говорится въ недавно изданныхъ законахъ, но для чего? Для того, чтобы отрицать ее. Вы вмѣсто этой свободы предоставляете свободу стачекъ; но мѣсто ей тамъ, гдѣ вы говорите о свободѣ самоопредѣленія рабочаго люда. Можно еще представить нѣсколько возраженій противъ редакціи вашего адреса. Я не вижу, почему вы ни слова не сказали, какъ это обыкновенно дѣлается во всѣхъ адресахъ, на счетъ нашей будущей внѣшней политики. Стремленіе къ международному миру, какое приписывается нашему Государю, можетъ быть осуществлено легче при обезпеченіи крестьянъ землей. Тогда возникаетъ меньше условій для внутренняго разлада, и такъ какъ внутренній разладъ и междуусобная война имѣютъ обыкновенно своимъ послѣдствіемъ войны внѣшнія, то съ ихъ прекращеніемъ можно ждать и мира внѣшняго. Вамъ слѣдовало бы настаивать на томъ, что русская демократія, которую вы здѣсь представляете, вноситъ съ собою идею мира. Она не отказывается въ то же время отъ покровительства всѣмъ славянскимъ народностямъ, вполнѣ увѣренная въ томъ, что только при сохраненіи ихъ культурныхъ особенностей и обезпеченіи имъ возможности дальнѣйшаго развитія связанныя съ нами по крови племена, если и не сольются въ одно море, то потекутъ рядомъ по разнымъ русламъ, но въ томъ же направленіи къ большему свѣту, къ большей истинѣ и къ большей человѣческой солидарности.

В. К. Федоровскій (Рязанская губ.). Я лично поддерживаю редакцію комиссіи на слѣдующемъ основаніи. Мнѣ представляется, что всѣ здѣсь высказанныя соображенія (секретаря Думы, докладчика и предшествующихъ ораторовъ) настолько убѣдительны, что, кажется, сдѣлали из-

лишними въ этомъ направленіи еще какіе либо доводы. Это я хотѣлъ заявить, отказавшись отъ слова. Но теперь я позволю себѣ сказать слѣдующее. Внѣ сомнѣнія, ничего не можетъ быть стройнѣе и цѣльнѣе, какъ четырехгранная формула. Государство, какъ юридическій союзъ равноправныхъ гражданъ, предоставляетъ каждому изъ членовъ его высочайшее изъ политическихъ правъ. Въ этомъ союзѣ всѣ члены его равны. Отсюда право должно быть всеобщимъ и равнымъ. Никакого насилія надъ совѣстью избирателей не можетъ быть сдѣлано; только совѣсть—высшій судья того, какъ я буду голосовать. Отсюда голосованіе тайное. Я долженъ знать, кто мой избранникъ; я этого своего права никому не могу передовѣрить, я лично долженъ указать то лицо, которое я уполномочиваю говорить о правахъ моихъ, какъ члена государства. Отсюда прямое избраніе. Таковъ мой взглядъ. Но если меня спросятъ здѣсь, какъ думаютъ тѣ, которые послали меня, я заявляю, что въ отвѣтъ на мои отстаиванія даже всеобщаго, тайнаго и равнаго голосованія я слышалъ горячія рѣчи противъ, и по долгу совѣсти говорю: не всѣ, кто послалъ меня, раздѣляютъ мой взглядъ; есть противники четырехчленной формулы, а не только съ добавленіемъ „безъ различія національности, вѣры и пола“. Я, какъ личность имѣю право вѣрить въ то, что составляетъ мое божество, но своихъ боговъ я навязывать другимъ не могу, и здѣсь заявляю, что многіе молятся инымъ богамъ. Потому-то я и долженъ сказать, что не будетъ „единодушнымъ“ выраженіемъ „воли народа“, если мы раскроемъ эту формулу: я говорю, что нѣкоторые изъ моихъ избирателей увидятъ въ этомъ ложь, и поэтому я всецѣло поддерживаю то, что предлагаетъ комиссія.

Послѣ рѣчи М. А. Стаховича, В. К. Федоровскій говоритъ:

Я совершенно не раздѣляю того, что здѣсь говорилось орловскимъ депутатомъ; я поддерживаю то, что гласитъ редакція комиссіи, и вотъ на какихъ основаніяхъ. Когда я изъ своего медвѣжьяго угла (фактически медвѣжьяго) пріѣхалъ сюда, я вѣрилъ въ возможность мирной работы. Но первое, что здѣсь я услышалъ за эти немногіе дни —

это разсказы о страшныхъ картинахъ крови, пролитой по землѣ русской; здѣсь указывали число труповъ, говорилось о тѣхъ сотняхъ и тысячахъ заключенныхъ, которые томятся въ тюрьмахъ...

Кто отвѣтственъ за это?.. Если принять предложеніе только что говорившаго, то отвѣтственнымъ должно явиться лицо, стоящее на вершинѣ власти. Я глубоко протестую противъ этого. Исполнительная власть—вотъ кто отвѣтственъ за все то, что совершается. Особа Монарха царитъ надъ всѣмъ; Монархъ царствуетъ, но не управляетъ—такова формула. И для того, чтобы фактически она была проведена въ жизнь, для этого нужно, чтобы и вся отвѣтственность за какое либо нарушеніе исполнительной властью легла на кого угодно, но не на Монарха. Единственный способъ для этого признать отвѣтственность министровъ передъ Думой, передъ парламентомъ: тогда парламентъ будетъ самъ отвѣтственъ за то, что совершается въ странѣ, и только при этихъ условіяхъ Особа Монарха останется на той высотѣ, на которой ей надлежитъ быть. Я всецѣло высказываюсь за необходимость отвѣтственности министровъ передъ парламентомъ.

М. М. Ковалевскій (Харьковская губ.). Господа представители народа, я полагаю, что было бы неосторожностью съ нашей стороны отказываться отъ постановки въ отвѣтномъ адресѣ вопроса о политической отвѣтственности министровъ, когда, повидимому, тѣ, которые руководятъ нашими судьбами, сами начинаютъ понимать всю опасность того положенія, при которомъ министры отвѣтственны только передъ судомъ и неотвѣтственны политически передъ палатой. Эта опасность троякаго рода: опасность для Монарха, опасность для совѣта министровъ, опасность для палаты. Только съ того момента, когда къ отвѣтственности судебной присоединилась политическая отвѣтственность министровъ въ Англіи, что случилось не ранѣе середины 18 вѣка, — только съ этого момента правило, гласящее: „король не можетъ дѣлать зла“, т. е. король, какъ и всякій человѣкъ, можетъ совершать акты неодобрительные и даже преступные, но отвѣственность за

эти акты несутъ министры, выражающіе свою отвѣтственность путемъ скрѣпы этого акта,—только съ этого времени эта формула получила дѣйствительный смыслъ и значеніе. Монархъ долженъ парить надъ партіями. Его нельзя дѣлать отвѣтственнымъ за измѣнчивое направленіе политики,—отвѣтственность за него несутъ министры. Его имя продолжаетъ оставаться предметомъ общаго уваженія и тогда, когда его подданные начинаютъ страдать отъ политики его министровъ. И для того, чтобы положить конецъ этимъ страданіямъ, они имѣютъ народнопредставительную камеру, которая большинствомъ голосовъ своихъ членовъ можетъ высказаться противъ политики министровъ и тѣмъ самымъ поставить ихъ въ необходимость подать въ отставку и уступить мѣсто у кормила правленія людямъ, лучше понимающимъ требованія этой минуты. Какое-бы измѣненіе въ политикѣ ни послѣдовало и какіе-бы люди ни стояли у кормила правленія, никакая тѣнь не падаетъ на монарха, и все зло, причиненное политикой его правительства, считается падающимъ на само это правительство. Такимъ образомъ, политическая отвѣтственность министровъ ослабляетъ или низводитъ до minimum'а отвѣтственность монарха передъ народомъ. Но эта политическая отвѣтственность есть также якорь спасенія для министровъ. До тѣхъ поръ, пока не существовало политической отвѣтственности министровъ и необходимости для нихъ выхода въ отставку, когда большинство народныхъ представителей высказывалось противъ ихъ политики, всякій разъ, когда эта политика вызывала неудовольствіе въ большинствѣ народныхъ представителей, прошло понятіе о судебной отвѣтственности министровъ, и за дѣйствія, по природѣ не преступныя, привлекали ихъ къ уголовному суду. Англія XVII вѣка, не знавшая политической отвѣтственности, можетъ указать на рядъ процессовъ, которые кончались смертнымъ приговоромъ министрамъ, не совершившимъ акта, по природѣ своей уголовнаго характера, совершившимъ лишь актъ не цѣлесообразный, но подведенный искусственно подъ понятіе акта преступнаго. Политическая отвѣтственность министровъ, которая сказывается въ фактѣ скрѣпы ими всѣхъ

указовъ и личныхъ повелѣній Государя, имѣетъ еще то важное значеніе въ ихъ глазахъ, что она даетъ имъ извѣстную свободу по отношенію къ монарху.

Гладстонъ прекрасно выразилъ все значеніе этой скрѣпы, о которой недавно упоминалось и въ 26 статьѣ новой редакціи основныхъ законовъ, крѣпы, которая означаетъ всюду, гдѣ существуютъ парламенты и представительныя камеры, что министръ беретъ на себя отвѣтственность за извѣстный актъ, имъ подписанный, хотя бы этотъ актъ былъ выполненіемъ воли государя. Значеніе, которое эта скрѣпа имѣетъ для министровъ, вполнѣ выяснена Гладстономъ. Принимая на себя отвѣтственность за извѣстный актъ, министръ можетъ сказать государю: „я прошу Васъ уволить меня отъ дальнѣйшей службы, я настаиваю на моей отставкѣ, потому что не желаю принять на себя отвѣтственность за тотъ актъ, исполненіе котораго Вы отъ меня требуете“. Если бы у насъ въ Россіи привились эти нравы, если бы у насъ существовала эта политическая отвѣственность, главѣ правительства нечего было бы ссылаться на тотъ фактъ, что тѣ или другія произвольныя дѣйствія, засаживанія въ тюрьмы, административныя ссылки и т. д. были произведены при немъ вопреки его волѣ подчиненными ему лицами. Такимъ образомъ, министерская политическая отвѣтственность имѣетъ значеніе, какъ я сейчасъ указалъ вамъ, и для монарха, и для министровъ, но она имѣетъ значеніе и для палаты. До тѣхъ поръ, пока у васъ будетъ увѣренность, что вы можете быть только критикой существующихъ въ Россіи настроеній, вы не будете устанавливать справедливыя границы между легко осуществимыми и вполнѣ назрѣвшими реформами и тѣми реформами, которыя отвѣчаютъ вашимъ отвлеченнымъ политическимъ и общественнымъ идеаламъ. Но разъ надъ вами будетъ висѣть Дамокловъ мечъ, состоящій въ томъ, что каждый изъ васъ извѣстный моментъ можетъ быть призванъ къ осуществленію на дѣлѣ предлагаемой вами программы, разъ вы будете близки къ власти и той отвѣтственности, которую она создаетъ, вы не позволите себѣ настаивать на ближайшемъ принятіи тѣхъ или другихъ про-

граммъ, которыя въ дѣйствительности неосуществимы при данныхъ условіяхъ; вы будете рекомендовать только тѣ мѣропріятія, которыя вы будете въ состояніи провести въ жизнь, какъ члены правительства.

Вотъ почему въ Англіи, въ которой всего раньше осуществилась политическая отвѣтственность министровъ, члены оппозиціи называютъ себя членами оппозиціи Его Величества, а не Его Величеству. Этимъ самымъ они выражаютъ мысль, что во всякое время они готовы изъ оппозиціи перейти въ правительство и проводить на дѣлѣ программу, которую они выставили, такъ какъ считаютъ эту программу практически осуществимой. Вы видите, такимъ образомъ, что со всѣхъ сторонъ политическая отвѣтственность есть необходимость въ настоящее время. Трудно существованіе монархіи безъ политической отвѣтственности. Одно изъ главныхъ различій между монархіей и республикой есть въ настоящее время то, что президентъ республики отвѣтственъ передъ народомъ, тогда какъ монархъ передъ народомъ безотвѣтственъ, такъ какъ отвѣтственность за всѣ его дѣйствія падаетъ на министровъ. Такъ какъ большинство изъ васъ — монархисты, такъ какъ вы не представляете себѣ возможности въ настоящее время другого образа правленія въ Россіи, какъ конституціонная монархія, то вы остановитесь, по всей вѣроятности, на той мысли, что лучшее средство обезпечить мирное существованіе конституціонной монархіи это внести парламентскую или политическую отвѣтственность министровъ. Вотъ почему, господа, я вполнѣ присоединяюсь къ составителямъ адреса по вопросу о политической отвѣтственности министровъ парламентарнаго образа правленія.

М. М. Ковалевскій (Харьковская губ.). Гг. народные представители! Большая часть моихъ поправокъ относится къ этому именно отдѣлу проекта адреса—отвѣта на тронную рѣчь. Эти поправки касаются, во-первыхъ, функцій самого законодательнаго собранія, въ которомъ мы присутствуемъ—Государственной Думы. По моему мнѣнію, обѣщанія манифеста 17 октября, что „впредь въ Россіи не будетъ законовъ безъ Думы“, не находятъ себѣ осуществле-

нія въ тѣхъ нормахъ, которыя говорятъ о бюджетномъ правѣ Думы. Если въ Россіи не можетъ быть закона безъ Думы, то и всякіе законы, касающіеся наложенія тягостей на населеніе, тоже должны исходить отъ Думы, и безъ Думы нельзя взять съ населенія ни одной полушки. Вотъ почему я предлагаю вамъ внести слѣдующую поправку: „никакой законопроекъ, налагающій денежныя тягости на населеніе, разъ онъ принятъ Думой, не можетъ подлежать измѣненію со стороны учрежденія, не представляющаго собой массы налоговыхъ плательщиковъ“, и вслѣдъ за этимъ: „мы не можемъ, Государь, исполнить нашего долга, передъ Вами и народомъ, пока правительство сохраняетъ право взиманія налоговъ по старому бюджету, при неутвержденіи новаго“. Вы мнѣ позволите обстоятельнѣе развить ту мысль, которая заставила меня предложить эти поправки. Придется возвратиться отчасти къ тому, что здѣсь было сказано мной при обсужденіи всего текста адреса. Я имѣлъ честь доложить вамъ, что сперва въ Англіи, а затѣмъ во всѣхъ тѣхъ странахъ, которыя положили англійскій образецъ въ основу своихъ конституціонныхъ нормъ, принято было то въ высшей степени практическое правило, что та палата, которая представляетъ собой массу плательщиковъ, т. е. въ Англіи палата общинъ, но не палата лордовъ,—въ правѣ изготовлять государственную роспись или разсматривать внесенную въ нее государственную роспись. Верхняя же палата, палата лордовъ, можетъ только принять или отвергнуть поставленную уже нижней палатой роспись въ полномъ ея составѣ, но вносить измѣненія въ нее не можетъ, потому что члены верхней палаты не представляютъ собой массы налоговыхъ плательщиковъ. Эти правила приняты были и въ Новомъ Свѣтѣ, въ американскихъ конституціяхъ, въ бельгійской и въ большинствѣ германскихъ.

Если вы дорожите тѣмъ, чтобы распоряженіе народнымъ кошелькомъ находились въ вашихъ рукахъ, и если вы намѣрены исполнить вашу прямую обязанность передъ народомъ, именно, нормальное распредѣленіе податныхъ тягостей,—то не выпускайте изъ вашихъ рукъ эту драгоцѣн-

ную власть, власть, которая вамъ принадлежитъ по праву, такъ какъ вы представляете собой массу плательщиковъ. По той же причинѣ и въ виду принятыхъ вами обязанностей передъ народомъ, обязанностей создать равномѣрное распредѣленіе налоговаго обложенія, вы не можете упускать изъ рукъ другого права: права предоставить Думѣ, чтобы взимаемы были съ народа только тѣ налоги и только на тѣ расходы, которые будутъ созданы или утверждены вами. Я протестую противъ того правила, по которому, если новый бюджетъ не будетъ принятъ вами къ сроку, можно будетъ взиманіе налоговъ съ населенія производить на основаніи стараго бюджета, бюджета прошлаго года. Это право вы не можете признать: это есть нападеніе на существенные атрибуты законодательной власти, признанной за вами манифестомъ 17 октября.

Я перехожу теперь къ вопросу о Государственномъ Совѣтѣ. Здѣсь, по краткости времени, я не могу развить всѣхъ моихъ мыслей объ этихъ основныхъ конституціонныхъ началахъ. Краткость моихъ замѣчаній вызывается желаніемъ возможно скорѣе принять адресъ, составленный комиссіей Думы. Я не могу, однако, отказаться отъ внесенія поправокъ по вопросу о Государственномъ Совѣтѣ. Мнѣ кажется, что въ противномъ случаѣ я принялъ бы на себя большую нравственную отвѣтственность, такъ какъ я полагаю, что Государственный Совѣтъ не только полезенъ, но и необходимъ. Изъ этого не слѣдуетъ однако, что Государственный Совѣтъ можетъ быть органомъ законодательной власти; Государственный Совѣтъ всюду существуетъ и призванъ быть высшимъ административнымъ совѣтомъ; какъ высшій административный совѣтъ, онъ осуществляетъ собой ту высшую и отвѣтственную функцію, какой является изданіе согласнаго законамъ указа и подводящаго подъ его нормы цѣлый рядъ однохарактерныхъ случаевъ, имъ прямо не предусмотрѣнныхъ. Во Франціи такіе, изданные совѣтомъ, указы называются регламентомъ (по публичной администраціи), въ Англіи они носятъ другое названіе (прокламаціи), въ Россіи они носятъ названіе указовъ. Въ нашихъ новыхъ основныхъ законахъ говорится, какъ вы знаете, что въ проме-

жутокъ между сессіями нашей Государственной Думы, промежутокъ, который можетъ быть весьма продолжителенъ, Россія будетъ управляться временными правилами или указами. Остается пожелать, чтобы временныя правила, указы и повелѣнія издаваемы были не иначе, какъ при участіи Государственнаго Совѣта, восполненнаго общественными элементами.

Я полагаю, что эти функціи очень велики и очень отвѣтственны, но онѣ не выходятъ изъ предѣловъ того, что всѣ спеціалисты по государственному праву (и не одни спеціалисты) признаютъ областью власти исполнительной. Такому органу, который долженъ издавать указы, согласные съ закономъ, вы не можете дать права участвовать, наряду съ Государственной Думой, въ составленіи законовъ. Это было бы полнымъ смѣшеніемъ властей, тѣмъ смѣшеніемъ, которое еще Монтескье считалъ необходимымъ условіемъ деспотизма или произвола. Монтескье, передавая результаты вѣкового опыта не одной своей родины, а всѣхъ странъ запада, въ срединѣ 18 вѣка уже заявилъ, что когда въ однѣхъ рукахъ,—будетъ ли то одно лицо, или коллегіальное учрежденіе, — соединяется двѣ или болѣе властей, законодательная или исполнительная, да вдобавокъ еще судебная, то tout sera confondu, „все придетъ въ замѣшательство“,—и вамъ надо будетъ, какъ говорилъ Монтескье, „разстаться съ надеждой осуществить въ странѣ начала политической свободы“. Политическая свобода для Монтескье была тѣсно связана съ тѣмъ, чтобы органъ власти исполнительной не могъ осуществлять функцій власти законодательной. Вотъ, господа, ближайшая причина, по которой я признаю въ высшей степени полезнымъ и желательнымъ сохранить въ нашихъ учрежденіяхъ Государственный Совѣтъ, какъ высшій административный совѣтъ и какъ тотъ органъ, который составлялъ бы тексты указовъ, которые должны быть согласны съ законами и имѣть обязательную силу до момента созыва Государственной Думы, какъ значится въ текстѣ нашихъ основныхъ законовъ. Признавая въ высшей степени полезнымъ сохраненіе Государственнаго Совѣта для этихъ функцій, я рѣшительно отка-

зываю ему въ участіи на равныхъ правахъ съ Думой въ осуществленіи власти законодательной. Замѣтьте, какую опасность представляетъ такое смѣшеніе властей, вспомните, что всякій поворотъ къ неограниченному образу правленія всегда былъ связанъ съ усиленемъ, съ подчеркиваніемъ законодательныхъ функцій Государственнаго Совѣта. Что заключала въ себѣ конституція первой имперіи во Франціи? Усиленіе участія Государственнаго Совѣта въ законодательной власти. Что представляла собою конституція второй имперіи? Сосредоточеніе въ рукахъ Государственнаго Совѣта такихъ законодательныхъ функцій, которыхъ онъ не имѣлъ ни при іюльской монархіи, ни ранѣе, и которыхъ онъ не долженъ былъ имѣть, такъ какъ это ведетъ къ смѣшенію властей. Что представляла собою такъ называемая конституція графа Лорисъ-Меликова? Да ни болѣе, ни менѣе, какъ оставленіе въ рукахъ Государственнаго Совѣта законодательныхъ функцій, съ восполненіемъ его . . . чѣмъ?—Нѣкоторыми общественными элементами, выборными отъ земствъ! То же самое, въ болѣе распространенномъ видѣ, мы имѣемъ въ настоящее время: Государственный Совѣтъ восполненъ общественными элементами, которые являются въ моихъ глазахъ своего рода экспертами по нѣкоторымъ вопросамъ: по вопросамъ высшаго церковнаго управленія, по вопросамъ торговли и промышленности, по вопросамъ сельскаго хозяйства, по вопросамъ педагогическимъ. Отъ включенія этихъ общественныхъ элементовъ—экспертовъ—Государственный Совѣтъ не теряетъ своего характера высшаго административнаго совѣта; поэтому я еще разъ настаиваю на томъ, господа, чтобы вы приняли слѣдующее измѣненіе въ текстѣ выработаннаго вами проекта адреса въ отвѣтъ на тронную рѣчь (читаетъ:) „Мы полагаемъ, Государь, что Государственному Совѣту, какъ органу исполнительной власти, не приличествуетъ осуществлять въ то же время законодательныхъ функцій, хотя бы къ составу назначенныхъ сановниковъ и присоединены были выборные отъ однихъ высшихъ классовъ населенія“.

(Шумныя рукоплесканія).

М. М. Ковалевскій (Харьковская губ.). Г.г. народные пред-

ставители! Я присоединяюсь къ предложенной поправкѣ, о которой я имѣлъ честь говорить при обсужденіи общаго текста адреса. Я полагаю, что перечисленіе правъ гражданина будетъ неполнымъ, если вы упустите случай заявить объ одномъ изъ тѣхъ правъ, которое всего болѣе содѣйствовало, какъ я уже имѣлъ честь вамъ доложить, реформѣ аристократическаго порядка Англіи демократическимъ. Существуетъ цѣлый рядъ въ высшей степени интересныхъ сочиненій, къ числу которыхъ надо отнести и сочиненіе сидящаго здѣсь члена Государственной Думы Острогорскаго, о томъ, какъ, пользуясь правомъ ходатайства о тѣхъ или другихъ измѣненіяхъ въ сферѣ законодательства, народныя собранія или митинги содѣйствовали реформѣ государственныхъ порядковъ и внесенію, между прочимъ, большей справедливости въ систему избирательнаго права. У насъ нѣтъ никакого основанія, въ виду несовершенства нашего представительнаго устройства, не настаивать на томъ, чтобы въ нашей конституціи, какъ и въ конституціи всѣхъ европейскихъ народовъ, рядомъ съ неприкосновенностью личности, со свободой слова, мысли и т. д., свободой собраній было указано и на свободу петицій, т. е. письменныхъ обращеній къ намъ, членамъ Государственной Думы, представителямъ русскаго народа. Я вполнѣ понимаю, что можно принять тѣ или другія мѣры противъ принесенія въ народныя представительныя собранія большими массами текста самихъ петицій, или противъ введенія петиціонеровъ въ залъ засѣданій, чтобы они могли устно развить содержаніе своего ходатайства. Такія мѣры принимались и принимаются законодательствомъ европейскихъ народовъ. Мы можемъ также принять ихъ и, по всей вѣроятности, примемъ, но мы не имѣемъ никакого права отказаться отъ выслушиванія или прочтенія заявленій, представленныхъ въ письменномъ видѣ и скрѣпленныхъ подписями, хотя бы многихъ тысячъ человѣкъ, принимавшихъ участіе въ собраніи; напротивъ, намъ необходимо будетъ назначить комиссію или рядъ комиссій для разсмотрѣнія этихъ ходатайствъ и для составленія, на основаній ихъ, опредѣленныхъ предложеній, которыя могутъ поступить въ законодательномъ

порядкѣ на разсмотрѣніе Государственной Думы. Всѣ мои поправки сводятся, однимъ словомъ, къ замѣнѣ словъ „свобода стачекъ“ словами „свобода петицій“. Это вовсе не значитъ, что я намѣренъ говорить противъ стачекъ, но мѣсто упомянуть о нихъ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о свободѣ самоопредѣленія рабочихъ, такъ какъ видовое понятіе при родовой—свободѣ самоопредѣленія и будетъ свобода стачекъ. Итакъ, мое предложеніе сводится къ замѣнѣ слова „стачекъ“ словомъ „петицій“ и къ отнесенію параграфа о стачкахъ къ дальнѣйшей части адреса, гдѣ мы говоримъ о правахъ труда. (Апплодисменты).

Я нахожу нужнымъ мотивировать это предложеніе, такъ какъ эта мотивировка уже представлена была мною при обсужденіи проекта адреса въ общихъ чертахъ. Я указалъ тогда, если вы припоминаете, на то, что этотъ адресъ заключаетъ въ себѣ одинъ пропускъ, который въ моихъ глазахъ весьма существенъ, именно тамъ не выставлена точка зрѣнія Государственной Думы, представительства всего русскаго народа, на отношенія Россіи къ другимъ державамъ. Эта точка зрѣнія сводится къ желанію сохранить миръ и добрыя отношенія со всѣми государствами, поддерживая въ то же время начала международныхъ правъ и справедливости и заботясь о сохраненіи разъ достигнутыхъ границъ, при обезпеченіи всѣмъ націямъ возможности самостоятельнаго развитія и обнаруживая особую заботливость о близкихъ намъ славянскихъ народностяхъ, защищая ихъ отъ всевозможныхъ попытокъ ограничить ихъ свободу и самоопредѣленіе.

М. М. Ковалевскій (Харьковская губ.). Я имѣю въ виду предложить вамъ включить въ это мѣсто адреса мое дополненіе, касающееся отношеній обновленной Россіи къ народамъ Европы и другихъ странъ свѣта. Я полагаю, что Государственная Дума, какъ представительное учрежденіе Россійской Имперіи, не можетъ игнорировать ея отношеній къ другимъ народамъ Европы и должна высказать свою общую точку зрѣнія въ адресѣ на имя Императора, какой внѣшней политикѣ Россія желаетъ слѣдовать. Это и выражено въ томъ предложеніи, которое здѣсь въ писан-

номъ видѣ я прочту вамъ: „обновленная Россія, построивъ свою жизнь на началахъ свободы и самоопредѣленія, какъ для отдѣльныхъ лицъ, такъ и для цѣлыхъ національныхъ группъ, сохранитъ подобающее ей мѣсто въ ряду другихъ великихъ державъ. Къ главной своей заботѣ о независимости и цѣлости Имперіи, въ достигнутыхъ ею предѣлахъ, она присоединитъ и попеченіе о сохраненіи права и справедливости въ отношеніяхъ всѣхъ націй между собою и въ особенности въ ихъ отношеніяхъ къ славянству. Преслѣдуемая Вами, Государь, задача обезпеченія международнаго мира найдетъ возможность полнаго осуществленія съ того момента, когда въ самой странѣ исчезнетъ прежняя рознь и прежнее недовольство, выходъ изъ которыхъ правительство часто ищетъ въ иноземныхъ войнахъ“ (Аплодисменты).

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ (Тверская губ.). Г. предсѣдатель, позвольте мнѣ сказать по этому предмету. Я тоже принималъ участіе въ комиссіи. Въ комиссіи мы обсуждали вопросъ, слѣдуетъ ли упомянуть въ той или другой формѣ о войскѣ въ отвѣтѣ на тронную рѣчь. Въ концѣ-концовъ комиссія отвѣтила отрицательно. Я не буду говорить подробно, развивать доводы по существу этого вопроса, потому что это завело бы насъ, пожалуй, слишкомъ далеко, но я только отмѣчу, что этотъ вопросъ чрезвычайно важенъ, и если требуется большая осторожность включать что бы то ни было, касающееся внѣшней политики въ отвѣтъ на тронную рѣчь, то требуется не меньшая осторожность затрогивать въ этомъ актѣ интересы арміи, затрогивать тѣ или другія нужды войскъ. Редакція, предложенная представителемъ г. Одессы, членомъ Государственной Думы Щепкинымъ, всего дучше подтверждаетъ, что если мы примемъ эту редакцію, то, конечно, желаніе Щепкина отнюдь не будетъ удовлетворено. Его заботы — улучшить бытовое положеніе нижнихъ воинскихъ чиновъ въ сухопутной арміи и флотѣ. А онъ предлагаетъ установить такой законъ, чтобы воинская повинность отправлялась на началахъ или условіяхъ справедливости и права. Отправленіе воинской повинности—одно, бытовыя условія военной

службы—другое, дисциплинарныя отношенія, на которыхъ покоится все войско—третье. Я привелъ это, какъ примѣръ, какъ иллюстрацію того, что если Государственная Дума сочла бы необходимымъ такъ или иначе упомянуть о войскѣ въ отвѣтѣ на тронную рѣчь, то это необходимо поручить комиссіи,—той ли, которая у насъ есть, или спеціальной, но во всякомъ случаѣ это надо выразить съ наибольшей осторожностью и точностью.

М. М. Ковалевскій (Харьковская губ.). Господа народные представители! Государственная Дума поступила мудро, избравши самую почтительную форму для передачи Государю Императору адреса въ отвѣтъ на его тронную рѣчь. Это такая форма, которая была еще недавно обычной въ такой конституціонной по формѣ странѣ, какъ Англія; тамъ даже болѣе торжественно обставлялось поднесеніе адреса: всѣ члены палаты общинъ провожали своего предсѣдателя, т. е. спикера и канцлера, т. е. главу палаты лордовъ лично до входа во дворецъ. Затѣмъ спикеру, вошедшему вмѣстѣ съ канцлеромъ, предоставлялось обратить вниманіе короля на изложенныя въ адресѣ мысли и желанія палаты общинъ. Но эта форма была признана излишне торжественной, отнимающей много времени и препятствующей нормальному теченію парламентской жизни. И вотъ почему этотъ порядокъ былъ въ послѣднее время замѣненъ болѣе обычной и простой формой; а именно, адресъ въ отвѣтъ на тронную рѣчь вручается при посредствѣ двухъ лицъ, принадлежащихъ къ дворцовому вѣдомству, причемъ дается предпочтеніе тѣмъ, которые въ это время состоятъ членами палаты общинъ. Германскій рейхстагъ также остановился, подобно намъ, на болѣе торжественной формѣ врученія адреса. Но прусскій обычай совершенно не тотъ,—прусскій парламентскій адресъ не всегда подносится депутаціей, содержаніе его обыкновенно сообщается письменно черезъ посредство министерства. Итакъ, мы имѣемъ дѣло съ различными порядками представленія адреса. У насъ практика представленія адреса не успѣла еще установиться, и будетъ ли нашъ адресъ поданъ въ той торжественной формѣ, которую мы сами избрали, или инымъ порядкомъ,—послѣд-

ствій для дѣлъ страны и интересовъ нашего народа этотъ выборъ имѣть не будетъ. Государь Императоръ недавно назвалъ насъ „лучшими людьми“—переводъ англо-латинскаго термина meliores homines; но не только лучшіе люди, а и просто порядочные люди всегда ставятъ себѣ за правило говорить правду. Мы правдиво, искренне и честно сказали Государю все, что мы думаемъ о современномъ положеніи Россіи и какіе пути мы считаемъ указанными обстоятельствами для возстановленія внутренняго мира, спокойствія и благополучія.

Очевидно, этого только и ждалъ Государь отъ такихъ совѣтниковъ, какъ мы. И я полагаю, что въ избраніи той формы передачи адреса, на которой онъ остановился, не заключается никакого, ни прямого, ни косвеннаго порицанія нашей дѣятельности. Государь получилъ отъ насъ все то, что онъ ждалъ: честный, искренній совѣтъ о томъ, въ какихъ условіяхъ можетъ быть возвращенъ внутренній миръ нашему государству. Мы исполнили нашу обязанность, и я увѣренъ, что нѣтъ никакого основанія не перейти просто, безъ всякой особой мотивировки, къ очереднымъ дѣламъ.

По поводу декларації министерства.

Засѣданіе 13 мая 1906 г.

М. М. Ковалевскій (Харьковская губ.). Господа народные представители! Вы собраны здѣсь волею Государя отъ всѣхъ слоевъ русскаго населенія и, благодаря несовершенству избирательнаго закона, отъ землевладѣльцевъ въ большей степени, чѣмъ отъ другихъ классовъ. Эти землевладѣльцы, сами—земельные собственники, въ адресѣ, поданномъ на имя Государя, единогласно признали, что они считаютъ необходимымъ, своевременнымъ, неизбѣжнымъ выкупъ частновладѣльческихъ земель государствомъ, въ интересахъ обще-

ственной необходимости. Въ отвѣтъ на это вамъ приходится читать подобіе какихъ то прописей, въ которыхъ говорится, между прочимъ, что право собственности священно и неприкосновенно. Неужели вы, представители земельной собственности, не знаете точно также, что она неприкосновенна? Но этой неприкосновенности нимало не мѣшаетъ государственный выкупъ. И министры какого правительства приходятъ напомнить намъ о неприкосновенности собственности и утверждать, что этой неприкосновенности противорѣчитъ выкупъ ея государствомъ? Приходятъ министры того государства, которое въ 61 году произвело самый грандіозный актъ выкупа земли въ интересахъ общественной пользы и общественной необходимости. Если бы мы отвѣчали господамъ министрамъ тѣми же назиданіями, какими они удостоили насъ сегодня, то мы сказали бы: какъ вы смѣете выступать противъ воли Царя-Освободителя, какъ вы смѣете порицать самый великій актъ русской исторіи—освобожденіе крестьянъ съ землею! (Продолжительные апплодисменты). Слушать такого рода заявленія со скамьи, на которой сидятъ юристы, мнѣ — юристу — вещь непостижимая! Я не допускаю ни на единую минуту, чтобы людямъ, сидящимъ на этой скамьѣ, не было извѣстно то, что извѣстно студенту перваго курса юридическаго факультета, что признанію права собственности нимало не противорѣчитъ выкупъ земель государствомъ въ интересахъ общественной необходимости. Я не постигаю также, какъ могутъ люди, пришедшіе читать здѣсь правительственное заявленіе, вносить въ него совершенное противорѣчіе съ тѣмъ, что было заявлено нами. Здѣсь говорится о томъ, что мы собираемся отнять собственность частныхъ владѣльцевъ, которымъ принадлежатъ и земли крестьянъ собственниковъ. Да развѣ гдѣ либо въ нашихъ программахъ было сказано что либо объ отнятіи собственности отъ мелкихъ крестьянъ-собственниковъ? Я такой программы не знаю. Лица, утверждающія что либо подобное, очевидно, грѣшатъ противъ правды. (Апплодисменты). Я полагаю, что сегодняшній урокъ не пропадетъ даромъ для тѣхъ, которые пришли учить насъ (Смѣхъ): они также научатся уважать чувства и желанія народа, представителями котораго мы

являемся. Они не могутъ даже обѣщаніемъ такихъ реформъ, какъ введеніе подоходнаго налога или всеобщее даровое обученіе народа, реформъ, которыя мы бы привѣтствовали въ иныхъ условіяхъ,—помѣшать намъ высказаться открыто и убѣжденно о томъ, что до тѣхъ поръ народные представители будутъ считать себя неудовлетворенными, пока не будетъ исполнено ихъ желаніе видѣть, что всему прошлому положенъ конецъ прощеніемъ прошлыхъ обидъ; вѣдь амнистія есть именно такое всепрощеніе. Когда мы настаиваемъ на этой амнистіи, чего мы желаемъ? Мы желаемъ сказать: пусть прошлое будетъ прошлымъ, заживемъ новой жизнью! Я удивляюсь, почему господамъ министрамъ нужно было напоминать намъ о томъ, что право помилованія есть прерогатива Государя Императора: никто здѣсь этого не отрицалъ. Я полагаю, что такое напоминаніе въ высшей степени неумѣстно на томъ основаніи, что, подчеркивая, что это есть прерогатива Государя Императора, лица, засѣдающія на этихъ скамьяхъ, открываютъ намъ то, чего они не въ правѣ открывать. Они даютъ намъ понять, что если амнистія не даруется, то такова воля Государя Императора. Министерство конституціоннаго монарха, сдѣлавшее подобнаго рода поступокъ, оскорбило монарха, и не мы должны требовать его отставки—верховная Власть сама имѣетъ для этого достаточное основаніе. (Аплодисменты). Господа, я не желалъ бы, чтобы изъ моихъ краткихъ словъ кто-нибудь вынесъ впечатлѣніе, что мы намѣрены прекратить нашу государственную дѣятельность; нѣтъ, эту государственную дѣятельность мы не прекратимъ. Мы здѣсь—уполномоченные народа и мы будемъ исполнять возложенную на насъ миссію. Одна грубая сила можетъ удалить насъ отсюда. Я не могу допустить обращенія къ такой грубой силѣ. Мы будемъ продолжать нашу работу, несмотря на то, что въ возвѣщенной министерствомъ программѣ видимъ постоянный тормазъ для нашей дѣятельности. Только выраженіемъ нашего недовѣрія теперешнему министерству мы въ состояніи обѣлить себя въ глазахъ тѣхъ, кто будетъ говорить о медленности нашей работы и ея непроизводительности. Когда мы на нашей дорогѣ будемъ встрѣ-

чать такое препятствіе, какъ полное расхожденіе взглядовъ между нами, народными представителями, и министрами Его Величества, тогда несправедливо возлагать на насъ отвѣтственность за медленность или несвоевременность принимаемыхъ нами мѣръ и проводимыхъ нами реформъ. (Продолжительные аплодисменты).

Обращеніе отъ Государственной Думы.

Засѣданія 26-го іюня и 4-го іюля 1906 г.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ (Тверская губ.). Только что выслушанный нами запросъ заключаетъ въ себѣ три части: во-первыхъ, на какомъ основаніи сдѣлано сообщеніе отъ имени правительства; а затѣмъ непосредственно спрашивается: во-вторыхъ, приняты ли мѣры къ тому, чтобы означенное сообщеніе, какъ не исходящее отъ правительства и т. д., и въ третьихъ, сдѣлано ли имъ распоряженіе и т. д. Авторы запроса исходили изъ той точки зрѣнія, что правительство у насъ составляетъ не министерство, а совокупность всѣхъ главнѣйшихъ центральныхъ организацій государственной жизни. Но если эта точка зрѣнія представляется правильной, такъ сказать, теоретически, то отнюдь нельзя сказать того же съ формальной стороны. Мы въ законѣ не имѣемъ нигдѣ опредѣленія понятія „правительство“. Единственный разъ, когда это слово было употреблено въ законодательномъ актѣ — это въ манифестѣ 17 октября прошлаго года, гдѣ было сказано: „а по сему признали Мы за благо образовать правительство, на обязанность котораго возлагаемъ“... Вотъ почему, если министерство Горемыкина будетъ стоять на формальной точкѣ зрѣнія, то оно будетъ имѣть возможность отвѣтить на запросъ: сдѣлано данное сообщеніе отъ имени правительства, потому что подъ правительствомъ разумѣется министерство. Въ манифестѣ 17 октября это было буквально

указано. Тамъ, вѣдь, говорилось: Мы возлагаемъ на обязанность правительства установленіе незыблемыхъ основъ гражданской свободы и т. д., и т. д. Все это возлагалось на обязанность правительства въ лицѣ объединеннаго министерскаго кабинета. Поэтому я считаю, что настоящій запросъ, чтобы быть твердо обоснованнымъ, долженъ быть перередактированъ; долженъ быть перерерадактированъ его выводъ, и это, можетъ быть, согласятся сдѣлать сами авторы запроса, или, можетъ быть, Дума поручитъ это комиссіи 33-хъ. Высказываясь, такимъ образомъ, противъ немедленнаго принятія запроса, я очень боюсь быть заподозрѣннымъ въ томъ, что почему-либо хочу оттянуть дѣло. Напротивъ, я считаю, что до сихъ поръ едва ли когда въ Думѣ возбуждался столь громадной, принципіальной важности запросъ, какъ именно настоящій, и этотъ запросъ необходимо сдѣлать, какъ можно скорѣе, но его необходимо въ то же время обосновать, чтобы Государственная Дума не могла получить уклончиваго отвѣта, уклончиваго въ силу того, что формально министерство будетъ право. По существу, обстоятельства, вызвавшія этотъ запросъ, представляются совершенно исключительными. Вы помните, господа, какъ, при обсужденіи декларації министерства, членъ Государственной Думы М. Ковалевскій говорилъ, что министерство своей декларацією нарушило не только свои обязанности по отношенію къ Государственной Думѣ, но еще больше нарушило ихъ по отношенію къ Верховной власти. Да, оно прикрылось Верховной властью, прикрылось именемъ Монарха въ вопросѣ объ амнистіи и тѣмъ сняло съ Монарха безотвѣтственность, которая лежитъ въ основѣ конституціоннаго строя. А здѣсь что дѣлаютъ министры въ правительственномъ сообщеніи? Вспомните, вѣдь оно начинается именемъ Государя Императора и оканчивается тѣмъ же именемъ. Получается такое впечатлѣніе, что въ сообщеніи излагается воля Государя Императора, воля верховной власти. Это прямо не сказано, но впечатлѣніе, несомнѣнно, получается такое, и оно получается, главнымъ образомъ, потому, что правительственное сообщеніе изложено въ поразительно категорической формѣ. Ми-

нистерство перечисляетъ, какія предлагаются имъ реформы, и затѣмъ говоритъ, что эти реформы суть тѣ мѣры, которыя только и могутъ удовлетворить земельную нужду. Даже, если мнѣ не измѣняетъ память, тамъ нѣтъ словъ „по мнѣнію министерства". Говорится въ совершенно категорической формѣ и въ столь же категорической формѣ вообще излагается то, что съ нескрываемымъ полемическимъ тономъ говорили намъ съ этой каѳедры сперва г. Стишинскій, затѣмъ г. Гурко. Это именно ихъ слова. Они, конечно, могутъ имѣть извѣстныя убѣжденія—это ихъ дѣло, но ихъ слова здѣсь вызвали возраженія, а между тѣмъ, въ правительственномъ сообщеніи, подъ прикрытіемъ воли Монарха, объявляется населенію, что только вотъ такимъ способомъ можетъ быть устранена земельная нужда. И, наконецъ, чѣмъ они кончаютъ? Вспомните перечень тѣхъ мѣропріятій, которыя примѣнялись при существованіи прежняго неограниченно-самодержавнаго строя для облегченія положенія крестьянъ. Этотъ перечень заключается такъ: а теперь предлагается то-то и то-то, и крестьянство должно помнить, что оно можетъ получить дѣйствительное удовлетвореніе своихъ потребностей только въ силу исключительныхъ о немъ заботъ Государя Императора. Когда я, человѣкъ уравновѣшанный и уже не молодой, прочелъ это сообщеніе, то, не скрою, я впалъ въ состояніе бѣшенства,—иначе я не могу назвать того душевнаго состоянія, которое охватило меня въ тотъ моментъ. Въ конституціонномъ государствѣ министерство противополагаетъ Монарха народному представительству, волю Монарха и его заботы противополагаетъ волѣ и заботамъ народа въ лицѣ его представителей! Вѣдь это такое дикое непониманіе, которое можетъ быть свойственно только людямъ абсолютно невѣжественнымъ! Но тутъ я увидѣлъ не одно только непониманіе. Тотъ, кто писалъ правительственное сообщеніе, очень хорошо понималъ, въ какую сторону „они" направляютъ удары. Они умѣло и ловко—вѣдь это правительственное сообщеніе придетъ на мѣста — передъ населеніемъ полемизируютъ съ Государственной Думой и полемизируютъ отъ имени Монарха. Это абсолютно недо-

пустимо. Они пишутъ: пусть Государственная Дума говоритъ, что ей угодно, а рѣшеніе земельной нужды придетъ къ вамъ, но только не отъ Государственной Думы. Это прямой призывъ къ возстанію. Я иначе этого не могу понять,—это возбужденіе населенія къ ниспроверженію существующаго порядка, потому что, послѣ прочтенія сообщенія, невольно возникаетъ среди крестьянъ вопросъ: зачѣмъ же существуетъ Государственная Дума? Отсюда естественно, логически будетъ требовать ниспроверженія ея, и это даетъ составъ ст. 129 угол. улож., такъ часто примѣняемой правительствомъ. Я никогда, ни съ этой каѳедры, ни въ печати, ни даже въ жизни, не употреблялъ и не употребляю слова „провокація“, но когда я прочелъ правительственное сообщеніе 20 іюня, то я увидѣлъ, что нѣтъ такихъ словъ, которыхъ нельзя употреблять по отношенію къ нынѣшнему министерству...

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ (Тверская губ.). Я буду очень кратокъ. Членъ Государственной Думы Обнинскій закончилъ свою рѣчь словами, что онъ не знаетъ, какъ выйти изъ положенія. Создалось, дѣйствительно, чрезвычайно трудное положеніе, исключительно тяжелое для Государственной Думы. Мнѣ кажется, однако, что выходъ есть. Если бы у насъ былъ утвержденъ наказъ... виноватъ, если бы были у насъ утверждены предположенія издательской комиссіи, то выхода и не нужно было бы искать. Въ проектѣ комиссіи, внесенномъ на разсмотрѣніе Государственной Думы, значится въ отдѣлѣ Б, въ статьѣ первой, что когда Дума признаетъ необходимымъ поставить населеніе Имперіи въ извѣстность о своемъ постановленіи или о принятомъ мотивированномъ переходѣ къ очереднымъ дѣламъ, или объ отдѣльной рѣчи. то она постановляетъ о распубликованіи ихъ. И такая мѣра отнюдь не представляетъ чего-нибудь антиконституціоннаго или незаконнаго. Государственная Дума имѣетъ возможность и сейчасъ, не ожидая разсмотрѣнія всего доклада издательской комиссіи, обсудить только данное предложеніе и вынести рѣшеніе. А потому я предлагаю передать запросъ въ комиссію 33-хъ для перередактированія, а вмѣстѣ съ тѣмъ поручить той же комис-

сіи, или комиссіи аграрной, какъ болѣе компетентной въ настоящемъ дѣлѣ, выработать проектъ мотивированнаго постановленія Государственной Думы, — постановленія или формы перехода къ очереднымъ пѣламъ, это все равно, — во всякомъ случаѣ, по содержанію проектъ контръ-сообщенія, такого контръ-сообщенія, которое могло бы быть распубликовано отъ лица Государственной Думы. Это, мнѣ кажется, единственно дѣйствительный способъ противодѣйствія тѣмъ безконечно вреднымъ послѣдствіямъ, которыя, несомнѣнно, могутъ проистечь отъ распубликованія правительственнаго сообщенія отъ 20 іюня.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ (Тверская губ.). Еще до начала преній по существу, при обсужденіи вопроса о томъ, отложить пренія или нѣтъ, членами Государственной Думы Петражицкимъ и Стаховичемъ указывалось на исключительную и громадную важность того шага, на который предполагаетъ вступить Государственная Дума. Шагъ этотъ, несомнѣнно, исключительно важный, но представляется ли онъ крайне рискованнымъ, какъ говорилъ профессоръ Петражицкій, мнѣ кажется сомнительнымъ. Нельзя забывать условія и обстоятельства, въ которыхъ мы живемъ. Мы живемъ не въ мирное время, не при нормальномъ теченіи государственной жизни, а въ такія минуты приходится не рѣдко дѣлать и рискованные шаги,—рискованные потому, что бываетъ совершенно невозможно съ математической точностью исчислить и опредѣлить послѣдствія тѣхъ или иныхъ совершающихся явленій. Шагъ, который имѣетъ въ виду слѣлать Государственная Дума, исключительно важный. Онъ, не буду оспаривать, быть можетъ, не находитъ полнаго оправданія въ теоретическомъ конституціонализмѣ, но не въ этомъ дѣло. Опять таки, вѣдь мы живемъ въ такую исключительную минуту, когда необходимость быть можетъ иногда заставляетъ отступать отъ теоріи.

Этотъ шагъ, по моему мнѣнію, безусловно необходимъ, и Государственная Дума обязана сдѣлать его. Государственная Дума обязана обратиться къ населенію. Исходнымъ положеніемъ этой обязанности, по моему глубокому убѣжденію, служитъ отвѣтственность, лежащая на Государ-

ственной Думѣ. Что бы ни говорили, какъ бы ни старались перенести эту отвѣтственность на министерство или на революціонныя организаціи, но въ дѣйствительности отвѣтственность за совершающееся теперь въ Россіи лежитъ на Государственной Думѣ и на каждомъ изъ насъ въ отдѣльности. Этимъ сознаніемъ отвѣтственности должна быть проникнута вся дѣятельность Государственной Думы и оно никогда не должно насъ покидать ни на одну минуту. Да, мы отвѣтственны за совершающееся! Если мы не имѣемъ реальной возможности измѣнить совершающееся, такъ вспомните, господа, какое мы брали на себя обязательство передъ населеніемъ, которое насъ посылало въ Государственную Думу! Государственная Дума въ глазахъ всего няселенія въ теченіе долгаго времени, долгихъ мѣсяцевъ, была той свѣтлой точкой вдали, по мѣрѣ приближенія къ которой все усиливались вѣра и надежда, — усиливалась вѣра въ то, что эта свѣтлая точка разрастется и освѣтитъ всю нашу родину. Такъ смотрѣло населеніе. При выборахъ тѣ люди, которые не были убѣждены, что Государственной Думѣ удастся справиться съ кризисомъ, отказывались идти на выборы, они бойкотировали Думу и бойкотировали выборы. Мы этого не дѣлали. Тотъ фактъ, что мы находимся здѣсь, служитъ свидѣтельствомъ, что мы сознательно шли въ Государственную Думу. Мы возлагали на Думу надежду и принесли съ собою вѣру въ возможность мирнаго улаженія кризиса, въ возможность для Государственной Думы внести въ нашу страну миръ, спокойствіе и обновить государственную жизнь. Мы брали на себя обязательство, и на насъ лежитъ отвѣтственность за совершающееся. Эта отвѣтственность, съ другой стороны, коренится въ той исключительной авторитетности въ глазахъ населенія, которою пользуется Государственная Дума. Вспомните: народъ, выбирая насъ, дѣйствовалъ, я скажу, въ молитвенномъ настроеніи. Народъ относился къ выборамъ, какъ къ исполненію святого долга, онъ вѣрилъ въ Думу, и авторитетъ Думы, еще прежде, чѣмъ она собралась, былъ въ глазахъ народа чрезвычайно силенъ. И авторитетъ Думы остается таковымъ до настоящаго вре-

мени. Если еще сейчасъ все кое-какъ держится на мѣстахъ, если еще гроза не разразилась, если мы еще стоимъ только передъ грозой, то удерживаетъ населеніе не что иное, какъ авторитетъ Государственной Думы. 130-ти милліонное населеніе не можетъ жить безъ авторитета, — не авторитета ружей, штыковъ и пулеметовъ,—оно не можетъ жить безъ нравственнаго авторитета. Вспомните впечатлѣнія, которыя каждый изъ насъ вынесъ изъ времени выборовъ; вспомните выборы въ первой стадіи,—я говорю о выборахъ не городскихъ, а о деревенскихъ, внѣгородскихъ; вспомните выборы во второй стадіи. Скажите, кто не вынесъ впечатлѣнія, что населеніе анархизировано? Оно анархизировано до послѣдней степени: нѣтъ уваженія къ власти — къ власти, какъ къ таковой. Отрицательное отношеніе къ даннымъ представителямъ власти на мѣстахъ создало идейное отрицаніе власти вообще.

Это явленіе глубоко важное и чрезвычайно знаменательное. Я не буду подробно останавливаться на томъ, гдѣ корень этого явленія. Для меня важно отмѣтить его, какъ фактъ. Даже министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Толстой, этотъ, въ сущности говоря, единственный въ нашемъ прошломъ теоретически сильный реакціонеръ, и онъ, вѣдь, когда вводилъ земскихъ начальниковъ, вовсе не желалъ насаждать въ населеніи страхъ передъ властью для страха. Онъ разсуждалъ такъ: я долженъ вызвать въ населеніи страхъ передъ властью для того, чтобы потомъ этотъ страхъ естественнымъ образомъ перешелъ въ уваженіе, и чтобы на почвѣ уваженія выросъ нравственный авторитетъ власти. Его предположеніе оказалось ошибочнымъ: страхъ не можетъ создать уваженія, и онъ его не создалъ. Авторитета нѣтъ, и это, господа, явленіе, повторяю, исключительно важное. Съ какой бы точки зрѣнія ни смотрѣть на Россію, на все населеніе, на все совершающееся—въ основаніи лежитъ, несомнѣнно, отрицаніе авторитета. Съ этимъ надо считаться, и этого никогда нельзя забывать. Авторитета нѣтъ, и только если есть еще кое-какое довѣріе, то исключительно къ Государственной Думѣ. Положеніе столь важное и столь исключительное, что въ жертву ему весьма

много и много можно и должно приносить—и соображенія тоорэтическаго характера, и даже возможность риска.

Говорятъ, что аграрныя волненія, нынѣ охватившія многія губерніи, есть результатъ дѣйствій революціонеровъ, результатъ агитаціи. Какой это, въ сущности, близорукій взглядъ на положеніе дѣла! Вѣдь вездѣ въ мірѣ существуютъ теоретическіе и практическіе анархисты. Они имѣются въ Германіи, Франціи, Швейцаріи, — гдѣ угодно, но, однако, революція тамъ не совершается въ настоящее время. Съ другой стороны, исторія намъ показываетъ, что никогда и нигдѣ революція не была вызвана искусственно. Да и можетъ ли она быть искусственно вызвана? Революцію совершаютъ прежде идеи, а лишь потомъ дѣйствія.

И вотъ, въ идейно-анархизированное населеніе, въ населеніе, въ которомъ нѣтъ авторитета власти и въ которомъ теплится вѣра только въ Государственную Думу, въ населеніе, которое своей мыслью опирается исключительно на Государственную Думу—въ это населеніе искусная рука вноситъ стремленіе дискредитировать Думу, поколебать ея авторитетъ. На другой или на третій день послѣ того, какъ мы собрались, меньше чѣмъ черезъ недѣлю, въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ стали появляться телеграммы; въ нихъ не важно то, что нарушалось достоинство Государственной Думы,—это имѣетъ второстепенное значеніе,—важно то, что совокупность этихъ телеграммъ явно колебала авторитетъ Государственной Думы. Далѣе, поколебать авторитетъ Государственной Думы стремилась декларація министерства, сообщенная съ этой каѳедры 13 мая. Высшее учрежденіе въ Имперіи, высшее законодательное учрежденіе, образованное изъ представителей народа, единственное, которое пользуется авторитетомъ, выслушало, что разрѣшеніе земельнаго вопроса такъ, какъ оно находитъ нужнымъ, „безусловно недопустимо“. Народные представители выслушали совѣтъ: „помогайте органамъ исполнительной власти въ ихъ отвѣтственномъ дѣлѣ—внести въ страну успокоеніе“.

Теперь колеблетъ авторитетъ Государственной Думы правительственное сообщеніе отъ 20 іюня. Что же дѣлать? Дѣйствительно, Государственная Дума работаетъ медленно,

въ этомъ нельзя не признаться. Въ теченіе двухъ слишкомъ мѣсяцевъ реальныхъ результатовъ ея работы почти нѣтъ. Причинъ много; не буду на нихъ останавливаться. Мы знаемъ, что всякій конституціонный механизмъ есть механизмъ чрезвычайно сложный, и приводитъ его въ быстрое движеніе не представляется возможнымъ. Такъ и Государственная Дума. Но населеніе смотритъ иначе; оно полагаетъ или что намъ не даютъ дѣлать, или что мы не можемъ дѣлать. Всѣ наши усилія должны быть направлены въ настоящую минуту къ поднятію авторитета Государственной Думы, и не только наши усилія, но, я полагаю, и усилія органовъ исполнительной власти, ибо единственное учрежденіе, которое пользуется авторитетомъ въ населеніи, это Государственная Дума. Если вырвать у населенія этотъ авторитетъ, то тогда все неизбѣжно должно рухнуть, и долженъ произойти крахъ, что и какъ выйдетъ изъ этого краха. Догадаться чрезвычайно трудно. Нельзя забывать, что и здѣсь, въ Думѣ, отражая собою населеніе, чрезвычайно единодушны во всемъ, что касается отрицанія; но есть ли въ насъ единодушіе въ положительныхъ идеалахъ? Разъ мы станемъ на почву положительныхъ идеаловъ, то наше единодушіе неизбѣжно само собой упадетъ.

Есть ли практическая надобность въ подобнаго рода обращеніи къ населенію? 27 іюня я получилъ телеграмму отъ одного изъ администраторовъ, стоявшаго во главѣ управленія одной изъ губерній, нынѣ охваченныхъ аграрнымъ движеніемъ. Въ этой телеграммѣ авторъ ея умоляетъ Государственную Думу издать воззваніе къ населенію, ибо, пишетъ онъ, „необходимо во что бы то ни стало поддержать вѣру въ населеніи въ плодотворность работы Государственной Думы“. Я получилъ свѣдѣнія, что авторъ телеграммы лишенъ душевнаго равновѣсія, и потому полнаго текста ея не привожу. Но это для меня не имѣетъ значенія, потому что телеграмма служитъ только иллюстраціей положенія, которое, по моему глубокому убѣжденію, является неизбѣжнымъ, логическимъ послѣдствіемъ всего совершающагося. Аграрныя волненія сами по себѣ явленіе

весьма сложное, результатъ цѣлой массы факторовъ, но что тутъ, въ ряду другихъ факторовъ, занимаетъ не послѣднее мѣсто и правительственное сообщеніе отъ 20 іюня, мнѣ кажется, должно стоять внѣ сомнѣнія. Когда населеніе не вѣритъ правительству, то оно не вѣритъ и правительственнымъ сообщеніямъ, и такія сообщенія производятъ не прямое, а обратное дѣйствіе. Говорятъ: вотъ такъ то и такъ то будетъ разрѣшенъ крестьянскій вопросъ, будетъ устранена земельная нужда. Неужели вы думаете, что при данномъ настроеніи народа появится впечатлѣніе, что именно такъ и будетъ устранена крестьянская земельная нужда? Гораздо больше основаній думать, что впечатлѣніе получится обратное, что здѣсь какая-то неправда, что здѣсь что-то скрываютъ, что здѣсь чего-то не додадутъ или не додѣлаютъ. И вотъ при такомъ настроеніи этотъ документъ не можетъ не произвести возбуждающаго дѣйствія! Успокоеніе должна внести Государственная Дума своимъ авторитетнымъ словомъ. Не забывайте, господа, что только одна Дума въ настоящее время въ глазахъ населенія пользуется авторитетомъ, не забывайте никогда, что на насъ лежитъ отвѣтственность за все совершающееся, и что эту отвѣтственность мы ни на кого переложить не можемъ,— она остается всегда на совѣсти каждаго изъ насъ! (продолжительные апплодисменты).

Законопроекты, предложенія законодательнаго характера и проектъ наказа.

Засѣданіе 12 мая 1906 г.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ (Тверск. г.). Членъ Государственной Думы фонъ-Рутценъ закончилъ свою рѣчь указаніемъ на то, что комиссіи, которая будетъ выбрана Государственной Думой, не предстоитъ большой работы, что комиссіи и Думѣ придется продѣлать лишь ту работу, которую про-

дѣлали въ настоящее время авторы законопроекта, и вопросъ, такъ сказать, скоро можно будетъ вылить въ форму законопроекта, принятаго Государственной Думой. Да, если судить по объему законопроекта, содержащаго всего шесть страницъ, то, какъ будто, работа небольшая. Но это только кажется такъ потому, что авторы законопроекта сдѣлали однѣ ссылки на статьи законовъ, а текста статей не привели. Это не только было бы необходимо для членовъ Государственной Думы, какъ справедливо указывалъ членъ Думы Жуковскій, но это относится въ большей мѣрѣ, казалось бы, и къ самимъ авторамъ законопроекта, которымъ тогда стало бы ясно, что многое и очень многое изъ него не можетъ быть рѣшено такъ просто. Прочтите вотъ хотя бы на страницѣ 3-й параграфъ 4-й, пунктъ 6. Въ перечнѣ статей, которыя здѣсь указаны, предлагается сдѣлать одни редакціонныя исправленія, не касаясь измѣненія существа. Я не только юристъ по образованію, но спеціально криминалистъ. Большинство этихъ законовъ относится къ моей спеціальности, но я на память могу сказать только одно, что всѣ ссылки подлежатъ тщательному пересмотру, такъ какъ многія изъ нихъ оказываются не точными. Вотъ еще вамъ хотя пунктъ 5-й на страницѣ 4-й. Вопреки общему смыслу заголовка на страницѣ 3-й, здѣсь говорится не объ отмѣнѣ, а объ измѣненіи статьи 219 устава уголовнаго судопроизводства и предлагается изложить ее въ новой редакціи. Мало знакомый съ вопросомъ можетъ подумать, что измѣняется только редакція, а между тѣмъ въ дѣйствительности измѣняется вся военно-судебная организація, которая на три четверти упраздняется. Я далеко не защитникъ и не сторонникъ сохраненія военно-судебной организаціи въ нынѣшнемъ ея видѣ. Какъ близко стоявшій къ этому дѣлу, я сознаю отлично, что она крайне неудовлетворительна, но разрѣшать вопросъ путемъ измѣненія редакціи статьи 219 устава уголовнаго судопроизводства— невозможно. Авторы проекта говорятъ, что нужно измѣнить, въ связи съ новой редакціей, 219 статью, а также всѣ другія соотвѣтственныя постановленія. Да, нужно измѣнить весь военно-судебный уставъ, который и одного дня

не можетъ сохранять своего дѣйствія при такомъ измѣненіи 219 статьи устава уголовнаго судопроизводства. Въ законопроектѣ охвачено чрезвычайно много такихъ вопросовъ, которые никоимъ образомъ измѣнены быть не могутъ однимъ законопроектомъ или однимъ закономъ. Комиссіи предстоитъ громадная работа. Комиссіи предстоитъ сдѣлать тщательную провѣрку предположеній авторовъ законопроекта, выбрать то, что можетъ быть разрѣшено сепаратнымъ закономъ, и отдѣлить все то, что не можетъ быть разрѣшено иначе, какъ путемъ коренного измѣненія уложенія о наказаніяхъ, судебныхъ уставовъ и спеціальныхъ кодексовъ. Я не говорю уже о спеціальныхъ законоположеніяхъ. Если стать на точку зрѣнія комиссіи, то придется зарыться въ дебри и изъ нихъ едва ли когда нибудь удастся выбраться. Комиссіи, я не сомнѣваюсь, придется, въ силу необходимости, сузить рамки вопроса. Въ узкихъ рамкахъ, конечно окажется возможнымъ разрѣшить вопросъ. Но думать, что мы дѣйствительно создадимъ неприкосновенность личности у насъ въ Россіи въ теченіе короткаго времени—нельзя. Эта работа огромная. Многіе изъ г.г. ораторовъ указывали, что авторами проекта руководило, главнымъ образомъ, то, какъ бы чего либо не забыть, какъ бы полнѣе, такъ сказать, отмѣнить тѣ наслоенія въ нашемъ законодательствѣ, которыя нарушаютъ собой идею неприкосновенности личности. При этомъ забывалось однако, что таковы не одни наслоенія, а вся конструкція цѣлыхъ кодексовъ. Цѣлые кодексы подлежатъ измѣненію, разъ они сплошь построены на началахъ, отрицающихъ дѣйствительную неприкосновенность личности. То, что я говорилъ, я отнюдь не имѣлъ въ виду сейчасъ облекать въ какое либо конкретное предложеніе параллельно съ предложеніями авторовъ законопроекта. Но я хотѣлъ только показать Государственной Думѣ, что предстоитъ рѣшеніе чрезвычайно трудной задачи. Задачу эту предстоитъ разрѣшить сперва комиссіи, затѣмъ самой Государственной Думѣ. И вотъ почему особую осторожность, проявленную Думой, я съ своей стороны особенно привѣтствую, чтобы комиссію избрать не ранѣе завтрашняго дня.

Независимо отъ этого, я, поддерживая предложеніе члена Государственной Думы Жуковскаго, готовъ внести предложеніе,—можетъ быть, предсѣдатель найдетъ возможнымъ поставить его на голосованіе,—просить всѣхъ, вносящихъ законопроекты, непременно включать въ свои предположенія текстъ подлежащихъ отмѣнѣ законовъ. Это, дѣйствительно, необходимо. И юристу, когда онъ читаетъ этотъ законопроектъ, надо обложить себя десятками книгъ и рыться въ нихъ. Я вполнѣ понимаю г. Жуковскаго, который говоритъ, что, читая это, онъ рѣшительно ничего не понялъ (Апплодисменты).

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ (Тверск. г.). Я не затрудню вниманія Государственной Думы и, по возможности, буду кратокъ. Мнѣ пришлось выслушать нѣсколько упрековъ. Между прочимъ меня упрекали въ томъ, что я нѣсколько опрометчиво указалъ на неточность ссылки, сдѣланной авторами проекта. Если упрекъ относится къ стр. 3-й, то да, я извиняюсь, но въ этомъ не моя вина, потому что я не имѣлъ подъ руками кодекса. Но если онъ относится къ тому, что напечатано на страницѣ 7-й, то я, и не имѣя подъ руками кодекса, могу заявить, что ссылки не вѣрны и ошибочны. Статья 346-я пропущена, вѣроятно, по недоразумѣнію (ст. 346-я или 344-я — на память, вѣдь, сказать чрезвычайно трудно). Затѣмъ меня упрекаютъ въ неточности относительно того большого значенія, которое я придаю измѣненію редакціи 219-й статьи Устава уголовнаго судопроизводства. Смѣю увѣрить, что когда проектъ вернется изъ комиссіи, то я представлю весьма и весьма вѣскія доказательства того, что авторы проекта, вѣроятно, сдѣлали не то, что они хотѣли сдѣлать: они распространили дѣйствіе военной подсудности на состоящихъ въ запасѣ, потому что сказали „состоящихъ на дѣйствительной службѣ“, а по нашему закону состояніе въ запасѣ есть тоже дѣйствительная служба. Затѣмъ они были неточны въ конечномъ выводѣ. Далѣе, я не замедлю доказать, что здѣсь не простое сокращеніе военной подсудности, а полная и очень большая реформа. Хотя членъ Государственной Думы Винаверъ направлялъ свои возраженія противъ меня, но я сознаюсь, что и я его

рѣчи апплодировалъ и апплодировалъ совершенно сознательно, потому что понимаю, какое значеніе имѣетъ законодательная иниціатива Думы, какъ важно это право членовъ Думы, и какъ важно намъ его беречь и ужъ никакъ не затруднять его осуществленія. Моя мысль была понята не такъ, какъ я хотѣлъ. Само собою разумѣется, я не хотѣлъ сказать, чтобы, когда предлагаютъ отмѣнить законъ, весь этотъ законъ печатали. Нѣтъ, какъ совершенно справедливо указалъ членъ Государственной Думы Жуковскій, лучше не упоминать никакихъ статей, чѣмъ только приводить ихъ номера. Равнымъ образомъ, я далекъ былъ отъ мысли о томъ, чтобы, когда вносятъ, напр., законопроектъ объ отмѣнѣ IX тома Свода законовъ, то надо и перепечатать весь IX томъ. Само собой разумѣется, я далекъ былъ отъ мыслей подобнаго рода. Я говорилъ о другомъ: когда напечатанъ номеръ статьи, то подъ этимъ номеромъ надо напечатать и ея текстъ. Могу увѣрить присутствующихъ, что, кромѣ авторовъ-составителей этого законопроекта, никто не разберется въ фразахъ, которыя я позволю себѣ сейчасъ прочесть. На страницѣ 4-й, пунктъ в, „глава первая и вторая, раздѣлъ второй книги 3-ей уст. гр. суд., кромѣ ст. 1316 (съ исключеніемъ словъ „съ изъятіями, установленными въ нижеслѣдующихъ статьяхъ“) и ст. 1330[1] (съ замѣною словъ „въ статьяхъ 1316, 1318—1330, съ соблюденіемъ при томъ нижеслѣдующихъ особенностей“ (ст. 1330[2]—1330[7]) словами „въ ст. 1316“). При бѣгломъ чтеніи, не будучи авторомъ написаннаго, можно ли здѣсь что либо понять или усвоить? Само собою разумѣется, что прочитанныя 5 или 6 строкъ ничего не говорятъ. Я юристъ и съ судебными уставами обращался; но что значитъ, когда пишутъ, что отмѣняется рядъ статей, кромѣ 1316 ст., въ которой, однако, надо исключать „съ изъятіями, установленными въ нижеслѣдующихъ статьяхъ“? Да, позвольте спросить, какія эти изъятія? О чемъ въ нихъ говорится? Или ужъ не дѣлайте ссылокъ на статьи закона вовсе, а если уже сдѣлали ссылку, то надо написать, что это за статьи. На предшествующей страницѣ 1074 ст. предлагается сохранить, но съ замѣною словъ „въ С.-Петербургской Судебной Палатѣ“ словами

„въ судебныхъ мѣстахъ С.-Петербургскаго Судебнаго Округа". Я спрошу присутствующихъ, да не только присутствующихъ, но всѣхъ самыхъ опытныхъ юристовъ,—что это такое? Рѣшительно ничего нельзя понять! Повторяю, я далекъ отъ мысли о какомъ бы то ни было стѣсненіи законодательной иниціативы. Дай Богъ, чтобъ это право нами развивалось и примѣнялось какъ можно шире. Я рѣшительно однако не вижу препятствій къ тому, чтобы составители законопроектовъ имѣли въ виду тѣ затрудненія, которыя обнаружились сегодня.

Засѣданіе 15 мая 1906 г.

М. М. Ковалевскій (Харьковская губ.). Господа народные представители! Я полагаю, что вопросъ, подлежащій нашему рѣшенію въ настоящее время, есть тотъ же вопросъ, который обсуждается въ любомъ парламентѣ при первомъ чтеніи внесеннаго законопроекта. Я предложу поэтому говорить объ отдѣльныхъ параграфахъ предлагаемаго намъ проекта, когда изъ комиссіи этотъ проектъ пойдетъ на наше вторичное обсужденіе. Въ настоящее же время я сообщу тотъ рядъ мыслей, который приводитъ меня къ заключенію, что этотъ проектъ заслуживаетъ нашего вниманія. Если бы я придерживался иного взгляда на этотъ проектъ, то я предложилъ бы вамъ ту форму, которой вѣжливо отклоняется обсужденіе законопроекта, признаннаго негоднымъ. Я предложилъ бы, напримѣръ, отсрочить обсужденіе этого законопроекта и передать его въ комиссію черезъ шесть мѣсяцевъ, въ увѣренности, что въ концѣ этого срока первая сессія нашей Думы будетъ закончена. Эта форма, которой придерживаются въ англійскомъ парламентѣ, была бы безобидна для докладчика законопроекта и его составителей. Но, такъ какъ я, какъ и постараюсь сейчасъ доказать вамъ, имѣю полное основаніе думать, что этотъ законопроектъ отвѣчаетъ дѣйствительнымъ потребностямъ и вполнѣ удовлетворяетъ назрѣвшимъ нуждамъ общества,—то и закончу свою рѣчь предложеніемъ передать этотъ законопроектъ въ комиссію, которая вне-

сетъ его съ извѣстными измѣненіями; такъ какъ права комиссіи въ этомъ отношеніи очень обширны, то она его можетъ совершенно пересмотрѣть и представить въ новомъ видѣ на ваше дальнѣйшее обсужденіе. Я полагаю, что этотъ законопроектъ заслуживаетъ нашего полнаго вниманія, потому что онъ разрѣшаетъ вопросъ о неприкосновенности личности такъ, какъ разрѣшаютъ его въ любомъ государствѣ, гдѣ существуетъ народное представительство, и гдѣ личность пользуется охраной суда. Порядокъ этотъ возникъ въ разныхъ странахъ въ разное время, но я думаю, что никто изъ васъ не поразится, узнавъ, что принципъ, который защищается въ этомъ законѣ, возникъ въ Англіи еще въ 1215 г., именно съ того времени, когда была обнародована Великая Хартія Вольностей, когда было провозглашено то начало, что ни одинъ человѣкъ не можетъ быть задержанъ и брошенъ въ тюрьму, не можетъ быть подвергнутъ административной ссылкѣ иначе, какъ по приговору суда. Это тотъ самый принципъ, который проводится въ предложенномъ вамъ законопроектѣ. Онъ получилъ признаніе въ 1680 году, въ такъ называемомъ статутѣ „Habeas corpus“. Всѣ не только европейскія, но и американскія законодательства придерживаются того же начала. Я особенно подчеркиваю это правило и настаиваю на его признаніи, такъ какъ съ этой каѳедры я услышалъ замѣчаніе: „почему суду, а не прокурорскому надзору?“ Очевидно, потому, что судъ несмѣняемъ, а члены прокурорскаго надзора смѣняемы. Вотъ почему суду, а не прокурорскому надзору долженъ быть предоставленъ контроль за дѣйствіями администраціи, когда рѣчь идетъ о задержаніи. Я поддерживаю этотъ законопроектъ не только потому, что онъ подчиняетъ администрацію судебному контролю во всѣхъ случаяхъ задержанія, но и потому, что имъ весьма ясно сознана та истина, что недостаточно провозгласить принципъ неприкосновенности личности и сохранить право высшаго начальства позволять или не позволять привлеченіе къ суду подчиненныхъ имъ органовъ. Такое право существовало во Франціи и создано было въ ней, такъ называемой, консульской конституціей, ея 75 параграфомъ, по которому нельзя было

привлечь чиновника къ судебной отвѣтственности, не испросивъ согласія его ближайшаго начальства, а для высшихъ органовъ администраціи, и въ томъ числѣ министровъ, не испросивъ согласія государственнаго совѣта. Эти нормы были перенесены въ первую имперскую конституцію и заимствованы были, по всей вѣроятности, изъ французскаго источника нашими законодателями, въ частности Сперанскимъ. Онѣ встрѣчаются въ XVI томѣ, который распространяетъ ихъ на различныхъ представителей власти, даже на земскія власти и на власти городскія.

Вы прекрасно поняли, что пока будетъ держаться такое правило, ни о какомъ проведеніи въ жизнь начала отвѣтственности чиновниковъ при произвольномъ задержаніи не можетъ быть и рѣчи. Вы приняли во вниманіе, что вслѣдъ за сентябрьскимъ переворотомъ во Франціи, прежде чѣмъ вотирована была въ народѣ республиканская конституція 1875 года, временное правительство сочло нужнымъ отмѣнить, такъ называемый, 75 параграфъ. Съ этого времени во Франціи было проведено начало, которое имѣется въ Англіи, т. е. отвѣтственность всѣхъ органовъ исполненія передъ судебною властью, независимо отъ испрашиванія чьего бы то ни было согласія на преданіе ихъ суду. Значитъ, и этотъ второй существенный пунктъ, ограждающій личность и ея неприкосновенность, обезпеченъ правомъ судебнаго преслѣдованія должностныхъ лицъ, органовъ исполненія, за допущенное ими нарушеніе закона при личномъ задержаніи. Вами принято во вниманіе, что неприкосновенность личности требуетъ, во 1-хъ, передачи суду контроля за порядкомъ производства задержанія и, во 2-хъ, возможности судебнаго преслѣдованія чиновниковъ, произведшихъ задержаніе помимо согласія ихъ прямого начальства. Но вы не даете никакихъ указаній насчетъ тѣхъ средствъ, которыми можно обезпечить неприкосновенность жилища и частной корреспонденціи. Я думаю, что комиссія пересмотритъ въ этомъ отношеніи внесенный въ нее законопроектъ и, отправляясь отъ признанія принципа неприкосновенности жилищъ, неприкосновенности частной корреспонденціи, введетъ въ то же время какія нибудь дополнительныя нормы

съ той цѣлью, чтобы создать изъ этого теоретическаго требованія практическое средство для проведенія въ жизнь этихъ началъ, признаніе которыхъ въ жизни представляетъ очень большія трудности. Я приведу вамъ примѣръ. Вы получаете извѣстіе о томъ, что въ томъ или другомъ жилищѣ готовится бомба. Очевидно, въ этихъ случаяхъ неприкосновенность жилища провести довольно трудно. Комиссіи придется поработать не мало для того, чтобы отыскать тѣ нормы, которыя позволили бы привести въ соотвѣтствіе государственный интересъ съ принципомъ неприкосновенности жилища.

Относительно неприкосновенности корреспонденціи опять таки комиссіи будетъ предстоять большая работа. Если имѣется предположеніе, что въ текстѣ какой нибудь телеграммы, какого нибудь письма можно найти явныя доказательства подготовляемаго государственнаго переворота, опять таки явится понятное желаніе предупредить его вскрытіемъ корреспонденціи. Вашей комиссіи придется поэтому поставить себѣ задачей примирить и на этотъ разъ государственный интересъ, требованіе государственной безопасности съ сохраненіемъ дорогого всѣмъ намъ принципа неприкосновенности личности.

Изъ всего сказаннаго, я думаю, можно придти къ заключенію, что въ общемъ я отношусь весьма сочувственно къ внесенному проекту закона, но я хотѣлъ бы оттѣнить одну сторону въ моемъ отношеніи къ нему, которая, по всей вѣроятности, не будетъ раздѣляться лицами, его составившими. При его составленіи имѣлось въ виду, что будетъ изданъ особый законъ о такъ называемой усиленной и чрезвычайной охранѣ, отвѣчающей европейскому понятію осаднаго положенія. Но при этомъ голоса, которые раздавались съ этой каѳедры, не упомянули ни разу о томъ, что есть и другая форма усиленной охраны, не отвѣчающая понятію осаднаго положенія, при которой требованія законности сохраняются въ большей степени. Это—временная отстрочка дѣйствія акта „Habeas corpus“. Существенное отличіе между осаднымъ положеніемъ и временной отсрочкой „Habeas corpus“ лежитъ въ томъ, что при временной

отстрочкѣ отвѣтственность должностныхъ лицъ, гражданскихъ и военныхъ, за дѣйствія, не согласныя съ закономъ, не отмѣняется, а отсрочивается. Нельзя въ періодъ отстрочки „Habeas corpus“ привлечь ихъ къ судебной отвѣтственности, но право привлечь за дѣйствія, несогласныя съ закономъ, по прекращеніи отстрочки „Habeas corpus“, удерживается за лицами, интересы и права которыхъ были задѣты такими незаконными дѣйствіями.

Я полагаю, что комиссія должна будетъ включить эти начала въ законъ о неприкосновенности личности, не ожидая того момента, когда проведено будетъ особое законодательство, отвѣчающее западному представленію объ осадномъ положеніи или нашему представленію объ усиленной и чрезвычайной охранѣ. Я прерываю мои общія замѣчанія и предлагаю вамъ, господа, передать дальнѣйшее обсужденіе разобраннаго здѣсь законопроекта въ комиссію.

В. К. Федоровскій (Рязанская губ.). Относительно мнѣній, которыя высказаны по поводу обсуждаемаго законопроекта, можно сказать слѣдующее. Нѣкоторые изъ говорившихъ требуютъ расширенія мысли, которая положена въ основу законопроекта, т. е. мысли о неприкосновенности личности; расширеніе это идетъ иногда до того, что требуется измѣненіе судебныхъ уставовъ императора Александра II, иногда-же ограничивается только тѣмъ, что предлагается измѣненіе статьи 295 уст. угол. суд., въ которой видятъ тормазъ для нормальнаго отправленія дѣятельности органовъ судебной власти. Нѣтъ сомнѣнія, для каждаго здѣсь присутствующаго ясно, что необходимо возстановить въ полной чистотѣ судебные уставы, что необходимо измѣнить организацію судебной власти въ смыслѣ предоставленія ей полной независимости. Но въ данный моментъ мы, мнѣ думается, обсуждаемъ только узкій вопросъ, вопросъ объ обезпеченіи свободы личности. Въ предѣлахъ этого то вопроса мнѣ представляется необходимымъ обсужденіе дальнѣйшей редакціи законопроекта въ комиссіи. Поэтому, несмотря на полную солидарность съ мыслью о необходимости того или другого измѣненія въ различныхъ областяхъ, я категорически высказываюсь противъ расши-

ренія основныхъ положеній предложеннаго законопроекта сейчасъ, ибо въ немъ одномъ я вижу то зерно, которое еще въ „Великой Хартіи Вольностей“ послужило началомъ англійскихъ свободъ. Я высказываюсь за то, чтобы комиссія ограничилась лишь основными положеніями предлагаемаго законопроекта, я высказываюсь противъ расширенія ихъ на ту или другую область въ виду того, что намъ необходимо, какъ можно скорѣе, дать просимый кусокъ хлѣба, синицу въ руки, а не орла въ небѣ.

Засѣданіе 18 мая 1906 г.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ (Тверская губ.). Законопроектъ, представленный на обсужденіе Государственной Думы членомъ ея Набоковымъ, не былъ для Думы неожиданнымъ. Еще при обсужденіи адреса въ отвѣтъ на тронную рѣчь не разъ высказывалось, что законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни будетъ внесенъ въ ближайшее время. И не только въ законопроектъ предполагалось внести указаніе на необходимость немедленной пріостановки смертныхъ приговоровъ, но это же прямо было занесено въ отвѣтный адресъ на тронную рѣчь. Но, конечно, если намъ приходится обсуждать или касаться обсужденія этого законопроекта сегодня, то ускореніе внесенія его вызвано тѣмъ ужаснымъ событіемъ, которое имѣло мѣсто 16 мая около Риги. Тамъ разстрѣляно 8 человѣкъ, тамъ опять пролилась кровь по закону, по приговору суда, тамъ опять совершено закономѣрное убійство. Государственная Дума рѣшительно высказалась противъ смертной казни, и, казалось, что лишеніе жизни, если не отошло уже въ прошлое, то наступилъ какой то перерывъ въ примѣненіи этой высшей уголовной кары. Съ 27 апрѣля ни одинъ приговоръ къ смерти не получалъ утвержденія. Напротивъ, постоянно приходилось читать, что приговоръ смягченъ, и наказаніе смертью замѣнено другимъ. А теперь, въ первый разъ послѣ 27 апрѣля, приведенъ въ исполненіе приговоръ надъ 8 лицами. Гдѣ причина этого явленія?

Мы не знаемъ подробностей дѣла, мы не знаемъ факти-

ческой обстановки дѣянія, въ которомъ признаны виновными эти 8 лицъ; но едва ли можетъ быть сомнѣніе, что то убійство, за которое они судились и осуждены, мало чѣмъ отличается отъ другихъ однородныхъ, совершавшихся у насъ въ Россіи. Скорѣе можно думать, что настоящая смертная казнь явилась отвѣтомъ на участившіяся за послѣдніе дни политическія убійства, что она была намѣреннымъ отвѣтомъ на политическія убійства, совершившіяся за послѣднее время въ Варшавѣ, Тифлисѣ, Кутаисѣ, Севастополѣ и еще во многихъ, многихъ городахъ. Связь тутъ существуетъ, и даже необходимость этой связи какъ будто усматривалась нѣкоторыми членами Государственной Думы, тѣми ея членами, которые требовали включенія въ отвѣтъ на тронную рѣчь рядомъ съ амнистіей и требованіемъ отмѣны смертной казни — осужденія политическихъ убійствъ. Я позволилъ себѣ затруднить ваше вниманіе именно для того, чтобы попытаться разбить этотъ миражъ, разбить то заблужденіе, которое заставляетъ нѣкоторыхъ людей связывать оба явленія и говорить такъ: „да, пусть не будетъ смертной казни, но пусть не будетъ и политическихъ убійствъ. Пусть тогда не будетъ смертной казни, когда не будетъ политическихъ убійцъ“. Глубокое заблужденіе! Глубокое заблужденіе думать, что смертная казнь можетъ прекратить политическія убійства. Это такое же глубокое заблужденіе, какъ и то, если утверждать, что Государственная Дума, вынося свои рѣшенія о томъ, что включать и чего не включать въ отвѣтный адресъ, не содрогалась передъ кровью, проливаемой на улицахъ всѣхъ нашихъ городовъ. Можно ли безъ содроганія читать телеграмму изъ Севастополя: было покушеніе на коменданта, брошена бомба, нѣсколько человѣкъ убито, нѣсколько ранено; убиты и ранены люди, случайно находившіеся на мѣстѣ? Можно ли безъ содроганія читать телеграмму съ Кавказа: было покушеніе на генерала Алиханова, одинъ сопровождавшій его казакъ убитъ, два казака ранены? Можно ли безъ содроганія читать извѣстія объ убійствахъ городовыхъ, низшихъ агентовъ полицейской власти? Вѣдь эти городовые—чѣмъ они повинны? Вѣдь они повинны только тѣмъ, что у нихъ тоже есть семья, что они тоже голодны,

что они тоже хотятъ ѣсть. Политическія убійства, какъ мы ихъ видимъ въ настоящее время, это не то явленіе, которымъ были тѣ же убійства, длинный ихъ рядъ, начавшійся съ 60-хъ годовъ. Въ 60-хъ и до начала 80-хъ годовъ мы видѣли передъ собою рядъ отдѣльныхъ политическихъ убійствъ. Это были отдѣльные, спорадическіе случаи. Въ каждомъ изъ нихъ, въ каждомъ такомъ фактѣ, проанализировавъ его, можно было видѣть спокойный, холодный расчетъ, обдуманное, сознательное дѣйствіе. Но тѣ убійства, которыя сейчасъ совершаются, представляютъ собой явленія иного порядка. Когда убиваютъ городовыхъ, когда убиваютъ солдата, стоящаго на посту, когда стрѣляютъ и бросаютъ бомбы дѣти, гимназисты, тогда нельзя не признать, что мы стоимъ предъ явленіемъ эпидемическимъ, предъ формой массоваго психоза. Какъ бываютъ эпидеміи самоубійства, такъ бываютъ эпидеміи убійствъ. И если нецѣлесообразно бороться смертной казнью противъ холодныхъ, разсчитанныхъ, обдуманныхъ убійствъ, то бороться смертной казнью противъ той крови, которая проливается въ силу эпидеміи, охватившей страну,—вдвойнѣ нецѣлесообразно. Между тѣмъ вотъ на эту то кровь отвѣтомъ и служитъ убійство отъ руки палача, отвѣтомъ и служатъ сплошныя смертныя казни. Устрашеніе? Да гдѣ справедливость, гдѣ правда, когда человѣка убиваютъ и наказываютъ смертью не за то, что онъ совершилъ, а для того, чтобы другіе впослѣдствіи не совершали преступленій? Гдѣ здѣсь намекъ на правду, на справедливость? Да и можно ли устрашить того, кто идетъ на политическое убійство? Напротивъ, его устрашить казнью нельзя: въ его сознаніи создается представленіе о мученичествѣ, онъ дѣлается героемъ въ своихъ глазахъ. Человѣческая психологія ясно говоритъ, что борьба съ политическими убійствами смертной казнью нецѣлесообразна до послѣдней степени.

Бороться съ ужаснымъ явленіемъ, свидѣтелями котораго бываемъ мы каждый день, бороться съ нимъ нужно инымъ способомъ: устраненіемъ причинъ, вызвавшихъ это явленіе, устраненіемъ того, что обусловливаетъ собой и вызываетъ политическія убійства, что обусловливаетъ существованіе

ненормальныхъ явленій въ нашемъ отечествѣ. Такихъ причинъ, конечно, много, но одна изъ нихъ и не послѣдняя, а едва ли не первая—существованіе смертной казни. Вспомните, господа, дѣло Спиридоновой! Что заставило ее убить Луженовскаго? Тѣ звѣрства и тѣ казни, которыя совершалъ Луженовскій. Они явились непосредственнымъ импульсомъ, заставившимъ ее пойти на убійство. И если съ этой точки зрѣнія вы проанализируете каждый случай, вы непремѣнно всегда установите преемственную связь, зависимость; вамъ ясно представится каждое совершенное политическое убійство, какъ слѣдствіе, какъ результатъ. А говорятъ, что тогда можно отмѣнить смертную казнь, когда прекратятся политическія убійства! Да они не могутъ прекратиться, пока не будетъ отмѣнена смертная казнь!

Не въ этихъ стѣнахъ, но за стѣнами Государственной Думы поднялись и поднимаются голоса протеста противъ отмѣны смертной казни. Намъ приходится читать требованія о ея сохраненіи. Я не буду входить въ разборъ телеграммъ, печатаемыхъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ". Да, есть люди извѣстнаго образа мыслей, извѣстнаго настроенія; и было бы странно, если бы у насъ въ Россіи не было людей именно такого настроенія, такого образа мыслей. Но что же изъ этого? Можно ли говорить, что требованіе страны: сохраненіе смертной казни и отказъ отъ амнистіи? Можно ли это утверждать? Вся страна, которая посылала насъ, нашими устами единогласно сказала: долой смертную казнь! конецъ страданіямъ! конецъ мукамъ! конецъ заключеніямъ и ссылкамъ! Смертная казнь должна быть немедленно отмѣнена: но возможно ли это сдѣлать сегодня или завтра какъ это здѣсь предполагалось? Господа народные представители! Мы вѣдь не въ общественномъ собраніи, мы въ Государственной Думѣ. Государственная Дума можетъ выносить только обоснованныя рѣшенія; Государственная Дума можетъ принимать только обоснованный законопроектъ и отнюдь не краткую, сжатую резолюцію. Законопроектъ долженъ быть разработанъ и долженъ быть твердо обоснованъ. А что дальше? Мы передадимъ въ комиссію. Удастся ли нашему законопроекту

пробить брешь,—гадать не приходится. Но невозможно заранѣе не признавать за нашимъ рѣшеніемъ громаднаго нравственнаго авторитета. Мы пользуемся этимъ авторитетомъ, мы имъ пользуемся въ странѣ, и его не признаютъ только внѣшнимъ образомъ, можетъ быть, министры, но они не могутъ съ нимъ не считаться. Но дальше? Государственный Совѣтъ не убѣдится нашими доводами, или онъ убѣдится, но въ концѣ концовъ законъ не получитъ осуществленія—что тогда? Членъ Государственной Думы Поярковъ говорилъ: „а дальше надо ѣхать домой". „Дальше, выразился онъ, намъ не честно получать деньги и здѣсь оставаться". Не для того, чтобы получать деньги, собрались мы сюда. И когда мы задаемся вопросомъ, оставаться намъ или не оставаться, тогда, конечно, деньги не могутъ склонить нашего рѣшенія ни въ ту, ни въ другую сторону. Можемъ ли мы уйти домой? Нѣтъ, мы уйти домой не можемъ. Мы не можемъ нарушить того обѣщанія, которое дали нашимъ избирателямъ. Мы не можемъ уйти домой и мы не уйдемъ, не смѣемъ уйти! Господа народные представители! Насъ посылали для работы, и кто изъ насъ въ день избранія мечталъ, что работа будетъ легка, что не придется постоянно видѣть передъ собой стѣну, которую надо пробивать и которую сразу вдругъ пробить нельзя? Намъ надо работать и, опираясь на свой нравственный авторитетъ, направлять нашу дѣятельность на то, чтобъ изъ этой стѣны выбивался одинъ камень за другимъ. И насъ должна охватывать вѣра, что эта стѣна въ концѣ концовъ рухнетъ, что правда восторжествуетъ. Но правда торжествуетъ не скоро и торжествуетъ не безъ труда. Если мы уйдемъ отсюда, если мы рѣшимся на самоубійственный актъ, то мы совершимъ глубочайшую, грубѣйшую историческую ошибку. Мы совершимъ то, за что придется расплачиваться ужасами всей нашей странѣ, всей родинѣ. Я искренно вѣрю, что мы не забыли и не забудемъ клятвы, которую давали своимъ избирателямъ, и мы отсюда никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ не уйдемъ: (Продолжительные аплодисменты).

М. М. Ковалевскій (Харьковская губ.). Господа народ-

ные представители! Смертная казнь имѣетъ свои глубокіе корни въ томъ воззрѣніи, которое народы, едва перешедшіе отъ дикости, передаютъ еще въ поговоркахъ, вродѣ слѣдующей: „кровь кровью моютъ“. Приблизительно то же вы найдете въ древнѣйшихъ кодексахъ и въ ветхозавѣтномъ правъ, гласящемъ: „око за око, зубъ за зубъ“. Корни этого начала лежатъ въ законахъ вавилонскихъ царей, изданныхъ болѣе трехъ тысячъ лѣтъ до Рождества Христова (законы Гаммураби). Исторія отмѣны смертной казни всюду ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ однимъ явленіемъ: прежде всего смертную казнь отмѣняютъ по отношенію къ политическимъ преступникамъ. Исторія же наша представляетъ нѣчто обратное. Смертная казнь отмѣнена у насъ императрицею Елизаветою Петровною для обыкновенныхъ преступленій и продолжаетъ примѣняться все чаще и чаще для преступленій политическихъ. Почему наше сознаніе такъ протестуетъ противъ такого порядка ея отмѣны? Почему мы выступаемъ особенно рѣзко противъ примѣненія смертной казни къ политическимъ преступникамъ? Позвольте отвѣтить на это не своими словами, а взять художественно нарисованный образъ одного изъ нашихъ русскихъ мудрецовъ и художниковъ-поэтовъ, И. С. Тургенева. Въ одномъ изъ своихъ „Стихотвореній въ прозѣ“ онъ представляетъ намъ русскую дѣвушку, переходящую предѣлъ, отдѣляющій вѣчность отъ земной жизни; въ тотъ моментъ, когда сѣкира уже занесена надъ нею, раздаются какіе то два голоса; одинъ изъ нихъ кричитъ: „безумная“, другой отвѣчаетъ—„святая“. И такъ какъ мы не убѣждены, гдѣ кончается безуміе и гдѣ начинается святость, т. е. самопожертвованіе, то мы не рѣшаемся поднимать сѣкиру надъ головами политическихъ преступниковъ. Это нужно помнить и поставить первымъ требованіемъ нашего законопроекта, чтобы преступники политическіе освобождены были отъ смертной казни. (Апплодисменты). Господа, когда мы единогласно поднимемся здѣсь и отмѣнимъ смертную казнь, мы совершимъ величайшій актъ въ новой русской исторіи, мы выразимъ сознаніе не только русскаго народа, но и всего цивилизованнаго міра. Еще недавно, желая убѣдить читате-

лей моей газеты—„Страна“ въ томъ, что общественное мнѣніе всего міра высказывается противъ смертной казни, я попросилъ наиболѣе выдающихся иностранцевъ, ученыхъ, литераторовъ, юристовъ сообщить мнѣ свое мнѣніе по этому вопросу. Всѣ въ одно слово подали голосъ за отмѣну смертной казни. Рядомъ съ восьмидесятилѣтнимъ старикомъ Фредерикомъ Пасси, тѣмъ самымъ, который въ числѣ прочихъ привѣтствовалъ императора Николая II, какъ миролюбца, во время его пребыванія въ Парижѣ, другой старикъ, извѣстный историкъ Лависсъ, писалъ мнѣ, что въ настоящее время нѣтъ разномыслія между руководящими кругами по вопросу о томъ, что смертная казнь противорѣчитъ нравственному сознанію цивилизованнаго міра. Вотъ почему я, въ противовѣсъ другимъ ораторамъ, здѣсь выступавшимъ, не высказываю ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что въ тотъ моментъ, когда мы единогласно выскажемся противъ смертной казни, будетъ положено начало ея отмѣны въ Россіи. Я не могу представить себѣ такого собранія, которое не явилось бы выразителемъ нравственнаго сознанія пославшихъ его членовъ. Я не могу допустить, чтобы члены Государственнаго Совѣта затормозили своимъ „вето“ законъ объ отмѣнѣ смертной казни, потому что ихъ нравственное сознаніе не будетъ ниже уровня нравственнаго сознанія бельгійцевъ, у которыхъ смертная казнь хотя не отмѣнена, но, какъ мнѣ пишетъ Вандервельдъ, въ теченіе десяти лѣтъ нельзя было найти палача для приведенія въ исполненіе смертныхъ приговоровъ. Если общественное сознаніе доросло до того, что нельзя найти палача, то я увѣренъ, что въ числѣ тѣхъ людей, которые призваны подвергать критикѣ наши законопроекты, не найдется большинства, которое высказалось бы за удержаніе этой чудовищной, противорѣчащей нашему нравственному сознанію казни. (Аплодисменты). Итакъ, господа, я сойду съ этой каѳедры вполнѣ увѣренный въ томъ, что близкой отмѣной смертной казни мы совершимъ великій шагъ и со временемъ заслужимъ то, чтобы наши имена занесены были въ лѣтописи исторіи. Еще недавно одинъ изъ лучшихъ иностранныхъ знатоковъ Россіи, Анатоль Леруа-Болье, говорилъ мнѣ: „я

обязанъ Россіи однимъ изъ самыхъ глубокихъ и радостныхъ ощущеній въ моей жизни: это было въ 1861 году, когда я узналъ объ отмѣнѣ крѣпостного права; это заставило меня сосредоточить все мое вниманіе на изученіе вашего отечества". Это говорилъ извѣстный авторъ „Имперіи царей и русскаго народа". „Я слишкомъ тридцать лѣтъ посвятилъ изученію Россіи", говорилъ онъ недавно на хорахъ этого же зала, „и я увѣренъ, что она готовитъ мнѣ еще большую радость". Леруа-Болье присутствовалъ при составленіи нами адреса въ отвѣтъ на тронную рѣчь, адреса, въ которомъ на первый планъ былъ поставленъ вопросъ объ амнистіи и отмѣнѣ смертной казни. „Я увѣренъ, что въ скоромъ времени получу отъ васъ", прибавлялъ мой пріятель, „телеграмму о томъ, что первый русскій парламентъ высказался за отмѣну смертной казнм. Этимъ онъ совершитъ великій актъ милосердія и ускоритъ на многіе десятки лѣтъ прогрессивное развитіе человѣчества". (Апплодисменты).

Засѣданіе 19 Іюня 1906 г.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ. (Тверск. губ.) Господа народные представители! На мою долю выпала высокая честь быть докладчикомъ по первому законопроекту, разсматриваемому нами не въ порядкѣ направленія дѣла, а по существу. Намъ предстоитъ теперь высказать не предварительное сужденіе, а вынести уже окончательное рѣшеніе, то рѣшеніе, которое, пройдя черезъ дальнѣйшія инстанціи, должно вылиться въ окончательную форму закона. И этотъ законопроектъ касается вопроса исключительной важности въ научномъ, теоретическомъ отношеніи и еще болѣе въ отношеніи практическомъ. Народъ въ лицѣ нашихъ избирателей, посылая насъ сюда, говорилъ намъ: „требуйте, добивайтесь и дайте намъ землю и волю; дайте права; установите равенство; стряхните все прежнее, всю вѣками накопившуюся пыль съ русской государственной жизни; приложите всѣ мѣры къ ея полному, коренному обновленію". Вмѣстѣ съ тѣмъ народъ вамъ говорилъ: „добивайтесь амнистіи и отмѣните смертную казнь".

Государственная Дума, свято помня наказъ народа, ни на іоту не отступаетъ отъ его требованій. Первое слово, раздавшееся съ этой каѳедры, было слово: „амнистія“. Хотя тогда не произнесено было словъ „отмѣна смертной казни“, но эти послѣднія уже сами собой входили въ слово „амнистія“. Затѣмъ, въ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь Государя Императора, Государственная Дума прямо указала, что считаетъ настоятельной необходимостью отмѣнить смертную казнь и пріостановить немедленно приведеніемъ въ исполненіе состоявшіеся смертные приговоры.

Ровно мѣсяцъ тому назадъ, подъ впечатлѣніемъ новыхъ казней, въ средѣ Государственной Думы возникла мысль о необходимости, по своей иниціативѣ, разработать и внести законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни. Работа была недолгая, она была выполнена быстро, но пришлось ждать для соблюденія формальнаго срока цѣлый мѣсяцъ. Срокъ истекъ вчера, и въ первый за тѣмъ день мы приступаемъ къ разсмотрѣнію законопроекта по существу. Въ проектѣ всего двѣ статьи, онъ отличается исключительной краткостью, но эта краткость отнюдь не свидѣтельствуетъ о легкости, съ которой отнеслись къ вопросу какъ лица, внесшія первоначальное заявленіе, такъ и комиссія, разсматривавшая это заявленіе. Несмотря на краткость формулировки проекта, онъ заключаетъ въ себѣ чрезвычайно глубокое и чрезвычайно полное содержаніе, и моя задача сводится къ тому, чтобы выяснить и устранить всякую возможность сомнѣній въ томъ, что комиссія отнеслась къ настоящему вопросу легко, диллетантски и не обсуждала его со всѣхъ сторонъ.

Уже не разъ раздавались голоса, что Государственная Дума принимаетъ тѣ и другія рѣшенія, руководствуясь, главнымъ образомъ, — а нѣкоторые говорили, что почти исключительно,—чувствомъ, что Государственная Дума поступаетъ такъ или иначе, слѣдуя влеченіямъ сердца, а не холоднаго разсудка. Въ данномъ случаѣ, если Государственной Думой будетъ принятъ предлагаемый законопроектъ, то несмотря на то, что онъ заключаетъ въ себѣ всего двѣ статьи, это будетъ рѣшеніе, не подсказанное

чувствомъ, а это будетъ рѣшеніе на основаніи спокойной, разсудочной работы. Что такое смертная казнь? Лишеніе жизни, отнятіе жизни однимъ человѣкомъ у другого—старо, какъ міръ. Человѣкъ, находящійся внѣ условій правовой жизни, имѣетъ въ своемъ распоряженіи два способа воздѣйствія на другого человѣка: причиненіе ему физическихъ страданій и причиненіе смерти; и внѣ условій правовой жизни человѣкъ широко пользуется этими воздѣйствіями, причиняя другому страданія и даже смерть: они даютъ торжество его внутреннему чувству, его „я“; показываютъ, что тотъ, кто причиняетъ страданія или смерть, покорилъ другого, и въ силу этого онъ несомнѣнно испытываетъ чувство удовлетворенія, онъ торжествуетъ, торжествуетъ его „я“. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти воздѣйствія обосновываются и объективно. Причиненіемъ болевыхъ ощущеній, страданій человѣкъ, такъ сказать, отучаетъ своего врага, предупреждаетъ на будущее время возможность причиненія себѣ непріятностей, нарушенія своихъ интересовъ и т. п. Когда одинъ убиваетъ другого, онъ не только предупреждаетъ возможность причиненія себѣ вреда, но онъ совершенно прекращаетъ возможность наступленія вреда, по крайней мѣрѣ, со стороны даннаго обидчика. Государство, съ первыхъ же моментовъ своего образованія, становится на путь воспрещенія отдѣльному человѣку подобнаго рода расправъ, но этихъ расправъ государство не отвергаетъ однако въ принципѣ: оно переноситъ лишь на себя право этой расправы. Оно само и причиняетъ страданія, само и лишаетъ жизни провинившихся, тѣмъ самымъ ставя себя на положеніе первобытнаго человѣка, находящагося внѣ условій правовой жизни. Вотъ тутъ то и заключается глубокое внутреннее противорѣчіе: то, что во имя права отвергается для частнаго лица, то правовой институтъ — государство присваиваетъ себѣ. И въ теченіе долгихъ столѣтій развитія государственной жизни тѣлесныя наказанія въ разнообразныхъ формахъ и видахъ и смертная казнь остаются основой карательной системы. Эта система живетъ чрезвычайно долго, и исторія намъ показываетъ, что она на много, много столѣтій пережила христіанство, пережила Евангеліе,

и въ средніе вѣка мы встрѣчаемся съ тѣмъ фактомъ, когда убиваютъ массами во имя христіанскаго ученія, во славу Божью убивали еретиковъ. По образному выраженію одного автора, „въ средніе вѣка дымъ костровъ застилалъ всю Европу“, дымъ костровъ, на которыхъ сжигали еретиковъ. Только съ конца XVIII вѣка начинается мощный научный протестъ противъ смертной казни. Монтескье возсталъ противъ жестокихъ каръ вообще, указывая, что есть страны, гдѣ наказанія жестоки, есть страны, гдѣ они легки; и тамъ, гдѣ наказанія жестоки, преступленій совершается вовсе не меньше, чѣмъ тамъ, гдѣ наказанія легки. Въ частности, самымъ сильнымъ противникомъ смертной казни выступилъ Беккарія. Съ тѣхъ поръ можно сказать, что смертная казнь является въ кодексахъ и въ наукѣ институтомъ вымирающимъ. Это вымираніе идетъ, но оно идетъ постепенно и чрезвычайно медленно. Еще въ началѣ XIX столѣтія въ Англіи, по подсчету одного автора,—было 160 случаевъ примѣненія смертной казни, по подсчету другого до 240. Сейчасъ смертная казнь сдѣлалась явленіемъ единичнымъ, и если есть еще значительно число приговариваемыхъ къ казни,—я говорю о Европѣ, а не о Россіи,—то число дѣйствительно казнимыхъ совершенно ничтожно.

Процессъ идетъ медленно и еще не законченъ. Какъ извѣстно, въ настоящее время смертная казнь отмѣнена совершенно въ Румыніи, Португаліи, Италіи и Голландіи. Теоретиковъ, крупныхъ сторонниковъ смертной казни нѣтъ, но въ кодексахъ она существуетъ, и это заставляетъ и до настоящаго времени останавливаться на доводахъ, обычно приводимыхъ сторонниками этого наказанія. Прежде всего указываютъ, что единственно смертная казнь своей безповоротностью реальнымъ образомъ ограждаетъ государство отъ преступниковъ. Да, совершенно вѣрно, — что можетъ быть реальнѣе, чѣмъ убійство вреднаго человѣка? Убитый ужъ никому никогда никакого вреда причинить не можетъ. Но развѣ современное государство такъ слабо, что оно должно прибѣгать къ этому средству? Развѣ въ распоряженіи современнаго государства нѣтъ тюремъ, нѣтъ органовъ исполнительной власти, нѣтъ всего того механизма,

который можетъ обезвредить человѣка и не лишая жизни? Далѣе, отмѣчается значеніе смертной казни, какъ средства устрашенія. Много объ этомъ ужъ говорилось, упоминалось объ этомъ и съ этой каѳедры, говорилось много и о томъ, насколько это средство недѣйствительно. Намъ сейчасъ едва ли приходится серьезно останавливаться на этомъ доводѣ. Несмотря на сплошныя казни, которыя совершаются у насъ съ декабря или съ ноября мѣсяцевъ, развѣ прекратились политическія убійства? Развѣ число ихъ сократилось? Развѣ эти казни кого-либо устрашили? Для насъ, я говорю, въ настоящее время этотъ доводъ слишкомъ очевидно несостоятеленъ. Далѣе, остаются доводы несерьезные, но которымъ тоже придается серьезное значеніе. Говорятъ, что смертная казнь дешева и что она совершается скоро. На это я отвѣчу словами покойнаго криминалиста Неклюдова, сказавшаго ихъ, правда, не по поводу смертной казни, но по поводу родственнаго ей тѣлеснаго наказанія. Неклюдовъ говорилъ: „да, тѣлесное наказаніе дешево: довольно нѣсколькихъ десятинъ лѣса, чтобы перепороть всѣхъ гражданъ государства. Да,—говорилъ онъ,—тѣлесное наказаніе быстро: легъ, отсѣкся, всталъ и ушелъ“. Невозможно сильнѣе вышутить всей несостоятельности такихъ доводовъ въ пользу тѣлеснаго наказанія, чѣмъ этимъ ироническимъ замѣчаніемъ. Совершенно то же и въ отношеніи смертной казни. Съ другой стороны, однако, остаются никѣмъ не опровергнутыми глубокіе доводы противъ смертной казни, хотя бы съ точки зрѣнія непоправимости ея, непоправимости судебной ошибки, всегда и вездѣ возможной,—за послѣднее время мы имѣли множество подобныхъ примѣровъ. Мы знаемъ, какъ на станціи Перово было разстрѣляно одно лицо, фамилію котораго сейчасъ я не припомню, и тутъ же оказалось, что желали разстрѣлять не разстрѣляннаго, а его брата. Разстрѣлянъ онъ былъ по ошибкѣ. Такія ошибки — неизбѣжное дѣло рукъ человѣческихъ. Ошибки всегда возможны, и нѣтъ отъ нихъ гарантій. А при смертной казни, когда человѣкъ лишенъ жизни, ошибка уже непоправима. Остается никѣмъ не опровергнутымъ еще тотъ существенно важный фактическій доводъ, что существованіе смертной

казни отнюдь не уменьшило преступленій, а, наоборотъ, замѣчается даже, что, не смотря на смертную казнь, тѣ или иныя категоріи преступленій продолжаютъ расти. Но если такъ ясно несостоятельны, если такъ легко разлетаются въ прахъ отъ перваго прикосновенія научной критики всѣ доводы за смертную казнь, то почему же она сохраняется еще въ кодексахъ? Она сохраняется не на основаніи доводовъ разсудка, и вотъ здѣсь то мы и видимъ чувство,—она сохраняется на основаніи чувства, по доводамъ сердца, а не по доводамъ разума. Чтобы иллюстрировать эту мысль, приведу такой примѣръ: я иду по улицѣ, на моихъ глазахъ прохожій наноситъ побои женщинѣ или ребенку. Какое первое ощущеніе я буду испытывать? Схватить его, но не только отстранить, прекративъ нанесеніе ударовъ, нѣтъ,—невольно у каждаго изъ насъ будетъ желаніе его самого ударить, причинить ему вредъ. И нужны извѣстныя усилія воли, извѣстныя усилія мысли, для того, чтобы сказать себѣ:—этого не нужно, это безцѣльно, это безполезно, по меньшей мѣрѣ, и это неправильно,—довольно только, если я отстраню того, кто бьетъ, и прекращу возможность дальнѣйшаго нанесенія ударовъ. Но первое ощущеніе, первый импульсъ будетъ направленъ къ причиненію зла. И государство, въ своихъ дѣйствіяхъ и въ своей законодательной дѣятельности, какъ показываетъ намъ фактъ сохраненія смертной казни въ кодексѣ, несвободно еще отъ такого импульса, оно не свободно отъ того, чтобы поступать не на основаніи доводовъ разсудка, и оно дѣйствуетъ на основаніи чувства.

Въ этомъ мы видимъ пережитокъ. Мы видимъ своего рода атавизмъ, что государство, сохраняя смертную казнь, руководствуется чувствомъ, а не доводами разума. Это вдвойнѣ видно изъ сохраненія казни за политическія преступленія. Здѣсь уже, несомнѣнно, смертная казнь явно несостоятельна; здѣсь уже абсолютно не можетъ быть никакого логическаго оправданія. Да, въ то время, когда политическіе перевороты имѣли династическій характеръ, когда они велись во имя одного опредѣленнаго лица, или не одного, а нѣсколькихъ,но во всякомъ случаѣ лицъ,—тогда, конечно,

лишить жизни данное лицо или лишить жизни данныхъ лицъ—въ значительной мѣрѣ способствовало прекращенію движенія. Но теперь, когда въ основѣ движенія лежатъ не лица, а идеи,—можно ли съ идеей бороться смертью, можно ли, убивая людей, искоренять идеи? Неужели не ясно, что получаются въ громадномъ большинствѣ случаевъ, скажу, получаются всегда,—неизбѣжно обратные результаты, что отъ этого негоднаго средства искорененія идей онѣ получаютъ все бо̀льшую и бо̀льшую силу, все болѣе и болѣе крѣпнутъ, все болѣе и болѣе увеличивается число ихъ адептовъ? Государство, устанавливая для гражданъ начала права, не можетъ само себя освобождать отъ этихъ же началъ. Государство, воспрещая гражданамъ руководствоваться въ ихъ дѣйствіяхъ относительно другихъ людей импульсами и непосредственными ощущеніями, не можетъ само руководствоваться только чувствомъ. А тутъ я даже не скажу, чтобы чувство руководило государствомъ. Я позволю себѣ привести слова покойнаго Ивана Аксакова, сказанныя имъ по другому поводу. Онъ говорилъ: „Насъ упрекаютъ, что мы въ области внѣшней политики руководствуемся чувствами, а сами тѣ, которые насъ упрекаютъ, руководствуются чувствицами“. Такъ и здѣсь; и здѣсь мы видимъ, что государство не руководится чувствомъ справедливости, гуманности, любви къ ближнему—всѣми тѣми широкими чувствами, которыя заставляютъ иной разъ забывать о правовыхъ вачалахъ,—нѣтъ, государство здѣсь руководствуется мелкими чувствами — злобой, мстительностью. Вспомните, господа: съ этой каѳедры мы уже слышали одинъ разъ указанія на то, что тѣ восемь человѣкъ, которые были повѣшены въ Усть-Двинскѣ, совершили особенно гнусное преступленіе — убійство коварнымъ способомъ изъ засады. Потомъ мы слышали здѣсь, какъ будто мелькомъ сказанную фразу, о тѣхъ сотняхъ полицейскихъ чиновъ, которые за послѣднее время погибли отъ руки революціонеровъ. Что видно въ этихъ сопоставленіяхъ, въ приведеніи этихъ примѣровъ, на ряду съ требованіемъ Государственной Думы объ отмѣнѣ смертной казни и о пріостановленіи состоявшихся отдѣльныхъ смертныхъ приговоровъ,

что здѣсь видно? Здѣсь видно ясно, что говорящіе руководствуются непосредственными ощущеніями, непосредственными чувствами. Убиваютъ служителей власти—и этимъ они объясняютъ сохраненіе смертной казни. Но, гг. народные представители, если такъ могутъ поступать отдѣльные люди, если каждый изъ насъ, какъ человѣкъ, конечно, слабъ, конечно, не можетъ отрѣшиться, одинъ больше, другой меньше, но абсолютно никто не можетъ отрѣшиться отъ чувствованій,—то государство должно стоять выше этого. Государство не можетъ и не имѣетъ права идти за цивилизаціей, оно должно идти впереди гражданъ, ведя ихъ къ праву, правдѣ и свободѣ. Государство должно руководиться въ своей законодательной дѣятельности только доводами спокойнаго, холоднаго разсудка. Поддаваться чувствованіямъ, особенно такимъ, какъ мщеніе, оно не можетъ, оно не должно.

У насъ въ Россіи вопросъ о смертной казни шелъ и развивался такъ же, какъ и во всемъ мірѣ. Если у насъ не было средневѣковыхъ инквизиторовъ, то у насъ было другое, свое, мѣстное, но то другое, что давало также несмѣтное число человѣческихъ жертвъ. У насъ въ Россіи, въ концѣ XVIII вѣка, тоже былъ проблескъ въ пользу отмѣны смертной казни; смертная казнь за общія преступленія была даже формально отмѣнена. Но эта отмѣна имѣла бумажный характеръ и въ жизнь не вошла. По своду законовъ 1832 года въ Россіи смертная казнь полагалась за преступленіе противъ двухъ первыхъ пунктовъ—такъ назывались тогда главнѣйшія изъ государственныхъ преступленій—въ тѣхъ случаяхъ, когда виновные по особой важности дѣла подлежали преданію верховному уголовному суду. Если они не предавались этому суду, то имъ не назначалась смертная казнь. Вы видите, было нѣчто подобное тому, что мы имѣемъ теперь, когда подсудность военному или общему суду также опредѣляетъ примѣненіе или непримѣненіе къ дѣянію смертной казни. Далѣе, по своду полагалась смертная казнь за карантинныя преступленія и еще по законамъ военно-уголовнымъ. Въ тѣхъ же, приблизительно, предѣлахъ сохранилась смертная казнь въ уложеніи о на-

казаніяхъ 1845 г.: за государственныя преступленія, карантинныя и по особому кодексу — сначала по военно-уголовному уставу, а потомъ по воинскому уставу о наказаніяхъ,— но только въ военное время. Нынѣ дѣйствующее по отношенію къ государственнымъ преступленіямъ уголовное уложеніе 1903 г. облагаетъ смертной казнью четыре случая: ст. 99—посягательство на жизнь, здравіе, свободу и т. д. царствующаго императора и наслѣдника престола, посягательство на низверженіе императора съ престола и на лишеніе его верховной власти; затѣмъ ст. 100—назначаетъ смертную казнь за насильственное посягательство на измѣненіе въ Россіи или въ какой-либо ея части установленнаго основнымъ закономъ образа правленія и т. д. Засимъ опредѣляетъ смертную казнь ст. 105-я за посягательсто на жизнь членовъ императорскаго дома и ст. 108-я—въ случаѣ квалифицированной государственной измѣны, но измѣны только по отношенію къ непріятелю, т. е., слѣдовательно, во время войны съ иностраннымъ государствомъ. Вы видите, что перечень весьма ограниченный, и, стоя на этомъ перечнѣ, пожалуй, можно утверждать, что въ Россіи существуетъ смертная казнь только за цареубійство и измѣну. Еще годъ назадъ приходилось доказывать противное положеніе. Въ 1905 г. въ январѣ въ Кіевѣ происходилъ съѣздъ русской группы международнаго союза криминалистовъ. На этомъ съѣздѣ была принята резолюція, осуждавшая смертную казнь и требовавшая ея отмѣны. Въ отвѣтъ на это въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ появилась статья, которая проводила ту мысль, что въ Россіи смертная казнь существуетъ только за цареубійство и измѣну, и что поэтому въ Россіи говорить противъ смертной казни — значитъ прославлять цареубійство. Тогда, годъ назадъ, приходилось доказывать, что это неправда. Теперь этого доказывать не приходится. Мы знаемъ, что за послѣднее время не было случая цареубійства и не была, пожалуй, ни разу примѣнена ни одна изъ поименованныхъ мною четырехъ статей. Несмотря на это, многія сотни лицъ подвергнуты смертной казни,— смертной казни по суду, по судебнымъ приговорамъ, т. е. на основаніи какого-нибудь закона, потому что вѣдь это

не были противозаконныя лишенія жизни. Мы слышали здѣсь, въ этомъ залѣ, что суды, приговаривающіе къ смертной казни, дѣйствуютъ формально правильно, дѣйствуютъ на основаніи закона. Да, въ общемъ, это вѣрно: у насъ въ Россіи смертная казнь по дѣйствующему законодательству поставлена такъ широко, какъ нигдѣ, какъ ни въ одномъ цивилизованномъ государствѣ. Развѣ только Китай можетъ конкурировать съ Россіей въ отношеніи широты примѣненія по закону смертной казни. Но у насъ эта широкая постановка смертной казни прикрыта. Если вы будете читать законы, вы не найдете нигдѣ, кромѣ четырехъ статей уголовнаго уложенія, чтобы стояли слова: „назначается смертная казнь". Но вы найдете другое, вы найдете: „подвергается наказанію, положенному въ 279 статьѣ XXII книги свода военныхъ постановленій". Нашъ законодатель вообще не любитъ часто упоминать о смертной казни и вмѣсто откровеннаго признанія — виновный подвергается смертной казни — употребляетъ ссылочную санкцію. Эта ссылочная санкція стоитъ въ положеніи о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія; эта же ссылочная санкція стоитъ въ законѣ 1903 года, спеціально изданномъ, впредь до искорененія разбойничества на Кавказѣ; эта же ссылочная санкція стоитъ въ цѣломъ рядѣ еще другихъ спеціальныхъ постановленій. У насъ въ Россіи смертная казнь существуетъ и за общія правонарушенія путемъ преданія виновныхъ военному суду для сужденія по законамъ военнаго времени, т. е. по статьѣ 279-ой воинскаго устава о наказаніяхъ, которая предусматриваетъ разбой, грабежъ, умышленное убійство, зажигательство, поджогъ, изнасилованіе. Вы видите, какой широкій перечень общихъ правонарушеній можетъ быть караемъ у насъ смертью. Далѣе, смертная казнь охватываетъ безконечное множество разнообразныхъ по формѣ и по содержанію преступныхъ дѣяній, за которыя она назначается по положенію объ усиленной и чрезвычайной охранѣ, или, наконецъ, на основаніи правилъ военнаго положенія. Можно смѣло сказать, что подъ смертную казнь у насъ могутъ быть подводимы политическія преступленія въ самомъ широкомъ

смыслѣ понятія—вплоть до причиненія увѣчья или нанесенія ранъ городовому, околоточному, стражнику, воинскому нижнему чину и т. д., и т. д. Мотивъ тутъ не играетъ никакой роли. Скажемъ: простой воръ, который былъ застигнутъ городовымъ на мѣстѣ преступленія, если онъ этому городовому, желая уклониться отъ задержанія, причинитъ раны, увѣчье или смерть,—то, на основаніи положенія объ усиленной охранѣ, можетъ быть преданъ военному суду и по статьѣ 18-ой будетъ тогда подвергнутъ смертной казни, ибо 18 статья политическихъ мотивовъ не выставляетъ.

Повторяю, и повторяю съ полной увѣренностью, что меня нельзя опровергнуть, что нигдѣ, ни въ одномъ цивилизованномъ государствѣ нѣтъ такой широкой постановки смертной казни въ данную минуту, какъ именно въ Россіи. Вносимымъ въ Государственную Думу и сегодня обсуждаемымъ Думой законопроектомъ все это предлагается отмѣнить. Первою статьею, имѣющей декларативный характеръ, указывается объ отмѣнѣ смертной казни; второю статьею, которая въ сущности и заключаетъ въ себѣ законопроектъ въ техническомъ смыслѣ понятія, опредѣляется порядокъ назначенія наказаній въ тѣхъ случаяхъ, когда по дѣйствующимъ законамъ виновный подлежалъ бы смертной казни. Мы предлагаемъ этими двумя статьями отмѣнить смертную казнь въ уголовномъ уложеніи, отмѣнить въ тѣхъ статьяхъ уложенія о наказаніяхъ, которыя формально не замѣнены еще уголовнымъ уложеніемъ; мы предлагаемъ отмѣнить ее въ спеціальныхъ узаконеніяхъ—въ положеніи объ усиленной и чрезвычайной охранѣ и въ постановленіяхъ о военномъ положеніи, когда это положеніе вводится въ мирное время. Мы предлагаемъ отмѣнить также возможность назначенія въ мирное время смертной казни военнослужащимъ за нѣкоторыя нарушенія воинской дисциплины. Въ воинскомъ уставѣ о наказаніяхъ есть статья 91, которая даетъ право главнымъ начальникамъ военныхъ округовъ въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда преступленіе совершено хотя и въ мирное время, но по особенной важности обстоятельствъ, которыми оно сопровождалось, представляется необходимымъ, для охраненія

воинской дисциплины, судить виновныхъ по всей строгости военно-уголовныхъ законовъ,—предавать виновныхъ суду для примѣненія наказаній, опредѣленныхъ уставомъ для военнаго времени. Мы знаемъ, какъ широко примѣняется это правило. Еще сегодня въ газетахъ была телеграмма, если мнѣ память не измѣняетъ, изъ Кременчуга, что нижній чинъ присужденъ къ смертной казни на основаніи этого правила.

По разбираемому теперь мною вопросу необходимо прежде всего устранить возможность отвода. Въ основныхъ законахъ имѣется статья 55, которая гласитъ слѣдующее: „постановленія по военно-судебной и по военно-морской судебной частямъ издаются въ порядкѣ, установленнымъ сводами военныхъ и военно-морскихъ постановленій". Знаніе военно-уголовныхъ законовъ у насъ развито весьма слабо, и едва ли всѣмъ представляется яснымъ, что такое за порядокъ изданія законовъ, который установленъ въ военномъ и морскомъ сводахъ постановленій. Этотъ порядокъ совершенно исключительный. Онъ опредѣляетъ, что законодательные вопросы разсматриваются главнымъ военнымъ судомъ или главнымъ военно-морскимъ судомъ по принадлежности, а когда тотъ или иной вопросъ имѣетъ отношеніе къ военно-сухопутному и военно-морскому вѣдомствамъ, то въ соединенномъ собраніи этихъ судовъ.

Порядокъ опредѣляетъ, что главные суды выносятъ заключеніе, и это заключеніе военный или морской министръ, по принадлежности, представляютъ на высочайшее утвержденіе со своимъ заключеніемъ. Такимъ образомъ, вы видите здѣсь какія-то болѣе чѣмъ упрощенныя формы, которыя замѣняютъ собой общій законодательный порядокъ для весьма обширной области законодательства, для тѣхъ правовыхъ нормъ, которыми живетъ цвѣтъ населенія, когда оно проходитъ черезъ ряды арміи. Эти формы—разсмотрѣніе законодательныхъ вопросовъ судебной инстанціей, притомъ только для предварительнаго заключенія, которое потомъ военный или морской министры снабжаютъ окончательнымъ заключеніемъ. Получается даже не законосовѣщательный органъ, въ смыслѣ прежняго Государственнаго

Совѣта, а просто совѣщательная комиссія при министрѣ—и больше ничего. Я не сомнѣваюсь, что даже среди составителей основныхъ законовъ не всѣмъ было ясно, какой это порядокъ. Не сомнѣваюсь потому, что какъ бы они ни были радикальны, у нихъ не могло, навѣрное, возникнуть и мысли о томъ, чтобы въ отношеніи правилъ отправленія общаго уголовнаго правосудія на ряду съ Государственной Думой и Государственнымъ Совѣтомъ поставить уголовный кассаціонный департаментъ сената. Не могла прійти мысль о такомъ смѣшеніи судебной власти съ законодательной. Въ отношеніи же спеціальныхъ постановленій, касающихся тоже уголовнаго правосудія, только военнаго,—именно эта система и принята.

Мы обязаны, однако, толкуя всякій законъ, какъ бы онъ ни былъ неудовлетворителенъ, искать въ немъ внутренній разумъ, искать смыслъ. Поэтому, толкуя ст. 55 основныхъ законовъ, мы должны помнить, что это все-таки есть изъятіе изъ общаго порядка разсмотрѣнія законодательныхъ вопросовъ, а разъ это изъятіе, то оно можетъ быть понимаемо только ограничительно. О какихъ правилахъ здѣсь говорится, что они изъемлются отъ разсмотрѣнія Государственной Думы? О постановленіяхъ по военно-судебной и военно-морской судебной частямъ. Правда, статья 1075 и послѣдующія военно-судебнаго устава,—совершенно аналогичныя правила, повторенныя въ военно-морскомъ судебномъ уставѣ,—говорятъ о законодательныхъ вопросахъ вообще, т. е. о вопросахъ, какъ матеріальнаго военно-уголовнаго права—о преступленіи и наказаніи,—такъ и права процессуальнаго. Но что такое, спрашиваю васъ, „постановленія по судебной части“ вообще? Неужели найдется юристъ, который скажетъ, что уложеніе о наказаніяхъ или уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, или новое уголовное уложеніе, — что это все — постановленія по судебной части? Такого юриста, конечно, не найдется. Всякій отлично понимаетъ, что постановленіями по судебной части можно называть только постановленія, относящіяся къ законодательству процессуальному, а отнюдь не къ матеріальному. Воинскій уставъ о наказаніяхъ,—

тотъ кодексъ, который содержитъ правила о назначеніи смертной казни,—есть кодексъ матеріальныхъ военно-уголовныхъ законовъ. Это не есть собраніе постановленій по военно-судебной части, хотя бы потому, что этотъ кодексъ есть, въ такой же точно мѣрѣ, собраніе постановленій по судебной части общей, ибо не только военный судъ, но и судъ общій обязанъ его примѣнять при смѣшанной, напримѣръ, подсудности и въ цѣломъ рядѣ другихъ случаевъ.

Итакъ, я утверждаю, что подъ постановленіями по военной и военно-морской судебной частямъ можно понимать только правила процессуальныя, а поэтому нѣтъ никакого формальнаго препятствія для того, чтобы Государственная Дума разсмотрѣла и разрѣшила вопросъ о смертной казни по военно-уголовнымъ законамъ. Прошу прощенія, господа, что я, и безъ того отнявши у васъ много дорогого времени, не могу еще закончить своей рѣчи. Но вопросъ, нами обсуждаемый, исключительно важенъ. Я не могу не остановиться съ нѣкоторыми подробностями на данной части вопроса, потому что эта область законодательства наименѣе извѣстна, и, однако, именно здѣсь наиболѣе сурово и наиболѣе послѣдовательно примѣняется смертная казнь. Въ военно-уголовныхъ законахъ, нынѣ дѣйствующихъ, смертная казнь полагается только въ военное время; но понятіе военнаго времени, путемъ примѣненія исключительныхъ правилъ, распространяется и на такое время, когда никакой войны съ иностранными государствами не ведется. Мы предлагаемъ уничтожить примѣненіе смертной казни въ мирное время для кого бы то ни было на территоріи Россійскаго государства, въ томъ числѣ и для военно-служащихъ, а для этого отмѣнить статью 91 воинскаго устава о наказаніяхъ. Но какъ поступать во время фактической войны? Комиссія внимательно и детально обсудила этотъ вопросъ и пришла къ тому заключенію, что если бы Государственная Дума сейчасъ постановила о полной отмѣнѣ смертной казни въ военное время, т. е. во время настоящей войны съ иностраннымъ государствомъ, то, можетъ быть, она услышала бы указанія на нѣкоторую поспѣшность и на нѣкоторую малую продуманность рѣшенія. Нельзя забывать

и скрывать отъ себя, что смертная казнь въ военное время существуетъ рѣшительно во всѣхъ военно-уголовныхъ кодексахъ европейскихъ государствъ. Слѣдовательно, если мы встанемъ на новый путь, то мы явимся новаторами, а разъ мы являемся новаторами въ какомъ нибудь вопросѣ, то онъ долженъ быть особо тщательно изученъ.

По вопросу о смертной казни вообще имѣется необъятная литература; по вопросу о смертной казни въ военное время почти никакой литературы нѣтъ, и занимающіеся этимъ вопросомъ, даже выдающіеся криминалисты, обыкновенно либо обходятъ его молчаніемъ, либо говорятъ: „а въ военное время смертная казнь должна быть сохранена". Комиссія предлагаетъ Государственной Думѣ вопросъ этотъ разработать самостоятельно и отдѣльно, а сейчасъ никакого рѣшенія не принимать. И надобности практической нѣтъ въ немедленномъ принятіи рѣшенія: войны съ иностраннымъ государствомъ сейчасъ нѣтъ, а когда она будетъ, то выработать законопроектъ не представитъ исключительно большихъ усилій. Но я долженъ сказать, что самъ лично держусь того мнѣнія, что и въ военное время смертная казнь не только не необходима, но совершенно не нужна (Продолжительные аплодисменты слѣва). Я держусь того мнѣнія, что смертная казнь въ военное время тоже не имѣетъ ни малѣйшаго оправданія, но, повторяю, какъ спеціалистъ вопроса, обязанъ сказать, что это мнѣніе далеко не является общепризнаннымъ и что его нужно доказывать. Я не позволю себѣ съ большой подробностью останавливать вашего вниманія во всѣхъ деталяхъ вопроса, но въ общихъ чертахъ считаю нужнымъ намѣтить его. Въ военное время смертная казнь имѣетъ различное основаніе. Прежде всего, она назначается за общія правонарушенія для огражденія гражданъ отъ произвольнаго нарушенія закона военнослужащими. Я имѣю въ виду ту самую 279-ю статью, которая написана въ огражденіе гражданъ и которая сейчасъ оказалась оружіемъ въ рукахъ военно-служащихъ или военныхъ начальниковъ противъ гражданъ (Аплодисменты). Дѣйствительно, при исключительныхъ условіяхъ военнаго времени нельзя не считаться съ тѣмъ, что, можетъ

быть, необходимо въ извѣстныхъ случаяхъ повышать карательныя воздѣйствія, во зачѣмъ же это повышеніе доводить до смертной казни? Какая здѣсь надобность? Грабящій мѣстное населеніе военнослужащій въ военное время чрезвычайно опасенъ, онъ противенъ, его дѣйствія глубоко безнравственны. Но до какого момента онъ опасенъ? До того момента, когда онъ на свободѣ, когда онъ можетъ грабить, а когда его схватили, когда его уже судятъ, когда совершенный имъ грабежъ или разбой ушелъ въ прошлое,— развѣ этотъ грабитель опасенъ? Опасности отъ него нѣтъ никакой. Почему нельзя подвергнуть его лишенію свободы—самому суровому, я не говорю о мягкомъ наказаніи,—но зачѣмъ какая необходимость лишать его жизни? Точно также въ отношеніи другихъ преступныхъ дѣяній, совершаемыхъ на войнѣ военнослужащими. Нельзя отвергать, что въ военное время всякое нарушеніе воинской дисциплины можетъ быть исключительно опасно; нельзя отвергать, что отказъ исполнить приказаніе начальника, а тѣмъ болѣе активное противодѣйствіе начальнику въ моментъ боя или во время, предшествующее бою, можетъ нерѣдко повлечь за собой проигрышъ сраженія, тысячи смертей и неисправимыя послѣдствія. Этого никакъ нельзя отрицать. Но опять таки, когда является такая опасность?

Я понимаю, когда я, солдатъ, не исполняю приказанія начальника идти въ бой, отправиться туда-то, сдѣлать въ бою то-то, когда я противодѣйствую ему активно, совершаю сопротивленіе или наношу ему ударъ, причиняю насиліе,—то въ данное время я, дѣйствительно, совершаю дѣйствіе исключительно опасное, ибо примѣръ заразителенъ, а всѣмъ извѣстно, къ какимъ гибельнымъ послѣдствіямъ приводятъ подобнаго рода примѣры на войнѣ. Но вѣдь опасность существуетъ только въ тотъ моментъ, и вотъ совершенно логично въ 5 и 6 статьяхъ дисциплинарнаго устава изложены правила, которыя не только даютъ право, но обязываютъ начальника употребить силу противъ неповинующаго подчиненнаго и въ извѣстныхъ случаяхъ даже лишить его жизни. Вотъ совершенно логичное правило, заключающееся въ 277 статьѣ воинскаго устава о наказакіяхъ,

которое освобождаетъ отъ отвѣтственности за смертоубійство, совершенное начальникомъ при такихъ обстоятельствахъ. Но если въ данный моментъ неповинующій не былъ убитъ, если онъ былъ схваченъ и его судятъ,—судятъ, можетъ быть, черезъ мѣсяцъ, когда обстоятельства совершенно измѣнились и отъ него уже опасности нѣтъ рѣшительно никакой,—какой же смыслъ примѣнять къ нему смертную казнь? Скажутъ, что здѣсь имѣется въ виду значеніе устрашающаго момента смертной казни. О теоріи устрашенія едва ли возможно съ спеціальной точки зрѣнія сказать хотя бы одно лишнее слово, кромѣ того, что высказывается съ точки зрѣнія общей. Далѣе, въ военное время смертная казнь полагается за такія дѣянія, которыя въ мирное время абсолютно невозможны,—напримѣръ, бѣгство съ поля сраженія. Совершенно вѣрно, что солдатъ или офицеръ, бѣгущій съ поля сраженія, можетъ вызвать панику и тѣмъ причинить невѣроятный вредъ, невѣроятную опасность. А потому логично опредѣленіе 263 ст. воинскаго устава о нак., обязывающее начальника убить, при извѣстныхъ условіяхъ, бѣгущаго съ поля сраженія. Но когда такого бѣглеца будутъ потомъ судить—уже вреда отъ него не можетъ быть никакого. Совершенно тѣ же соображенія приложимы, по моему глубокому убѣжденію, и къ самому гнусному изъ преступныхъ дѣяній,—къ шпіонству со стороны своего подданнаго,—т. е. къ военной измѣнѣ. Свой шпіонъ безконечно вреденъ, но онъ вреденъ только до тѣхъ поръ, пока находится на свободѣ. Наконецъ, примѣняется смертная казнь къ непріятельскимъ шпіонамъ. Я былъ на войнѣ, былъ въ Манчжуріи и долженъ сказать, что никогда на меня не производило такого гнетущаго, тяжелаго впечатлѣнія наказаніе смертью, какъ именно въ примѣненіи къ непріятельскимъ шпіонамъ,—здѣсь есть ужасное противорѣчіе. Помню, я проѣзжалъ станцію Турчихэ,—это было въ апрѣлѣ мѣсяцѣ,—тамъ, какъ разъ, когда подошелъ поѣздъ, только что задержали двухъ японскихъ офицеровъ; они, несомнѣнно, были шпіоны. Едва я успѣлъ пріѣхать въ Харбинъ, прошло два, три дня, какъ узнаю, что уже назначенъ судъ, и не успѣлъ я доѣхать до Мукдена, какъ

оказалось, что они уже разстрѣлены. Зачѣмъ еще понадобилось нарушить законъ, зачѣмъ понадобилось отнимать дѣло отъ слѣдователя, который производилъ предварительное изслѣдованіе, зачѣмъ понадобилось предавать суду безъ слѣдствія, по телеграфу утверждать приговоръ, зачѣмъ понадобились всѣ нарушенія,—объ этомъ не будемъ говорить.... Японцы послѣ суда съ полнымъ достоинствомъ заявили, что они просятъ о помилованіи, потому что исполняли свой воинскій долгъ, приказаніе своего начальства. Скажите, развѣ это не правда? Несомнѣнно же, что правда: они въ отношеніи своихъ исполняли долгъ... Я невольно вспомнилъ этихъ двухъ офицеровъ, когда узналъ потомъ, что нашъ русскій рядовой Рябовъ былъ казненъ японцами, будучи пойманъ въ районѣ расположенія японской арміи, посланный туда по приказанію своего, нашего русскаго начальства. Вѣдь это безконечное противорѣчіе: не попался—герой, попался—смертная казнь! Неужели мы на войнѣ не можемъ сказать: или шпіонство не должно быть допускаемо и ни одна армія не должна пользоваться услугами шпіоновъ, или задержаннаго чужого шпіона—шпіона военно-служащаго, дѣйствующаго не по найму, а по своему военному долгу—нельзя казнить?

Итакъ, по военно-уголовнымъ законамъ необходимости въ смертной казни нѣтъ. Но сегодня мы не предлагаемъ Государственной Думѣ принять это. Сегодня мы предлагаемъ сказать, что смертная казнь всегда и для всѣхъ, внѣ случаевъ дѣйствительной войны съ иностраннымъ государствомъ, должна быть отмѣнена; и въ этихъ случаяхъ смертная казнь тоже должна быть отмѣнена, но по особому закону. Чтобы кончить мой затянувшійся докладъ, мнѣ остается отмѣтить еще одну сторону вопроса. Я до сихъ поръ стоялъ на почвѣ соображеній юридическихъ; теперь надо сказать нѣсколько словъ о соображеніяхъ политическихъ. Надо отвѣтить, своевременно ли сейчасъ отмѣнять въ Россіи смертную казнь. Въ этомъ вопросѣ слышится старый бюрократическій принципъ, тотъ принципъ, который привелъ Россію къ нынѣшнему положенію—„сперва успокоеніе, а потомъ реформы“. Вѣдь даже графъ Толстой, когда онъ былъ министромъ внутрен-

нихъ дѣлъ, не отрицалъ необходимости реформъ; онъ говорилъ, что реформы необходимы, но только онѣ несвоевременны. Онъ говорилъ: „сперва должно наступить успокоеніе, а потомъ можно дать реформы". Вѣдь здѣсь полное отсутствіе логики! Вѣдь когда движеніе ведется во имя реформъ, то какъ же можно сказать, что вотъ вы успокойтесь, не ждите реформъ, не желайте ихъ,—и тогда вамъ ихъ дадутъ! Вѣдь это же совершенный абсурдъ! То же самое и по отношенію къ смертной казни. Сейчасъ движеніе въ пользу отмѣны смертной казни охватило все населеніе, вплоть до глухой деревни. Эта мысль неотступно преслѣдуетъ каждаго русскаго гражданина. И можно ли въ это время сказать: „пусть не будетъ политическихъ убійствъ,—тогда мы отмѣнимъ смертную казнь"? Я имѣлъ уже случай съ этой каѳедры говорить о той причинной связи, которая существуетъ между политическими убійствами и смертной казнью; я имѣлъ случай отмѣчать, что не политическія убійства являются причиной, а казнь слѣдствіемъ, а какъ разъ наоборотъ,—что политическія убійства вызываются безудержнымъ примѣненіемъ смертной казни. Я не буду повторять этого аргумента, но я спрошу: когда же наступитъ тотъ моментъ, что будетъ своевременнѣе, чѣмъ сейчасъ, отмѣнить смертную казнь? Мы живемъ въ эпоху революціи. Что будетъ завтра, что будетъ черезъ недѣлю, черезъ мѣсяцъ,—никто на это отвѣтить не въ состояніи. Смѣна настроеній, смѣна теченій, смѣна личнаго торжества,—она можетъ наступить каждую минуту. Кто будетъ вынесенъ на верхъ власти, кто будетъ низвергнутъ, мы не знаемъ. И въ этотъ моментъ неужели не своевременно отмѣнить смертную казнь? Неужели исторія не даетъ намъ достаточно примѣровъ того, что именно въ этотъ-то моментъ и нужно сдѣлать такъ, чтобы впредь не было убійствъ по закону, закономѣрныхъ убійствъ? Болѣзненно нужно, чтобы отнынѣ при всей той неизвѣстности, которая предстоитъ русской жизни, не было уже закономѣрныхъ убійствъ, чтобы каждое убійство, кѣмъ бы оно ни было совершено, было только преступнымъ дѣяніемъ.

1 декабря 1789 года французское учредительное собраніе,

по предложенію доктора Гильотэна, постановило, что отнынѣ смертная казнь состоитъ въ простомъ лишеніи жизни. Это постановленіе тогда вызвало возраженія. Говорили, что, отмѣняя квалифицированную смертную казнь, подрываютъ основы правосудія, что правосудіе неизбѣжно должно погибнуть, расшататься, и что наступитъ анархія. Этого не произошло, но французская революція омрачила себя множествомъ приведенныхъ въ исполненіе смертныхъ приговоровъ. Пусть наша русская Государственная Дума начнетъ свою дѣятельность съ полной отмѣны смертной казни! Это не расшатаетъ устоевъ правосудія, но это гарантируетъ то, что отнынѣ смертной казни у насъ, т. е. лишеніе жизни закономѣрное, лишенія жизни властнымъ безвластнаго,—что такого лишенія жизни больше не будетъ (Громъ апплодисментовъ).

В. К. Федоровскій (Рязанская губ.). Господа народные представители! Я бы не просилъ себѣ разрѣшенія говорить, если бы не чувствовалъ, что я могу отмѣтить ту сторону вопроса, которая, мнѣ кажется, еще не была указана здѣсь. Послѣ горячихъ и страстныхъ рѣчей, которыя слышались здѣсь въ продолженіе многихъ дней противъ смертной казни, я въ правѣ былъ ожидать отъ министра юстиціи строгой и послѣдовательной логики въ критикѣ относительно того законопроекта, который обсуждался. Что же я услыхалъ отъ него? „Ознакомленіе съ извѣстными отвлеченными соображеніями — вотъ что легло въ основу тѣхъ заключеній, съ которыми выступила Государственная Дума, а не ближайшее разсмотрѣніе свойствъ преступнаго посягательства“. Такимъ образомъ, умышленно или нарочно, но методъ изслѣдованія избранъ невѣрный. Нельзя изслѣдовать вопросъ съ одной только стороны; говоря о преступномъ дѣяніи, нельзя упускать изслѣдованія вопроса о наказаніи. Этотъ вопросъ, вопросъ объ изслѣдованіи свойства наказанія, здѣсь упущенъ. На эту особенность уже указывали нѣкоторые ораторы, но я позволю себѣ дополнить только, что если мы станемъ на эту точку зрѣнія, т. е. откажемся отъ изслѣдованія свойствъ наказанія, то придемъ къ тѣмъ средне-вѣковымъ наказаніямъ, когда,

напр., Равальяку, рвали щипцами живое тѣло и вливали въ эти раны расплавленный свинецъ... Нельзя говорить о законопроектѣ, предусматривающемъ преступное дѣяніе и кару за него, не останавливаясь самымъ подробнымъ и всестороннимъ образомъ на основахъ, опредѣляющихъ наказанія. Этого не было сдѣлано въ отвѣтѣ министра юстиціи. Теперь позвольте приступить къ изслѣдованію доводовъ министра въ части о преступномъ дѣяніи. Переходя къ свойствамъ этого дѣянія, онъ говоритъ, что только тѣ дѣянія влекутъ за собой смертную казнь, „которыя являются посягательствами, направленными противъ основъ всенародной жизни", „противъ незыблемости внутреннихъ основъ его устройства"... Это точно цитируемыя его слова. Въ результатѣ анализа этихъ дѣяній является, такимъ образомъ, что дѣянія эти, въ большинствѣ случаевъ, предполагаютъ наличность извѣстнаго міровоззрѣнія, во имя котораго они и совершаются. Здѣсь предшествующимъ ораторомъ было приведено сказанное недавно проф. М. М. Ковалевскимъ напоминаніе о стихотвореніи въ прозѣ Тургенева, когда отзывъ о дѣвушкѣ, переступающей грань жизни во имя идеи, выражается въ формулѣ „безумная она или святая?". Я думаю, что слѣдуетъ идти дальше. Въ наше время едва ли кто назоветъ эту дѣвушку „безумной". Большинство скажетъ: „она ошиблась, но она была святая". Третье доказательство, на которое указывалъ министръ юстиціи, доказательство, гласящее, что обстоятельства вызываютъ смертную казнь,—это доказательство, для меня лично совершенно не выдерживаетъ критики. Въ то время, когда усиленно повторяющіяся казни дѣлаютъ привычнымъ или невозможнымъ страхъ смерти, когда „перестаетъ быть страшно", тогда смертная казнь теряетъ всякій свой смыслъ, даже призрачный, который ей придается тѣми или другими людьми. Но вотъ именно мнѣ представляется, что эти обстоятельства и заставляютъ категорически вотировать за отмѣну смертной казни. Вѣдь уже много разъ повторялось, что смертная казнь отрицаетъ право на жизнь; если существуетъ мысль, что государство вольно отнимать у меня жизнь, то вполнѣ естественно возникаетъ и у меня пред-

ставленіе о томъ, что въ силу какихъ либо цѣлей и я могу посягнуть на чужую жизнь. Вотъ именно объ уничтоженіи идеи о возможности посяганія на чужую жизнь необходимо повторно и громко говорить здѣсь! И вотъ именно во имя этихъ обстоятельствъ и требуется отмѣна смертной казни! (Апплодисменты).

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ (Тверской губ.). Позвольте мнѣ, въ качествѣ докладчика, сказать весьма немного. Моя задача чрезвычайно упростилась. Ни одного принципіальнаго возраженія противъ внесеннаго нами законопроекта мы здѣсь не слыхали, ибо нельзя же считать серьезными возраженіями то, что мы выслушали отъ морского министра и отъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ. Представитель морского министра пришелъ—и что же онъ сказалъ намъ? Министръ полагаетъ, что о смертной казни по военно-морскому уголовному закону можно разсуждать только у себя, въ главномъ морскомъ судѣ. Онъ такъ полагаетъ,—это его дѣло. Но зачѣмъ же г. прокуроръ пришелъ сюда говорить объ этомъ? Если бы онъ пришелъ оспаривать нашъ взглядъ, если онъ имѣетъ въ этомъ направленіи какое либо опредѣленное сужденіе, такъ вѣдь я, въ качествѣ докладчика, представлялъ разборъ статьи 55 основныхъ законовъ и приводилъ свои доводы, на основаніи которыхъ я полагаю, что Государственная Дума согласится со мной, что ст. 55 основныхъ законовъ не изъемлетъ разсмотрѣнія вопроса о смертной казни по военно-уголовному законодательству изъ вѣдѣнія Государственной Думы. Никакихъ доводовъ противъ я не слышалъ; мы слышали только то, что морской министръ думаетъ,—ну, и Богъ съ нимъ, пускай думаетъ иначе (апплодисменты). Заявленіе, выслушанное нами отъ представителя министра внутреннихъ дѣлъ, было основано на явномъ недоразумѣніи: развѣ я говорилъ, что даннымъ законопроектомъ мы отмѣняемъ статью 18 положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка? Я этого не говорилъ, а говорилъ, что тѣмъ самымъ отмѣняется смертная казнь, положенная въ этой статьѣ, положенная не самостоятельно, а путемъ ссылки на 279 статью воинскаго устава о нак. Слѣдовательно, вы

видите, что здѣсь были только слова со стороны представителя министра внутреннихъ дѣлъ, но не было рѣшительно никакихъ возраженій по существу. Что касается заявленія, сдѣланнаго министромъ юстиціи, то оно уже достаточно было отмѣчено безъ моего дальнѣйшаго разъясненія; я полагаю, что всѣмъ намъ вполнѣ ясно, какую небольшую цѣну имѣетъ это возраженіе. Прежде, чѣмъ кончить, я не могу не снять упрека лично съ меня, упрека, сдѣланнаго мнѣ членомъ Государственной Думы Масловымъ. Господинъ Масловъ не упрекалъ меня,—онъ выразилъ чувство удовлетворенія, что я, испытавшій, что значитъ приговаривать къ смерти и т. д., и. т. д.,—я долженъ сказать Государственной Думѣ, что руки мои отъ крови чисты (смѣхъ); никогда въ жизни я не участвовалъ въ смерти ни одного лица; я никогда не былъ прокуроромъ, не былъ ни предсѣдателемъ суда, ни членомъ суда,—я занималъ скромную должность профессора двухъ военныхъ академій и по этой должности не могъ никого приговорить къ смерти.

Засѣданіе 19-го іюня 1906 г.

М. М. Ковалевскій (Харьковская губ.). Господа народные представители! Въ Европѣ и Америкѣ сложились пока два главныхъ типа отношеній къ свободѣ собраній. Первый типъ выработанъ англійскимъ и американскимъ народами. Я удивленъ былъ, услышавъ изъ устъ моего пріятеля, профессора Котляревскаго, заявленіе о томъ, что тѣ предложенія, которыя были сдѣланы членами нашей крайней лѣвой, представляютъ собою какую-то новинку, какое-то русское творчество. Вѣдь въ Англіи и Америкѣ въ теченіе 200 лѣтъ вопросъ о правѣ собраній рѣшается положительно въ томъ же смыслѣ, въ какомъ вамъ предлагали рѣшить его члены недавно образовавшейся у насъ партіи соціалъ-демократической. Когда вы заглянете въ общедоступную и русской публикѣ книгу проф. Дайси, профессора Оксфордскаго университета, объ англійской конституціи, переведенную на русскій языкъ русскимъ профессоромъ Павломъ Виноградовымъ, въ настоящее время занимающимъ ка-

ѳедру въ Оксфордскомъ университетѣ,—то вы найдете тамъ, что извѣстно всякому, кто занимался государственнымъ правомъ, а именно то, что въ Англіи не существуетъ даже особаго права собраній, а считается, что это право присуще каждому гражданину, такъ какъ оно составляется изъ двухъ правъ: права свободнаго перемѣщенія и права свободы рѣчи. Соедините эти два права, и вы получите право собраній. Поэтому англичане смотрятъ на право собраній, какъ на принадлежащее каждому англійскому гражданину право собираться на открытомъ воздухѣ или право собираться въ закрытыхъ помѣщеніяхъ. Дайси совершенно опредѣленно заявляетъ: право идти, куда угодно, и говорить, что я считаю разумнымъ, признается за всякимъ англійскимъ гражданиномъ. Такое же право признается за мною, какъ и за *в*, *с*, *д* и т. д. И когда мы сойдемся всѣ въ одномъ и томъ же мѣстѣ и станемъ говорить объ интересующихъ насъ общественныхъ вопросахъ, тогда образуется митингъ, который полиція обязана охранять отъ нарушеній извнѣ. Другое дѣло, когда мы, собравшись на митингъ, сами перейдемъ къ нарушенію порядка — о, тогда можно будетъ насъ привлечь къ суду и покарать насъ, какъ его нарушителей, не потому, что мы сошлись на митингъ, не спросивши чьего либо согласія, не потому, что мы собрались, не увѣдомивъ предварительно полицію за 24 часа ранѣе,—а потому, что нами не соблюдается общественный миръ. Вы знаете, что нигдѣ право собраній не сыграло такой выдающейся роли въ дѣлѣ развитія конституціи, какъ въ Англіи. Несовершенство англійскаго избирательнаго закона сдѣлало необходимымъ широкое пользованіе правомъ собраній. Большинство демократическихъ измѣненій въ аристократической англійской конституціи сдѣлано было на основаніи широкаго пользованія этимъ правомъ каждаго англійскаго гражданина—правомъ идти куда угодно, встрѣчаться съ кѣмъ угодно и говорить, встрѣтившись, о томъ, о чемъ онъ хочетъ, что онъ считаетъ полезнымъ поставить на видъ своимъ согражданамъ. Въ Америку перенесена была изъ Англіи эта точка зрѣнія на право собраній, и тамъ существуетъ широкое право каждаго от-

правляться свободно туда, куда придутъ по приглашенію и другіе граждане, и, сошедшись, подвергнутъ обсужденію всѣхъ ихъ интересующій вопросъ. До тѣхъ поръ это право за ними признается, пока они не приступятъ къ совершенію акта насилія.

Съ этого момента только и открывается возможность привлеченія ихъ къ судебной отвѣтственности. Англо-американскому способу рѣшенія вопроса о правѣ собраній, способу, которому я вполнѣ сочувствую, противорѣчитъ другой, извѣстный континенту Европы. Когда англо-американскія идеи, въ формѣ англоманіи и американофильства, стали вліять на континентальную Европу, въ ней существовали традиція и практика государства, все опекающаго, за всѣмъ слѣдящаго, все предупреждающаго; это именно то государство, которое извѣстно подъ названіемъ полицейскаго государства и которое заимствовано было и нами со временъ Петра Великаго и съ тѣхъ поръ продолжало благополучно держаться въ нашей средѣ, да отчасти держится и теперь. Съ того момента, когда англійскія идеи перенесены были на континентъ Европы, попытки примѣненія ихъ къ учрежденіямъ въ эпоху перваго французскаго собранія повели къ печальнымъ злоупотребленіямъ свободою митинговъ. Послѣдовали вторженія въ залъ конвента, депутаціи требовали отъ его членовъ, чтобы ихъ выслушивали и немедленно исполняли ихъ требованія. Чтобы дать отпоръ такимъ претензіямъ, создано было цѣлое законодательство совершенно полицейскаго характера, ограничивающее поэтому число участниковъ въ митингахъ и право собираться на нихъ не иначе, какъ съ разрѣшенія полиціи и т. д., и т. д. Это законодательство продолжало господствовать въ эпоху первой имперіи и эпоху реставраціи, но затѣмъ стало постепенно вымирать; полицейская опека надъ правомъ собраній постепенно была ограничена. Законъ 1877 года, которому слѣдовали составители предполагаемаго намъ проекта, изданъ былъ во Франціи вскорѣ по возвращеніи изъ ссылки коммунаровъ, когда продолжались еще прежнія опасенія новыхъ нарушеній мира съ ихъ стороны и со стороны ихъ приверженцевъ, и когда, поэтому, полицейской точкѣ

зрѣнія не мудрено было взять верхъ надъ англо-американскимъ принципомъ свободы собраній. Законъ этотъ признается во Франціи однимъ изъ наименѣе удачныхъ. Составители представленнаго намъ проекта закона о правѣ собраній послѣдовали, однако, такъ же слѣпо французскиму образцу, какъ составители дѣйствующаго закона о правѣ собраній послѣдовали образцу австрійскому. Австрійскій законъ требуетъ трехдневнаго предувѣдомленія полиціи, французскій законъ 1877 года—однодневнаго, и тотъ и другой одинаково проникнуты точкой зрѣнія опеки, точкой зрѣнія полицейскаго государства и не отправляются отъ признанія свободы собраній, какъ необходимаго послѣдствія двухъ свободъ: свободы слова и свободы передвиженія. Но даже слѣдуя образцу полицейскаго государства и копируя нормы французскаго закона, наши законодатели упустили изъ вида одну его положительную черту. Они весьма неудачно, на мой взглядъ, рѣшили вопросъ о томъ, какъ можетъ полиція пріостановить собраніе, которое кажется ей угрожающимъ общественному миру, порядку и спокойствію. Они совершенно не отмѣтили того, что на собраніяхъ во Франціи избирается бюро, которое и вѣдаетъ весь внутренній ихъ распорядокъ, и что обращеніе полиціи дѣлается не къ самому митингу, а къ бюро. Они ни словомъ не обмолвились объ обращеніи агента полиціи къ бюро. Представьте себѣ, какія изъ этого могутъ возникнуть послѣдствія. Одинъ полицейскій агентъ имѣетъ дѣло съ многочисленнымъ митингомъ и желаетъ положить ему конецъ, или вывести изъ собранія ораторовъ, которые своимъ поведеніемъ, какъ ему кажется, нарушаютъ миръ и спокойствіе. Лучшее, что можетъ предстоять ему—это быть вывезеннымъ въ тачкѣ изъ этого митинга; если не послѣдуетъ такого вывоза, ему, по всей вѣроятности, придется потерпѣть отъ личныхъ ругательствъ, а, можетъ быть, даже получить и тѣлесное оскорбленіе; между тѣмъ, если вы вдвиньте между собраніемъ и полиціей бюро, если вы дадите широкія права внутренняго распорядка предсѣдателю собранія, секретарю, его товарищамъ и т. д. тѣ права, какими они пользуются на собраніяхъ во Франціи,—ничего подобнаго предвидѣть

нельзя. Я не понимаю, почему составители законопроекта совершенно упустили изъ вида необходимость введенія этой, освященной опытомъ, практики. Изъ двухъ способовъ рѣшенія вопроса о правѣ собраній,—того, какому слѣдуетъ англо-американскій миръ, и того, котораго придерживается континентальное законодательство Европы,—всѣ мои симпатіи на сторонѣ перваго. Поэтому я очень радъ, что едва образовавшаяся въ нашей средѣ соціалъ-демократическая партія связала свою начальную дѣятельность съ защитой одинаково дорогого, какъ ей, такъ и мнѣ, права собраній. Я со вниманіемъ прислушался къ заявленію, сдѣланному, въ моемъ присутствіи, рабочимъ, представителемъ отъ Москвы, Савельевымъ. Онъ весьма вѣрно указалъ, что когда возникаетъ поводъ къ рабочей стачкѣ, то не ждать же того момента, когда будетъ отведено помѣщеніе для переговоровъ, послѣдствіемъ которыхъ можетъ быть и то, что стачка не состоится и явится возможность соглашенія. Нельзя поэтому ждать 24 часа самаго дозволенія собранія. Въ эти 24 часа могутъ обостриться страсти, и можетъ начаться рядъ дѣйствій насильственныхъ, которыя сдѣлаютъ невозможнымъ дальнѣйшее соглашеніе капитала съ трудомъ и обусловятъ собою продолженіе самой стачки. Въ виду сказаннаго, въ примѣненіи къ Россіи, мнѣ кажется совершенно немыслимымъ такое требованіе, какъ выжиданіе 24-часового разрѣшенія полиціи, для того, чтобы собраться потолковать о неотложныхъ нуждахъ, сдѣлать опредѣленное предложеніе предпринимателямъ, выслушать съ ихъ стороны опредѣленные отвѣты и достигнуть, путемъ такого рода бесѣды, соглашенія и возможности не прибѣгать къ стачкѣ. Я полагаю поэтому, что изъ всѣхъ законопроектовъ, которые были намъ представлены, наименѣе удачнымъ надо признать тотъ, который мы разсматриваемъ въ настоящее время; я думаю, что нѣтъ даже ближайшихъ основаній передавать его въ комиссію, а есть полное основаніе пересмотрѣть его вновь, имѣя въ виду существованіе рядомъ съ практикой полицейскихъ государствъ и многовѣковую практику Англіи и Америки, практику, которая, кажется, убѣдительно доказала, что право собраній представляетъ необходимый кор-

ректив ко всякаго рода несовершенной конституціи, при которой избирательныя права болѣе или менѣе ограничены. Я не стану напоминать вамъ о томъ, какіе результаты достигнуты англичанами, благодаря широкому пользованію митингами; не буду напоминать о томъ, что является труизмомъ для всѣхъ, занимавшихся исторіей англійскихъ учрежденій, напомню только, что послѣдовавшія одна за другой реформы 32, 67, 84 и 85 годовъ, послѣдствіемъ которыхъ было расширеніе избирательнаго права, приняты были парламентомъ подъ вліяніемъ тѣхъ резолюцій, тѣхъ постановленій, которыя были вотированы на этихъ собраніяхъ, часто созывавшихся подъ открытымъ небомъ. Вы знаете, конечно, изъ газетъ, что долгое время королева Викторія не желала допускать митинговъ въ Гайдъ-Паркѣ, такъ какъ Гайдъ-Паркъ считается королевской собственностью; въ настоящее же время онъ именно то мѣсто, гдѣ чаще всего собираются митинги подъ открытымъ небомъ, и каждый разъ безъ испрошенія чьего либо согласія. Каждому изъ насъ, бывавшему въ Англіи, приходилось видѣть собранія, защищаемыя полиціей отъ всѣхъ тѣхъ, кто желаетъ нарушить миръ собравшихся, хотя бы они и говорили по нежелательнымъ вопросамъ, какъ, напримѣръ, вопросъ объ отмѣнѣ палаты лордовъ, о расширеніи права голосованія и т. д. Наконецъ, напомню еще, что во время англо-бурской войны та же полиція охраняла спокойствіе собраній, собиравшихся въ Трафальгарскомъ скверѣ, чтобы протестовать противъ войны и высказывавшихъ симпатіи бурамъ. И если въ Англіи миръ и при такихъ условіяхъ не былъ нарушенъ, то, слѣдовательно, съ правилами, существующими въ Англіи и Америкѣ на счетъ свободы митинговъ, нужно считаться и при выработкѣ русскаго закона. Всѣ возраженія противъ митинговъ на открытомъ воздухѣ по соображеніямъ климата падаютъ сами собой, такъ какъ климатъ въ Англіи и сѣверной части Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ далеко не прекрасный, а тамъ митинги собираются на воздухѣ; если мы будемъ продолжать настаивать на томъ, чтобы у насъ такихъ митинговъ не было, а чтобы въ закрытыхъ помѣщеніяхъ собранія могли состояться только послѣ заблаговремен-

наго увѣдомленія полиціи, а именно не раньше какъ за 24 часа, то, разумѣется, рабочіе, всего болѣе нуждающіеся въ этомъ правѣ собраній, не въ состояніи будутъ воспользоваться имъ своевременно для предотвращенія разрыва между капиталомъ и трудомъ, разрыва, который всегда пагубно отражается на судьбахъ промышленности, иногда пагубно на судьбѣ промышленниковъ, но всего чаще на судьбахъ рабочихъ, которые не имѣютъ достаточно сбереженій, чтобы продлить стачку и добиться желательныхъ для нихъ уступокъ. Я повторяю, что рѣшительно высказываюсь противъ основнаго взгляда, проводимаго при выработкѣ разбираемаго законопроекта, а потому подаю свой голосъ и противъ внесенія его въ комиссію для дальнѣйшаго обсужденія (Апплодисменты).

Засѣданіе 29 мая 1906 г.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ (Тверская губ.). Какъ видно изъ представленнаго проекта, у насъ будутъ существовать три комиссіи, довольно близкія по роду ихъ дѣятельности: финансовая, бюджетная и комиссія по исполненію государственной росписи. Но вы видите, что по составу эти комиссіи представляются различными. Особенность комиссіи по исполненію государственной росписи заключается въ томъ, что, по соглашенію съ государственнымъ контролеромъ, эта комиссія приглашаетъ для участія въ своихъ трудахъ, съ совѣщательнымъ голосомъ, чиновъ государственнаго контроля. Вообще говоря, участіе представителей контрольнаго вѣдомства въ работахъ комиссіи Думы по вопросамъ, связаннымъ съ финансами и бюджетомъ, представляется, не скажу только желательнымъ, но я бы сказалъ— прямо необходимымъ. Въ этомъ отношеніи нельзя не считаться съ тѣмъ, что Государственная Дума только впервые приступаетъ къ своей дѣятельности. У всѣхъ насъ не образовалось еще привычки, нѣтъ техническихъ знаній, достаточныхъ для того, чтобы разобраться во всѣхъ сложныхъ, [illegible]очныхъ и порой чрезвычайно запутанныхъ вопросахъ финансовыхъ и особенно бюджетныхъ. Въ другихъ парламентахъ, дѣйствительно, возможно, чтобы комиссіи работали

безъ привлеченія сюда чиновъ какого бы то ни было вѣдомства. Сами члены комиссій являются людьми опытными, людьми, имѣющими за собой прошлое въ рѣшеніи аналогичныхъ вопросовъ; кромѣ того, въ парламентахъ есть уже сложившаяся и образовавшаяся канцелярія, обладающая нужными документами и имѣющая въ своемъ распоряженіи всѣ необходимыя данныя. Государственная Дума наша,—я въ этомъ глубоко убѣжденъ,—на первыхъ порахъ, особенно при разсмотрѣніи перваго, а, пожалуй, второго и третьяго бюджета, будетъ поставлена въ крайнее затрудненіе и не только потому, чтобы у насъ не было надлежащей опытности,—нѣтъ, но затрудненія создаются самой системой нашего русскаго бюджета. У насъ бюджетъ построенъ не по предметамъ расхода, а по вѣдомствамъ, по министерствамъ. Расходъ одинъ и тотъ же, а предметы оказываются разбросанными въ нѣсколькихъ параграфахъ смѣты. Напримѣръ, расходъ на содержаніе полиціи. Вѣдь, взять бюджетъ министерства внутреннихъ дѣлъ—не значитъ еще узнать, сколько тратится на полицію въ годъ. Для этого надо взять еще бюджетъ военнаго министерства, куда вносятся всѣ расходы по корпусу жандармовъ, и бюджетъ министерства финансовъ, ибо всѣ расходы по содержанію пограничной стражи проводятся по этой смѣтѣ. Я привелъ одинъ примѣръ, но такихъ примѣровъ безконечное множество. И вотъ, Государственная Дума, которая должна будетъ оцѣнивать значеніе даннаго расхода не потому, что это расходъ даннаго вѣдомства, а по его содержанію, т. е. по суммѣ всѣхъ расходовъ на данный предметъ,—будетъ поставлена въ чрезвычайное затрудненіе.

Контроль у насъ въ Россіи имѣетъ двоякую задачу. Онъ не только провѣряетъ произведенные расходы, не только провѣряетъ отчеты, но и даетъ предварительныя заключенія. Эти заключенія, если бы ихъ получала Государственная Дума, были бы для нея чрезвычайно цѣнны. Только въ контролѣ сосредоточиваются данныя, касающіяся всѣхъ вѣдомствъ, только тамъ имѣются всѣ необходимые документы для того, чтобы можно было вполнѣ какъ оцѣнить прошлую дѣятельность министерства при повѣркѣ отчета,

такъ и съ открытыми глазами высказаться за или противъ наваго предполагаемаго расхода.

Представьте себѣ, что любое министерство испрашиваетъ новый кредитъ въ размѣрѣ нѣсколькихъ сотъ тысячъ рублей на тотъ или другой предметъ. Что знаемъ мы объ испрашиваемомъ кредитѣ? Имѣетъ ли вопросъ исторію, требовалось ли по данному предмету когда-либо въ прошломъ тоже открыть кредитъ, было ли это отклонено, и т. д., т. д.? Мы рѣшительно не разберемся въ вопросѣ. Министры, вносящіе предложеніе, конечно, будутъ заинтересованы въ томъ, чтобы не обнаружить намъ всѣхъ данныхъ. Итакъ, по моему мнѣнію, представляется безусловно желательнымъ участіе контроля, — съ правомъ, конечно совѣщательнаго голоса,—въ работахъ всѣхъ трехъ комиссій: бюджетной, финансовой и по исполненію росписей. Но здѣсь мы наталкиваемся на непреоборимое органическое препятствіе, заключающееся въ томъ, что у насъ, въ сущности говоря, въ общей организаціи министерствъ есть явный юридическій абсурдъ. Государственный контролеръ входитъ въ общую организацію, онъ является членомъ совѣта министровъ, и такимъ образомъ тотъ, кто долженъ провѣрять, тотъ, кто долженъ контролировать, и тотъ, кто долженъ давать заключенія по представленіямъ отдѣльныхъ министерствъ, самъ участвуетъ въ министерствѣ и, конечно, тѣмъ самымъ принимаетъ на себя отвѣтственность за то, что онъ впослѣдствіи будетъ провѣрять. Вѣдь это абсурдъ! Предположимъ, что какое либо ассигнованіе предлагается Думѣ сдѣлать не отъ лица отдѣльнаго министерства, а отъ всего совѣта министровъ. По этому ассигнованію заключеніе долженъ дать государственный контролеръ; онъ будетъ повѣрять исполненіе даннаго смѣтнаго назначенія, и онъ же, оказывается, участвовалъ въ той же самой коллегіи, которая явилась иниціаторомъ представленія о данномъ расходѣ. Это несомнѣнно, повторяю, юридическій абсурдъ, и мы, къ сожалѣнію, должны съ нимъ считаться. Въ силу этого не могутъ быть приняты соображенія о включеніи или приглашеніи съ правомъ совѣщательнаго голоса представителей контроля при работахъ финансовов и бюджетной коммиссій.

Для этого необходима реорганизація государственнаго контроля. Что же касается комиссіи по исполненію росписи, то тутъ безусловно нельзя обойтись фактически безъ содѣйствія государственнаго контроля, потому что разобраться въ исполненіи росписи, свести изъ разныхъ отчетовъ разныхъ министерствъ расходы по ихъ предметамъ, чтобы Государственная Дума могла, напримѣръ, сказать, сколько въ Россіи тратится на народное образованіе, сколько тратится на полицію и сколько тратится на любой предметъ,—для этого данныхъ нельзя нигдѣ найти, кромѣ государственнаго контроля, гдѣ всѣ отчетныя свѣдѣнія централизуются, и гдѣ, дѣйствительно, только и есть ключъ къ раскрытію загадокъ, представляющихся при чтеніи любого отчета по исполненію росписи. Комиссія 19-ти, признавая эти соображенія, включила указаніе въ пунктъ *д* § 33-го, что сюда приглашаются для участія члены государственнаго контроля.

Правда, есть общее правило, по которому въ комиссію могутъ быть приглашены представители вѣдомствъ—или сами министры, или ихъ товарищи—но прямое указаніе въ наказѣ по этому предмету подскажетъ комиссіи по исполненію государственной росписи необходимость приглашенія чиновъ контроля.

И такъ, я свожу то, что говорилъ: безусловно желательно, скажу болѣе, необходимо, участіе чиновъ контроля въ работахъ, съ правомъ совѣщательнаго голоса, въ комиссіяхъ бюджетной, финансовой и по исполненію росписи. Но въ настоящее время это представляется абсолютно невозможнымъ, въ виду включенія государственнаго контролера въ совѣтъ министровъ. Желательна и необходима реорганизація государственнаго контроля, его выдѣленіе изъ общей системы министерствъ и установленія органической связи между контролемъ и Государственной Думой Только въ такомъ случаѣ упорядочится у насъ исполненіе росписей и вообще финансовое дѣло. Такъ какъ сейчасъ мы вырабатываемъ наказъ и такъ какъ сейчасъ мы не имѣемъ передъ собою проекта о реорганизаціи контроля, то я думаю, что было бы полезно, если Государственная Дума утвердитъ пункты в, г и д § 33-го въ редакціи, предложенной ком-

миссіей 19-ти, и утвержденіе это мотивируетъ занесеніемъ въ протоколъ слѣдующаго постановленія:

„Находя, что для успѣшности работъ комиссій финансовой, бюджетной и по исполненію государственной росписи было бы вообще желательно участіе, съ правомъ совѣщательнаго голоса, чиновъ государственнаго контроля, но въ то же время принимая во вниманіе, что государственный контролеръ входитъ въ составъ совѣта министровъ, и это, являясь рѣзкимъ нарушеніемъ существа положенія государственнаго контроля въ ряду другихъ вѣдомствъ, лишаетъ Государственную Думу возможности прибѣгать въ вопросахъ финансовыхъ и бюджетныхъ къ содѣйствію контроля,—Государственная Дума, признавая необходимою реорганизацію государственнаго контроля въ смыслѣ выдѣленія его изъ общей системы министерствъ, впредь до осуществленія сего, допускаетъ участіе чиновъ государственнаго контроля лишь въ комиссіи по исполненію государственной росписи".

М. М. Ковалевскій (Предсѣдатель комиссіи). Господа народные представители! Я, разумѣется, просилъ слова не для того, чтобы высказываться противъ предложенія комиссіи, которой я имѣю честь быть предсѣдателемъ, но для того, чтобы по случаю обсужденія этого пункта сразу же заявить о томъ, что комиссіи, и въ особенности финансовыя, не въ состояніи будутъ исполнить своего назначенія до тѣхъ поръ, пока формальнымъ закономъ онѣ не будутъ надѣлены правомъ требовать во всякое время отъ всѣхъ членовъ служащаго персонала любого министерства свѣдѣній, разъясненій, представленія статистическихъ данныхъ и т. д. Этого права я въ учрежденіи Государственной Думы не нахожу. Я бы желалъ, чтобы мои слова были занесены въ протоколъ для того, чтобы при дальнѣйшемъ развитіи нашей законодательной дѣятельности, мы, въ формѣ особаго законопроекта, подняли вопросъ на этотъ счетъ.

М. М. Ковалевскій (Харьк. губ.). Я удовлетворяюсь въ настоящемъ случаѣ лишь занесеніемъ моихъ словъ въ протоколъ и не считаю возможнымъ вносить это предложеніе въ настоящее время въ формѣ дополненія къ наказу.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ (Тверская губ.). Въ виду тѣхъ формальныхъ затрудненій, которыя, по заявленію предсѣдателя Думы и докладчика комиссіи 19-ти, встрѣчаетъ внесенное мною предложеніе, я отъ этого предложенія отказываюсь, какъ и представитель Харьковской губ. Ковалевскій, и буду считать себя совершенно удовлетвореннымъ, если мои слова, мое предложеніе будутъ внесены въ протоколъ, а затѣмъ, быть можетъ, въ Государственной Думѣ и возникнетъ иниціатива о внесеніи законопроекта о реорганизаціи государственнаго контроля.

Засѣданіе 29 мая 1906 г.

М. М. Ковалевскій (Харьковская губ.) Я не буду отстаивать, господа, цифру 11. Если вы хотите увеличить ее втрое, я не буду этому препятствовать. Но я полагаю что намъ безъ помощи служащихъ въ государственномъ контролѣ обойтись будетъ трудно. Докладчикъ комиссіи уже объяснялъ вамъ, что, та комиссія по исполненію государственной росписи, о которой теперь идетъ рѣчъ, подходитъ подъ понятіе полупарламентской комиссіи, и что поэтому тѣ возраженія противъ приглашенія въ парламентскую комиссію для нея не существуютъ. Я совершенно присоединяюсь къ этому мнѣнію и укажу вамъ на то обстоятельство, что всюду, гдѣ существуетъ констиція и парламентскій образъ правленія, комиссіи, подобныя той, какую мы намѣрены учредить, обращаются за помощью тѣхъ членовъ администраціи, тѣхъ административныхъ коллегій, которымъ поручается исполненіе функцій, которыя у насъ принадлежатъ государственному контролю. Во Франціи—къ счетной палатѣ. Членами счетной палаты даются такія объясненія, которыя мы предлагаемъ здѣсь, въ пунктѣ г. Затѣмъ, развѣ приглашенные члены государственнаго контроля пользуются одинаковымъ правомъ голоса съ членами комиссіи? Ничуть не бывало: они имѣютъ только совѣщательный голосъ. Я прошу васъ принять предлагаемую статью, потому что я предвижу, что безъ содѣйствія членовъ государственнаго контроля комиссія,

вами учреждаемая, не въ состояніи будетъ исполнить того назначенія, для котораго она создается.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ (Тверская губ.) Хотя мы имѣемъ и небольшой опытъ до настоящаго времени, но я думаю, что этотъ опытъ уже показалъ всю необходимость имѣть редакціонную комиссію для исполненія чисто редакторскихъ обязанностей. Я напомню вамъ, какъ шла работа по составленію адреса въ отвѣтъ на тронную рѣчъ. Была комиссія изъ 33-хъ лицъ, комиссія засѣдала много часовъ и потомъ она вынуждена была изъ своей среды выбрать 5 лицъ для установленія окончательной редакціи, замѣчаній, исправленій, поправокъ и д. д., и т. д. Послѣ, когда Государственная Дума приняла проектъ отвѣтнаго адреса, онъ былъ возвращенъ въ комиссію, и въ комиссіи опять выдѣлилось нѣсколько лицъ для того, чтобы окончательно проредактировать его. Въ засѣданіи Государственной Думы всѣ предложенія комиссіи измѣняются, исправляются, и чѣмъ болѣе это дѣлается, тѣмъ лучше, ибо этимъ Государственная Дума показываетъ свое активное отношеніе къ дѣлу. Вносится рядъ поправокъ, написанныхъ различными лицами, и ихъ надо средактировать вмѣстѣ со стороны стилистической или со стороны точности выраженій. Поручать эту работу той комиссіи, отъ которой поступилъ данный законопроектъ, мнѣ кажется, едва ли будетъ цѣлесообразно. Комиссіи наши чрезвычайно многолюдны, вести же редакторскую работу въ многолюдной комиссіи очень тяжело и трудно. Наконецъ, для исполненія этихъ обязанностей нужны особые спеціалисты, и неужели мы при выборѣ комиссій будемъ руководствоваться не столько готовностью лицъ работать по данному вопросу, ихъ компетентностью въ существѣ даннаго вопроса, сколько привычкой къ редакторской дѣятельности? Вотъ почему я цѣликомъ поддерживаю предложеніе комиссіи 19-ти о томъ, чтобы непременно была учреждена редакціонная комиссія.

Необходимо, чтобы эта комиссія была немноголюдна. Редактированіе въ составѣ 30-ти или 20-ти лицъ рѣшительно невозможно; 7 лицъ совершенно достаточный составъ. Наконецъ, послѣднее. Я цѣликомъ присоединяюсь также

и поддерживаю предложеніе комиссіи 19-ти, чтобы редакціонная комиссія выбиралась общимъ собраніемъ Думы по предложенію бюро. Здѣсь слишкомъ много говорилось, что когда комиссія, какая бы то ни было, выбирается общимъ собраніемъ Думы, то фактически происходитъ избраніе по предложеніямъ, формирующимся внѣ думской залы; въ данномъ случаѣ будетъ то же, но предложеніе будетъ исходить, во 1), исключительно отъ членовъ Государственной Думы, въ 2), отъ тѣхъ членовъ, которыхъ вся Дума удостоила особымъ довѣріемъ. Мнѣ кажется, что, по характеру дѣятельности редакціонной комиссіи, именно бюро должно указать изъ числа членовъ Думы тѣхъ лицъ, которыя, не зависимо отъ ихъ политическихъ убѣжденій, обладаютъ навыкомъ и способностями для точнаго редактированія принимаемыхъ Государственной Думой рѣшеній.

М. М. Ковалевскій (Харьковская губ.). Я пришелъ поддержать энергично предложеніе комиссіи относительно созданія особой комиссіи для редакціи законовъ. Я полагаю, что мы можемъ защитить наше предложеніе по слѣдующимъ соображеніямъ. Всѣ тѣ немногіе сторонники полицейскаго государства, которые еще встрѣчаются на Западѣ, въ одно слово выставляютъ противъ конституціоннаго и представительнаго порядка возраженіе, съ которымъ надо считаться, что палаты вообще скверно излагаютъ тексты законовъ. На это указываетъ и такой крупный представитель юридической науки, какъ покойный сэръ Генри Мэнъ. Въ виду этого, мнѣ кажется, необходимо создать такую комиссію, въ которую входили бы изъ членовъ собранія не только юристы вообще, но юристы-догматики. Мы, къ счастію, имѣемъ въ своей средѣ первоклассныхъ русскихъ юристовъ, и намъ необходимо составить такую комиссію изъ среды домгатиковъ, въ которой были бы представлены и цивилисты, и криминалисты, которые и чужую мысль могли бы изложить такъ, въ такой формѣ, чтобы она не допускала разнорѣчивыхъ толкованій въ судахъ. Я предлагаю, чтобы одни и тѣ же лица пересматривали съ точки зрѣнія исключительно редакціонной наши работы, чтобы приводить въ соотвѣтствіе между собой отдѣльные законы, нами

изготовляемые. Поэтому я не вижу рѣшительно никакого неудобства, если моя мысль будетъ изложена въ формѣ менѣе уязвимой передъ судами членами комиссіи, въ которую я лично не вошелъ. Мнѣ кажется, вопросъ, который мы возбуждаемъ въ настоящее время, вопросъ существенный. Мы теперь слышимъ возраженія въ томъ смыслѣ, что поспѣшность нашей работы—причина того, что мы, будто бы, вносимъ въ наши законодательные проекты статьи, подлежащія критикѣ со стороны редакціи. Будемъ считаться съ этими возраженіями, сдѣлаемъ ихъ невозможными въ будущемъ, создавши такую редакціонную комиссію.

Засѣданіе 29 мая 1906 г.

В. К. Федоровскій (Рязанская губ.). Въ Россіи говорятъ: „законъ для того пишутъ, чтобы его обходили“, въ законѣ, какъ въ паутинѣ, „муха застрянетъ, а птица пролетаетъ“. Почему это такъ? Внѣ всякаго сомнѣнія, что русскіе законы несовершенны по существу, но они также страдаютъ неправильностью формулировки. Въ громаднѣйшей странѣ, которая тянется отъ Тихаго океана до границъ Западнаго края (какъ мнѣ пришлось проѣхать три раза этотъ путь), въ такой странѣ извѣстно, что малѣйшая погрѣшность въ нормѣ, опредѣляющей жизнь народа въ 140 милліоновъ, при примѣненіи создаетъ неправильности громадныхъ, колоссальныхъ размѣровъ, малѣйшая неточность, какъ подъ увеличительнымъ стекломъ, какъ подъ микроскопомъ, возрастаетъ въ тысячу разъ: вѣдь малѣйшій уклонъ въ ту или другую сторону все возрастаетъ и возрастаетъ на протяженіи многихъ тысячъ верстъ, когда, наконецъ, волна добѣжитъ до окончанія своего пути... Поэтому, если бы даже и не было въ другихъ странахъ стремленія къ точности, къ „особой“ точности редакціи законовъ, то въ нашей, столь громадной странѣ, гдѣ одна губернія больше, чѣмъ иное цѣлое государство, необходима особая точность, и я поэтому рѣшительно поддерживаю то, что предложила намъ комиссія. Но „редакціонная комиссія“, мнѣ кажется, нужна еще и по другой причинѣ. Предста-

вители, сошедшіеся со всѣхъ концовъ русской земли, вносятъ естественную страстность въ свои сужденія, имъ слишкомъ больно то, что является язвой ихъ быта, они необходимо должны внести въ свои сужденія темпераментъ, а между тѣмъ законъ, какъ выразитель мысли, долженъ быть по формѣ обточенъ, какъ грань кристалла, и въ эту то форму должна быть вылита отчеканенная мысль. Мнѣ думается, что парламентъ, какъ представитель прежде всего „темперамента“ народнаго, народнаго „характера“, долженъ особенно внимательно относиться къ тому, чтобы все, выходящее въ качествѣ результатовъ его дѣятельности, подвергалось вновь пересмотру и именно пересмотру въ смыслѣ холоднаго, безусловно догматически правильнаго анализа. У насъ (я повторяю, что было сказано) слишкомъ много силъ присутствуетъ здѣсь, въ парламентѣ, которыми можетъ гордиться не только Россія, но имена которыхъ даже на Западѣ произносятъ съ уваженіемъ, и не использовать ихъ было бы грѣшно, а болѣе всего использовать ихъ возможно въ предлагаемой редакціонной комиссіи.

Засѣданіе 26 іюня 1906 г.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ (Тверск. губ.), предложивъ, въ качествѣ докладчика редакціонной комиссіи, на окончательное утвержденіе Думы законопроектъ объ ассигновкѣ кредитовъ въ 15 милліоновъ, высказалъ слѣдующее:

По поводу дѣлаемаго мною доклада я долженъ объяснить Государственной Думѣ, что редакціонная комиссія до настоящаго времени не имѣетъ прямыхъ указаній, какъ именно ей поступать: слѣдуетъ ли редакцію, предлагаемую комиссіей, всякій разъ представлять на окончательное утвержденіе Государственной Думы, или редакціонная комиссія можетъ дѣлать необходимыя редакціонныя исправленія, не докладывая о нихъ Думѣ. Не найдя по этому предмету никакихъ указаній въ стенографическомъ отчетѣ того засѣданія Государственной Думы, гдѣ было положено образовать редакціоную комиссію, послѣдняя пришла къ тому заключенію, что было бы чрезвычайно нежелательно уста-

навливать, какъ общее правило, право редакціонной комиссіи самой дѣлать какія бы то ни были исправленія текста безъ представленія объ этомъ Государственной Думѣ, ибо въ законѣ иной разъ и одна запятая, поставленная или вычеркнутая, можетъ измѣнять существеннымъ образомъ смыслъ текста. Въ настоящемъ случаѣ редакціонной комиссіи пришлось сдѣлать нѣсколько исправленій редакціоннаго характера, не измѣняющихъ, по мнѣнію комиссіи, воли Государственной Думы, поскольку она выразилась въ принятомъ 23 іюня законопроектѣ. Но, повторяю, что, не имѣя никакихъ указаній, комиссія не рискнула дать законопроекту дальнѣйшаго движенія, не представивъ на благоусмотрѣніе Государственной Думы выработанной редакціи. Комиссія предлагаетъ представляемую редакцію утвердить, а вмѣстѣ съ тѣмъ на будущее время, впредь до выработки наказа, установить: законопроекты передаются въ редакціонную комиссію по принятіи ихъ во второмъ чтеніи и докладываются при третьемъ чтеніи въ предлагаемой комиссіей редакціи. Такое постановленіе, если оно будетъ принято Государственной Думой, въ экстренныхъ случаяхъ отнюдь не замедлитъ теченія законопроекта, ибо редакціонной комиссіей какой либо законопроектъ, экстренный, краткій, можетъ быть разсмотрѣнъ въ пять минутъ, какъ это было съ законопроектомъ объ отмѣнѣ смертной казни. Но это сохранитъ тотъ принципъ, что Государственная Дума сама устанавливаетъ редакцію законопроектовъ, а не комиссія дѣлаетъ это за своей отвѣтственностью.

М. М. Ковалевскій (Харковская губ.). Я полагаю, господа народные представители, что могутъ встрѣтиться такія обстоятельства, въ которыхъ для насъ будетъ важно быть хозяевами въ зданіи, въ которомъ мы засѣдаемъ. Вотъ почему я высказываюсь противъ мнѣнія моего товарища Іоллоса. Я желалъ бы, чтобы завѣдывающіе Таврическимъ дворцомъ были выбраны изъ вашей собственной среды и чтобы они всегда хранили въ душѣ ваше желаніе—быть хозяевами въ этомъ зданіи. Что касается до мнѣнія трудовой группы, то я не буду спорить съ нимъ, какъ это дѣлали нѣкоторые изъ моихъ предшественниковъ, потому что она,

въ концѣ концовъ, только присоединяется къ мнѣнію комиссіи. Послѣ заявленія о необходимости бережливости, къ которому я вполнѣ присоединяюсь, отъ имени трудовой группы было сказано, что завѣдывающимъ Таврическимъ дворцомъ надо положить по 10 рублей въ день,—это то же самое, что имъ надо положить жалованье 3.650 рублей въ годъ. Я вполнѣ увѣренъ, что на такихъ условіяхъ согласятся исполнять эти обязянности члены трудовой группы, и не одной только трудовой группы. Итакъ, я не вижу, чтобы это было предметомъ спора между нами. Всѣ признаютъ, за исключеніемъ депутата Іоллоса, что желательно, чтобы завѣдываніе этой хозяйственной частью принадлежало людямъ, взятымъ изъ нашей среды, и желательно, чтобы трудъ ихъ былъ вознагражденъ. Будемъ ли мы считать, что каждодневно они получаютъ по 10 рублей или въ общемъ они будутъ получать жалованіе 3.650 рублей,—это то же самое. Очевидно, что Таврическій дворецъ будетъ нуждаться въ присмотрѣ и въ вакаціонное время. Благодарю членовъ трудовой группы за то, что они поддерживали рѣшеніе большинства комиссіи, и предлагаю принять окладъ жалованія, указанный ими.

М. М. Ковалевскій (Харьковская губ.). Предполагается, что всякій трудъ будетъ оплаченъ. Станемъ ли на точку зрѣнія комиссіи, которая предлагаетъ постоянное жалованье, или станемъ на точку зрѣнія членовъ трудовой группы, которая предлагаетъ 10 р. вознагражденія, мы одинаково подойдемъ къ той мысли, что трудъ долженъ быть оплаченъ. Едва ли нужно въ доказательство этого приводить какіе нибудь тексты; если же нужно, я могу сослаться на текстъ изъ посланія апостола Павла: „всякій трудящійся имѣетъ право ѣсть“,—слѣдовательно, трудъ будетъ, конечно, оплаченъ. Только съ точки зрѣнія этой полной увѣренности, что трудъ будетъ оплаченъ, я настаиваю, чтобы хозяйственное завѣдываніе также принадлежало избраннымъ нами лицамъ: иначе, по учрежденію Государственной Думы, придется возложить эти обязанности на господина предсѣдателя Государственной Думы, и онъ долженъ нести отвѣтъ даже въ растратахъ. Но такъ какъ я не желаю прилагать

это новое бремя на нашего предсѣдателя къ числу тѣхъ, которыя онъ несетъ, то я думаю и очень настаиваю. чтобы эти обязанностл были возложены на лицъ, нами избранныхъ, и чтобы наибольшая отвѣтственность падала на лицъ выборныхъ и уполномоченныхъ завѣдывать этимъ зданіемъ. Кромѣ того, я поставлю на видъ всѣмъ тѣмъ, которые сомнѣваются въ возможности для членовъ Думы вести завѣдываніе Таврическимъ дворцомъ, что такія же точно соображенія приводились тѣми, кто хотѣлъ отнять у университетовъ право избранія ректора подъ тѣмъ предлогомъ, что ректоръ, будучи профессоромъ, не можетъ завѣдывать хозяйственными интересами университета. Сплошь и рядомъ наши ректора отлично завѣдываютъ хозяйственными интересами университета и въ то же время продолжаютъ читать свои лекціи. Точно также будутъ завѣдывать дворцомъ уполномоченныя нами лица, но они, разумѣется, найдутъ себѣ помощниковъ и исполнителей. Но разъ они будутъ знать, что отвѣтственность падаетъ на нихъ, мы вполнѣ можемъ быть обезпечены, что тѣ обязанности, которыя возложены на нихъ, будутъ исполняться вполнѣ добросовѣстно.

М. М. Ковалевскій (Харьковская губ.). Я, какъ предсѣдатель комиссіи, призванъ отстаивать ея постановленія. Мы стали толковать о необходимости вознагражденія въ интересахъ равенства. Въ нашей средѣ есть люди, постоянно живущіе въ Петербургѣ, но есть также и люди, явившіеся сюда только для отправленія своихъ обязанностей членовъ Государственной Думы. Мы не можемъ поручиться, что административныя способности имѣются только у петербуржцевъ. Мы не можемъ также требовать отъ лицъ, пріѣхавшихъ сюда изъ провинціи, чтобы они пожертвовали своими матеріальными интересами и стали исполнять тѣ полномочія, которыя мы на нихъ возложимъ, безъ всякаго вознагражденія, принося въ жертву свои матеріальныя средства. Мы предполагаемъ, что это—люди женатые, что это—люди семейные, не отличающіеся большими достатками, и мы не можемъ требовать отъ нихъ такого самопожертвованія, чтобы они жили и разорялись здѣсь, въ Петербургѣ,

и чтобы даромъ исполняли свои весьма отвѣтственныя полномочія, которыя мы на нихъ возложимъ.

Говорили о такъ называемыхъ лѣтнихъ каникулахъ, въ теченіе которыхъ можно будетъ сократить число членовъ распорядительнаго комитета до одного. Тѣ, которые такъ говорили, можетъ быть, не принимали въ расчетъ, что большая часть хозяйственныхъ работъ въ Таврическомъ дворцѣ будетъ происходить именно тогда, когда мы въ немъ не будемъ засѣдать. Въ прежнее время было проектировано, что каникулы будутъ отводиться именно на лѣто. Очень можетъ быть, что исполнится желаніе нашего товарища, который сказалъ здѣсь, что мы не думаемъ о каникулахъ. Я уже давно стоялъ за это. Возможно, что мы введемъ долгій парламентъ, который будетъ засѣдать все время, пока не опустѣютъ скамейки. У насъ, въ настоящее время, уже пустѣютъ скамьи на нашей правой сторонѣ. Предположимъ, все это случится, но тѣмъ не менѣе рядъ лицъ долженъ будетъ нести въ высшей степени отвѣтственную обязанность, поглощающую все ихъ время, свободное отъ засѣданій въ Думѣ, пренебрегать возможностью личнаго заработка, подчиняться необходимости жить въ дорогомъ Петербургѣ, когда они остальное время могли бы проводить въ дешевой деревнѣ. Такъ какъ все это мы приняли во вниманіе, то въ интересахъ равенства предложили то возмѣщеніе вреда и убытковъ, которое представляетъ собою скромная сумма въ 2.400 рублей. Мы не можемъ на это смотрѣть иначе, какъ на возмѣщеніе вреда и убытковъ; причемъ, возмѣщая людей, которыхъ мы отвлекаемъ отъ болѣе доходныхъ занятій, мы отъ нихъ отнимаемъ до нѣкоторой степени свободу передвиженія и т. д. Я полагаю, что мы поступили бы вопреки демократическому принципу, по которому всякій трудъ долженъ быть вознаграждаемъ и всякій убытокъ возмѣщаемъ, если бы отвергли предложеніе дать имъ скромное возмѣщеніе за ихъ очень продолжительныя усилія, за большую затрату времени и силъ, за пожертвованіе, которое они принесутъ Думѣ за скромное вознагражденіе въ 2.400 рублей.

Запросы и пренія по объясненіямъ министровъ.

Засѣданіе 1-го іюня 1906 г.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ (Тверская губ.). Господа народные представители! Я просилъ слова, не для того, конечно, чтобы полемизировать съ представителемъ военнаго министра или убѣждать его въ чемъ либо. Я просилъ слова для того, чтобы попытаться объективно выяснить, какое значеніе съ юридической точки зрѣнія имѣетъ выслушанный нами сейчасъ отвѣтъ представителя военнаго министра и какую цѣну имѣетъ этотъ отвѣтъ.

Въ сущности, что мы выслушали? Развѣ мы выслушали отвѣтъ на запросъ? Государственная Дума спрашивала военнаго министра, какія имъ приняты мѣры для того, чтобы было пріостановлено исполненіе смертной казни. А что мы услышали въ отвѣтъ? Часть отвѣта мы услышали передъ началомъ засѣданія послѣ перерыва. Я думаю, вы помните—у меня осталась въ памяти фамилія Рубинштейна. По дѣлу Рубинштейна военный министръ сообщилъ предсѣдателю Думы, что запросъ имъ переданъ по принадлежности министру внутреннихъ дѣлъ, и просилъ, чтобы Дума впредь съ подобнаго рода запросами къ нему не обращалась. А сейчасъ представитель военнаго министра давалъ по этому запросу объясненія. Вы обратили на это вниманіе? Представитель военнаго министра сказалъ,—его слова можно формулировать очень кратко: все сдѣлано по закону, генералъ-губернаторъ дѣйствовалъ по закону, и военный министръ въ утвержденіе приговоровъ никакого права вмѣшательства не имѣетъ. Да и Государственная Дума знала, что судъ дѣйствовалъ по закону, и генералъ-губернаторъ, утверждая приговоръ и отмѣняя право кассаціоннаго обжалованія, тоже дѣйствовалъ по закону. Мы это знали. Но, вѣдь, если бы мы счи-

тали, что они дѣйствуютъ и дѣйствовали не по закону,— развѣ такъ былъ бы формулированъ нашъ запросъ? Вѣдь, если бы генералъ-губернаторъ отмѣнилъ право подачи кассаціонной жалобы, не будучи на то уполномоченъ закономъ,— мы спросили бы не о мѣрахъ, принятыхъ военнымъ министромъ, а мы спросили бы, преданъ ли генералъ-губернаторъ суду и казненъ ли онъ уже? Я, именно, подчеркиваю, казненъ ли онъ уже, потому что въ огражденіе населенія отъ злоупотребленій, именно, со стороны военнослужащихъ въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, установлено усиленное наказаніе, и за убійство положена смертная казнь. Между тѣмъ, если бы тотъ администраторъ, который, не будучи уполномоченъ отмѣнять право кассаціонной жалобы, сдѣлалъ это и вопреки закону распорядился привести въ исполненіе смертную казнь, то онъ совершилъ бы то дѣяніе, которое называется на юридическомъ языкѣ „предумышленнымъ убійствомъ посредствомъ превышенія своей власти“. И мы въ этомъ случаѣ сказали бы: генералъ-губернаторъ не имѣлъ права утверждать приговора, срокъ на утвержденіе его уже истекъ,— сокращенный срокъ, установленный для военнаго времени,— почему же надъ нимъ приговоръ о смертной казни не приведенъ въ исполненіе? Мы знали законъ, но мы знали также и то, какой внутренній смыслъ имѣетъ право высшей военной власти отмѣнять кассаціонное обжалованіе. Это право установлено для судовъ въ военное время, подъ которымъ разумѣется время войны съ иностранными государствами. Представьте себѣ, скажемъ, условія Портъ-Артура въ прошломъ году. Вотъ условія, для которыхъ написанъ этотъ законъ. Тамъ, если бы не было права отмѣнять кассаціоннаго производства, то вѣдь ни одинъ преступникъ ни за какое дѣяніе не могъ бы никогда понести наказанія. Крѣпость была отрѣзана отъ всякаго сообщенія съ внѣшнимъ міромъ. Тамъ былъ судъ для разсмотрѣнія дѣлъ по существу, а судъ кассаціонный находился въ Харбинѣ, и если бы за мѣстной военной властью не было права отмѣнять кассаціоннаго производства или не было права пользоваться спеціальными формами такового производства, то за восемь

мѣсяцевъ ни одинъ приговоръ не былъ бы приведенъ въ исполненіе. А что, спрошу я, въ Ригѣ тѣ же самыя условія? Что, Рига тоже сейчасъ отрѣзана отъ сообщенія со всѣмъ міромъ? Что, изъ Риги нельзя переслать въ Петербургъ кассаціонную жалобу?

Съ другой стороны, еще нѣкоторое оправданіе можетъ имѣть такого рода порядокъ въ быстротѣ производства военно-судебныхъ дѣлъ, въ быстротѣ, которая на войнѣ необходима, но и тамъ, конечно, необходима быстрота постольку, поскольку она не нарушаетъ элементарной справедливости. Но вѣдь преступленіе, за которое судили въ Ригѣ 7 человѣкъ, повѣшенныхъ или разстрѣлянныхъ, было совершенно три или четыре мѣсяца тому назадъ, а на все кассаціонное производство потребовалась бы какая нибудь недѣля, самое большое двѣ недѣли.

Далѣе, военный министръ не можетъ не знать, что право отмѣны кассаціоннаго производства давало уже не одинъ разъ примѣры грубѣйшихъ судебныхъ ошибокъ. Еще въ 1894-мъ году въ Иркутскѣ были преданы суду для сужденія по законамъ военнаго времени нѣкіе Дмитріевъ и Степановъ, и одинъ изъ нихъ былъ приговоренъ къ смертной казни. Приговоръ состоялся явно незаконно, ибо подсудимый былъ признанъ виновнымъ въ покушеніи на убійство, за что смертная казнь не можетъ быть назначена. Генералъ-губернаторъ, онъ же мѣстный командующій войсками, отмѣнилъ право кассаціоннаго обжалованія, и приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе. Въ то время смертныхъ казней было немного; случай обратилъ на себя вниманіе печати, и дѣло стало извѣстно въ Петербургѣ. Была выяснена полная неправильность судебнаго рѣшенія, весь составъ суда былъ привлеченъ къ дисциплинарной отвѣтственности и понесъ служебное взысканіе. Этотъ фактъ былъ извѣстенъ военному министру, и онъ не могъ не знать, что судебная ошибка всегда возможна. Опытъ показалъ, что такія ошибки бываютъ. Я привелъ одинъ примѣръ, но могъ бы привести десятокъ. Я спрашиваю, развѣ приведенныя мною юридическія основанія не были достаточны для военнаго министра, чтобы вмѣшаться въ данномъ случаѣ

въ дѣйствія органовъ судебной власти? Я подчеркиваю: юридическія основанія,—принимая во вниманіе не букву закона, а духъ его, смыслъ. Власть, когда ей это удобно, чрезвычайно любитъ прикрываться непоколебимостью судебныхъ приговоровъ и рѣшеній: „мы не имѣемъ право вмѣшиваться". Вы слышали, какъ съ этой каѳедры говорилъ представитель военнаго министерства. А я бы спросилъ, имѣлъ ли право вмѣшиваться военный министръ въ недавно состоявшійся приговоръ военно-окружного суда, которымъ солдатъ былъ присужденъ къ заключенію въ военную тюрьму за низшую форму нарушенія воинской дисциплины? Приговоръ вошелъ въ силу, и подсудимый уже былъ отправленъ для отбыванія наказанія. Военный министръ нашелъ нужнымъ вмѣшаться въ это дѣло. Было предписано возстановить кассаціонный срокъ и представить протестъ, и главный военный судъ, въ порядкѣ исправленія приговора, вмѣсто военной тюрьмы отправилъ осужденнаго въ исправительное арестантское отдѣленіе съ лишеніемъ правъ. Это—фактъ, безспорно имѣвшій мѣсто всего 2—3 мѣсяца тому назадъ. А почему забылъ представитель военнаго министра, какъ онъ вмѣшивался въ вошедшій въ силу судебный приговоръ, присудившій лицо къ каторжнымъ работамъ за политическое преступленіе? Дѣло было вытребовано въ Петербургъ, и здѣсь каторга была замѣнена смертной казнью. Это—тоже фактъ. Пускай не прикрываются тѣмъ, что вмѣшиваться въ рѣшеніе суда министерская власть не можетъ и что она не вмѣшивается. Она вмѣшивается, когда требованіе поступаетъ къ министерству со стороны ли мѣстной власти, со стороны ли какихъ нибудь вліятельныхъ лицъ. А въ данномъ случаѣ? Въ данномъ случаѣ высшій законодательный органъ въ Имперіи высказалъ свой взглядъ на смертную казнь. Дума указала въ отвѣтномъ адресѣ Государю Императору на необходимость немедленной пріостановки исполненія смертныхъ приговоровъ. Что тутъ мы услышали въ отвѣтъ на это? Военный министръ прикрылся закономъ: „законъ мнѣ не даетъ права вмѣшиваться". Нѣтъ, онъ не только давалъ права вмѣшиваться, но военный министръ обязанъ былъ снестись съ мѣстнымъ

генералъ-губераторомъ; препятствій для этого онъ не имѣлъ и онъ только показалъ своею дѣятельностью... я не смѣю назвать, какое отношеніе къ Государственной Думѣ... (Долго несмолкающіе апплодисменты).

В. К. Федоровскій (Рязанская губ.). Я въ главной части рѣчи Аладьина съ нимъ совершенно не согласенъ. Депутатъ Аладьинъ коснулся управленія войскъ, но то, что относится къ порядку управленія, совершенно не касается главнаго военнаго прокурора, представителя и блюстителя закона въ военныхъ судахъ. Поэтому я всей той части рѣчи депутата Аладьина, которая затрагиваетъ бытъ войскъ, возражаю въ томъ смыслѣ, что она не относится къ обсуждаемому вопросу. Но отъ кого же Государственная Дума услыхала призывъ къ законности въ словахъ: „все, что было сдѣлано, было сдѣлано по закону“? Отъ высшаго блюстителя закона въ военныхъ судахъ. Для каждаго изъ васъ памятны не такъ далеко ушедшіе дни. . . Гдѣ былъ этотъ представитель и блюститель законности, когда разстрѣливали безъ суда? Гдѣ былъ онъ, когда, вопреки новому уложенію о наказаніяхъ, несовершеннолѣтнимъ изрекались смертныя казни, которыя и приводились въ исполненіе?— Гдѣ былъ этотъ представитель и блюститель закона, когда разстрѣливали безъ того, чтобы предъявлять обвинительный актъ, безъ всякаго производства какого-либо дознанія, т. е. безъ всего того, безъ чего не можетъ быть совершено присужденіе къ столь тяжкому наказанію? Кто уполномочилъ лейтенантовъ и полковниковъ совершать и приводить въ исполненіе смертные приговоры? Тогда мы не слыхали призыва къ законности! Мы его услышали сейчасъ въ отвѣтъ, и на что же? Въ отвѣтъ на тотъ запросъ, сущность котораго сводится лишь къ тому, чтобы подождать съ приведеніемъ въ исполненіе казни, ибо есть достаточно вѣроятности, что измѣнится мнѣніе тѣхъ, отъ кого зависитъ принять то или другое рѣшеніе въ области законодательства. И вотъ, въ отвѣтъ на просьбу (сущность запроса) подождать, намъ отвѣчаютъ, что по закону ждать было нельзя. А тамъ? прежде?.. Можно было . . . . приводить въ исполненіе смертные приговоры вопреки закона!?.. Если же дѣй-

ствительно надо было провести въ жизнь торжество закона, то мнѣ непонятны условія примѣненія этихъ казней: выводите тогда казнимыхъ уже на площади и будьте послѣдовательны, совершая такъ, какъ совершали это въ средніе вѣка, т. е. съ полной торжественностью, чуть ли не при звонѣ колоколовъ . . . Не законность здѣсь мѣшала, а нѣчто другое!.. (Апплодисменты).

Засѣданіе 2 іюня 1906 г.

М. М. Ковалевскій (Харьковская губ.). Господа народные представители! Не одно чувство человѣчности подсказало мнѣ необходимость вступить на каѳедру и сказать вамъ отсюда, до какой степени возмущаетъ меня, какъ, разумѣется, и всѣхъ васъ, полученное изъ Бѣлостока извѣстіе. Дѣло идетъ о чемъ то еще болѣе важномъ для всѣхъ насъ, нежели выраженіе чувства человѣчности. Дѣло идетъ о достоинствѣ и чести нашей родины. Если мы желаемъ прослыть народомъ, заслуживающимъ всеобщаго уваженія и всеобщаго сочувствія, то мы должны разъ навсегда заявить, что всѣ граждане русскіе—наши братья, что мы всѣ стоимъ другъ за друга, какъ одинъ человѣкъ. Я надѣюсь, что вы въ состояніи будете вашимъ единодушнымъ присоединеніемъ къ требованію о срочности дѣлаемаго запроса заявить предъ лицомъ Россіи и всего міра, что вы не допускаете различія національности, что мы—всѣ граждане одной родины и должны стоять другъ за друга (Апплодисменты). Я не думалъ, господа, когда впервые мнѣ представилась возможность вступить въ число представителей русскаго народа, что намъ придется, по образцу первыхъ составителей декларацiи правъ человѣка, — я разумѣю Виргинскую декларацію и ея автора Джефферсона,—говорить не только о необходимости вольности, но и о правѣ человѣка на жизнь. А вотъ мѣсяцъ, какъ мы уже толкуемъ объ этомъ правѣ человѣка на жизнь, представляя заявленія о необходимости амнистіи, высказываясь противъ смертныхъ казней, дѣлая запросы министрамъ о томъ, чтобы они не дозволяли проливать кровь русскихъ гражданъ. Господа, помните, что

минута, которую мы переживаемъ теперь,—минута историческая. Мы сейчасъ, какъ я увѣренъ, единогласно признаемъ, что для насъ отнынѣ нѣтъ различія въ національности и вѣроисповѣданія, и что мы, какъ одинъ человѣкъ, стоимъ за то, чтобы русское правительство охраняло всѣхъ своихъ подданныхъ и всѣхъ нашихъ согражданъ (Апплодисменты)

Засѣданіе 23 іюня 1906 г.

В. К. Федоровскій (Рязанская губ.). Три докладчика Государственной Думы, три члена ея, лично бывшіе свидѣтелями того, что совершилось въ Бѣлостокѣ, и произведшіе разслѣдованіе тѣхъ преступныхъ дѣяній, которыя тамъ были, изложили Государственной Думѣ то, что они сочли нужнымъ ей изложить. Теперь членамъ Думы, лично не бывшимъ на мѣстѣ, предстоитъ дать свое заключеніе о томъ, насколько была выполнена задача лицъ, кои отправились на выясненіе столь громаднаго по своей важности дѣла. Конечно, ближайшее или даже поверхностное ознакомленіе съ самымъ докладомъ и матеріаломъ, приложеннымъ къ нему, не оставляетъ сомнѣній въ томъ, что онъ нуждается въ добавленіи въ смыслѣ составленія общаго представленія о тѣхъ событіяхъ, которыя тамъ происходили. Картина ужаса предстала предъ вами въ талантливомъ или страстномъ изложеніи гг. докладчиковъ. Но, въ видахъ справедливости и истины, я считаю нужнымъ заявить здѣсь, что свидѣтели опрошены только съ одной стороны—со стороны потерпѣвшей. Противная сторона, сторона обвиняемая въ преступленіи, не допрошена; она дастъ свой отвѣтъ, когда будетъ давать объясненія по настоящему запросу, и поэтому къ содержанію общихъ заключеній запроса я присоединяюсь, такъ какъ вижу въ этомъ возможность обвиняемымъ сказать свое слово въ оправданіе не только—какъ здѣсь указывалось—предъ всей Россіей, но и предъ всѣмъ міромъ. Я не буду вспоминать о тѣхъ ужасахъ, которые въ достаточной мѣрѣ уже подняли и взвинтили нервную систему всѣхъ здѣсь присутствующихъ. Они слишкомъ сильно говорятъ за себя. Я отвѣчу также коротко предше-

ствующему оратору, который сказалъ, что онъ ждетъ, чтобы русскій народъ высказалъ такъ или иначе свое отношеніе къ погромамъ. И вотъ я, насколько я лично знаю и понимаю русскій народъ, чистосердечно и откровенно заявляю, что онъ тѣхъ лицъ, которыя были виновны въ погромѣ, заклеймитъ ,именемъ Каина; другого имени не можетъ быть тѣмъ, которые были участниками описанныхъ преступныхъ дѣйствій. Я съ глубокимъ убѣжденіемъ и не сомнѣваясь ни на іоту, вѣрю, что кромѣ омерзѣнія къ потокамъ крови отъ тѣхъ невинныхъ жертвъ, которыя тамъ были принесены невѣдомо какому богу, что кромѣ омерзѣнія ничего не останется у русскаго народа, и онъ съ отвращеніемъ будетъ называть имена тѣхъ, по винѣ которыхъ пролилось столько напрасной крови. Но мало сказать, мало выразить свое презрѣніе къ совершившемуся, надо изслѣдовать положеніе дѣла и перейти къ заключенію о томъ, гдѣ же причина и гдѣ та точка, которую необходимо надавить для того, чтобы подобное не совершалось въ будущемъ. Во всѣхъ этихъ ужасныхъ дѣяніяхъ меня поражаетъ и приводитъ въ ужасъ то, что оно смогло совершиться лишь при тѣхъ условіяхъ, когда участвующій въ погромѣ вѣритъ въ полную безотвѣтственность того преступленія, которое совершаетъ. Только при наличности убѣжденія въ томъ, что его никто не накажетъ, въ томъ, что преступленіе будетъ замолчано или скрыто, только подобныя условія могутъ создать возможность такихъ случаевъ, какъ бѣлостокскій погромъ. И вотъ на эту-то точку я и желалъ бы обратить вниманіе гг. членовъ Государственной Думы. Мнѣ представляется, что въ этомъ дѣлѣ виновенъ тотъ общій духъ событій, которыя въ настоящее время совершаются на нашихъ глазахъ. Выразившая недовѣріе министерству Дума работаетъ, министры попрежнему держатъ въ рукахъ своихъ исполнительную власть; чиновники государственной власти, безправіемъ рожденные, въ безправіи проведшіе всю свою прошлую жизнь, очевидно, вѣрятъ, что торжество безправія и будетъ продолжаться. Вотъ и необходимо, мнѣ думается, авторитетной въ глазахъ насеенія Думѣ выразить и подчеркнуть въ своемъ заключеніи,

что отвѣтственность за эти 80 невинныхъ жертвъ, которыя зовутъ васъ возстановить справедливость, лежитъ на тѣхъ, кто упорно въ лицѣ своемъ продолжаетъ представлять все то безправіе, которое было въ прошломъ и которое единственно объясняетъ весь ужасъ совершившагося только что на нашихъ глазахъ. И мнѣ думается, что только выразители правовыхъ взглядовъ народа, ставшіе у исполнительной власти, уничтожили бы атмосферу, которая создавала возможность того, что позоромъ окутываетъ имя русскаго народа, хотя и невиновнаго въ томъ, что было. Конечно, послѣ разсмотрѣнія тѣхъ матеріаловъ, которые у меня были, и вслушиваясь въ тѣ страстныя, горячія рѣчи, которыя неслись отсюда, у меня не осталось сомнѣнія въ томъ, что отвѣтственность за преступныя дѣянія, т. е. уголовная отвѣтственность, лежитъ какъ на представителяхъ гражданской власти, такъ и на представителяхъ власти военной. Относительно второго вопроса я долженъ нѣсколько остановиться. Я глубоко благодаренъ докладчику, который подчеркнулъ, что тамъ дѣянія совершала не русская армія, дѣянія совершали отдѣльныя части ея, и какъ отдѣльныя части относить къ цѣлому является логической неправильностью, такъ и отвѣтственность за „части войскъ“ нельзя переносить на „всю“ русскую армію, которая въ глазахъ моихъ священна и славна, какъ была и раньше, и вообще на солдата, который ни въ какомъ случаѣ не можетъ нести на себѣ гнета тѣхъ нареканій, которыхъ вполнѣ заслуживаютъ участники преступныхъ дѣйствій въ Бѣлостокѣ. Въ отношеніи этого послѣдняго вопроса я долженъ остановиться. Какъ же сама армія относится къ нему? Армія, естественно, свое мнѣніе прежде всего выражаетъ черезъ тѣхъ, кто стоитъ во главѣ ея, кто въ нужную минуту поведетъ на смерть тогда, когда честь родины будетъ въ опасности. Вотъ что говоритъ письмо, многимъ изъ васъ, вѣроятно, извѣстное, письмо офицера по этому вопросу: „Много комьевъ зловонной грязи, много помоевъ брошено и вылито на наше имя. Мнѣ, старому офицеру, больно, мучительно больно читать тяжкія обвиненія, тѣмъ болѣе, что въ душѣ живетъ увѣренность, что сообщаемые факты

въ общемъ, по отношенію ко всѣмъ, неправда". Онъ требуетъ суда надъ тѣмъ офицерствомъ, которое участвовало въ погромѣ, и такъ заключаетъ свое письмо: „Пусть разслѣдуютъ это дѣло, — онъ пишетъ про бѣлостокскій погромъ, — и если предъявляемое обвиненіе дѣйствительно, если такіе выродки - офицеры, убивающіе беззащитныхъ женщинъ, существуютъ,—пусть они несутъ строжайшее наказаніе вплоть до висѣлицы, ибо солдатской пули подобные субъекты недостойны". Я глубоко убѣжденъ, что это письмо выражаетъ собою отношеніе громаднаго большинства русскаго офицерства. Остановимся на той роли, которую игралъ солдатъ, тотъ сѣрый солдатикъ, который приходитъ впервые во взводъ или роту и который вступаетъ въ область тѣхъ воздѣйствій, которыя на него производятся. Здѣсь была сказана фраза: русское войско начало бояться выстрѣловъ. Я думаю, что эта фраза неправильна. Я убѣжденъ, что она совершенно не отвѣчаетъ истинѣ, и увѣренъ, что большинство изъ господъ, здѣсь присутствующихъ, считая себя членами русскаго народа, бережнѣе отнесутся къ имени того славнаго войска, которое нѣкогда, въ суворовскія времена, покрыло всемірной славой свое имя, а въ послѣднюю кампанію такъ умѣло умирать, что, кромѣ имени героя, солдатъ ничего не заслужилъ отъ тѣхъ, кто былъ рядомъ съ нимъ въ это время. Я хотѣлъ остановиться на томъ обстоятельствѣ, что тутъ указывалось, что солдатъ участвовалъ въ совершеніи погрома. Я вполнѣ раздѣляю мысль одного изъ докладчиковъ, что нужно повторно и сильно прививать въ сознаніи всѣхъ военно-служащихъ, отъ солдата до высшаго чина, что только исполненіе не явно „преступнаго" дѣянія должно быть совершено, что приказанія, которыя содержатъ въ себѣ преступныя дѣянія, не подлежатъ исполненію. Если вы остановитесь на психологіи солдата, заглянете въ душу солдата, то васъ поразитъ то, что вамъ откроется. Я лично глубоко убѣжденъ, что, по натурѣ своей, русскій солдатъ менѣе, чѣмъ кто-нибудь виновенъ въ тѣхъ безобразіяхъ, которыя совершались въ Бѣлостокѣ; но въ томъ, что здѣсь однимъ изъ докладчиковъ въ отношеніи военно-служащихъ было

сказано, я усматриваю очень большую, по значенію, мысль. Необходимо создать условія для правильной нормальной жизни солдата, ибо тотъ ужасъ, въ который онъ попадаетъ, встрѣчаясь съ приказаніемъ совершить „преступное“, кромѣ нежелательныхъ и несчастныхъ послѣдствій, ни къ чему не можетъ привести, и мнѣ думается, что пора сознать, что съ 17 октября Россія, ставшая конституціонной монархіей, и въ области воспитанія міровоззрѣнія солдата должна измѣнить такъ это міровоззрѣніе, чтобы онъ понималъ, что его главная обязанность есть охраненіе конституціоннаго строя, а вмѣстѣ съ нимъ и конституціи, и что для него только то не является „явно преступнымъ“, что не нарушаетъ основъ конституціи. Я не могу здѣсь не остановиться на страшной важности совершавшагося на нашихъ глазахъ. Солдатъ, которому привита идея, что онъ обязанъ умереть въ нужную минуту, можетъ стоять на высотѣ только тогда, когда онъ вѣритъ въ святость своей задачи, когда онъ вѣритъ, что онъ охраняетъ законъ и право. Если, какъ здѣсь и было, его употребляли для того, чтобы черезъ него совершать дѣянія преступныя, то этимъ самымъ убивали самое святое, что было въ душѣ солдата. Кромѣ деморализаціи, кромѣ распада, подобные факты ни къ чему не приведутъ. Поэтому, желая въ краткихъ словахъ сдѣлать выводы изъ мною сказаннаго, я съ особенной настойчивостью присоединяюсь и стою за послѣднія слова настоящаго доклада, которыя требуютъ смѣщенія или перевода мѣстныхъ властей, какъ гражданскихъ, такъ и военныхъ, ибо тотъ, кто „потерялъ личность“, кто не остался хоть разъ на той высотѣ, на которой долженъ былъ остаться, долженъ удалиться, давъ мѣсто другимъ (Апплодисменты).

Засѣданіе 5 іюня 1906 г.

М. М. Ковалевскій (читаетъ):

„Членъ Государственной Думы Ковалевскій получилъ за подписью уполномоченныхъ ингушскаго народа телеграмму, извѣщающую его, что 28-го мая произведено было казаками станицы Троицко-Карабулакской, Слѣпцовской, Михайлов-

ской, Самаринской, Осиновской, Нессоровской и Фельдмаршалковской нападеніе на игнушскій аулъ Яндырка. Только на второй день изъ Владикавказа выступилъ батальонъ пѣхоты Апшеронскаго полка и пулеметная рота подъ начальствомъ подполковника Попова. Встрѣтившись здѣсь съ тремя сотнями казаковъ подъ начальствомъ атамана Сунженскаго отдѣла, они, вмѣсто помощи, стали обстрѣливать съ горы аулъ. Шесть убитыхъ, тридцать раненыхъ.

„Такъ какъ такой образъ дѣйствій представляетъ явное насиліе надъ мирными жителями, то мы имѣемъ честь просить васъ внести на обсужденіе Государственной Думы нашу просьбу сдѣлать запросъ гг. министрамъ внутреннихъ дѣлъ и военному, извѣстно ли имъ объ этихъ событіяхъ и, если извѣстно, то какія мѣры приняты ими для наказанія виновныхъ, для удовлетворенія потерпѣвшихъ и для предупрежденія подобныхъ нападеній въ будущемъ?

„Максимъ Ковалевскій, Ф. Родичевъ, К. Казиміръ, А. фонъ-Рутценъ, В. Якушкинъ, Н. Ковалевскій, И. Новгородцевъ, В. Долженковъ, кн. Львовъ, Обнинскій, кн. Урусовъ, Строгановъ, П. Алексинскій, Черновъ, Комиссаровъ, Сѣдельниковъ, П. Чижевскій, И. Присецкій, А. Свѣчинъ, И. Шрагъ, Л. Литвиновъ, К. Ярулайтисъ, А. Парамоновъ, Ник. Гредескулъ, Г. Линтваревъ, Н. Метальниковъ, М. Деларю, А. Африкантовъ, Якимовскій, М. Кутомановъ, І. Оранскій, А. Тесля, Имшенецкій“.

Если г. предсѣдатель мнѣ позволитъ, то я сдѣлаю дополнительное сообщеніе. А именно, на мое имя получена сегодня очень длинная телеграмма отъ уполномоченныхъ ингушскаго народа. Я позволю себѣ читать не все, а только то мѣсто, которое касается послѣдняго акта насилія, жертвой котораго сдѣлался ингушскій народъ. Оно касается именно нападенія на аулъ Яндырь, которое имѣло мѣсто 22 мая (читаетъ телеграмму).

„Мы, ингуши, съ незапамятныхъ временъ живемъ въ нынѣшней Терской области въ количествѣ 50 тысячъ, занимаясь испоконъ земледѣліемъ. Весь маленькій народъ составляетъ какъ бы одну трудовую общину, не зная, что такое классовыя, привилегированныя и непривилегированныя

сословія, управляясь общинными началами. Но послѣ покоренія Кавказа, съ шестидесятыхъ годовъ, не взирая на всю горячую любовь къ Россіи, выказанную нами не разъ въ трудные историческіе моменты, мѣстныя власти, внушаясь пагубной идеей руссификаціи края, начали отбирать у насъ земли и заселять ихъ казаками. Въ настоящій моментъ двѣ трети нашихъ земель, насильственно отобранныхъ, перешли въ руки казаковъ, и мы, ингуши, доведены до того состоянія, что для того, чтобы жить, должны арендовать земли у тѣхъ же казаковъ. Въ среднемъ ингушское племя платитъ ежегодно казакамъ слишкомъ 30.000 рублей арендной платы. Это ничто иное, какъ налогъ въ пользу казаковъ, налогъ тѣмъ болѣе возмутительный, что мы, ингуши, его платимъ за пользованіе землею, принадлежавшею намъ тысячелѣтіями. Но къ нашему величайшему несчастью, ни казаки, ни власти, не довольствуясь этимъ, повидимому, рѣшились окончательно истребить наше племя и выжить его. Казаки пользуются всякимъ случаемъ, чтобы придраться къ намъ, взыскивать штрафы, убивать. За одинъ послѣдній годъ намъ пришлось заплатить въ пользу казаковъ 50.000 р., а между тѣмъ мѣстныя власти находятся исключительно въ рукахъ казаковъ, областной начальникъ, будучи въ то же время атаманомъ Терскаго казачьяго войска, не только ничего не предпринимаетъ противъ нихъ, но и поощряетъ ихъ въ этомъ направленіи. Особенно энергично подстрекать стали ихъ власти за послѣдній годъ, когда освободительное движеніе, идя съ Россіи, захватило свѣтлыми волнами и наши горы. Благодаря подобнымъ отношеніямъ къ намъ властей, звѣрствамъ и дикости казаковъ не стало предѣловъ. За истекшій годъ мы должны были вынести со стороны казаковъ пять вооруженныхъ нападеній, приводившихъ къ кровавымъ, самымъ возмутительнымъ столкновеніямъ. Послѣднее столкновеніе было возмутительно не столько по проявленной въ немъ со стороны казаковъ смѣлости и необузданности, но и по отношенію къ этому событію мѣстныхъ властей. Упомянутое столкновеніе имѣло мѣсто при ингушскомъ аулѣ Яндырка. 28-го мая одинъ яндырецъ, имѣя въ рукахъ только одинъ зонтикъ, поѣхалъ нанимать

рабочихъ. Дорогой, въ огородахъ казачьей станицы Троицкой, на него напали казаки и убили. Окровавленная лошадь убитаго прибѣжала домой, и родственники убитаго пошли убрать тѣло покойника. Между собравшимися на мѣстѣ убійства казаками и родственниками убитаго завязалась перестрѣлка, но безъ результатовъ. Казаки Троицкой, Карабулакской, Слѣпцовской, Михайловской, Семашкинской, Осиповской, Нессоровской и Фельдмаршалковской станицъ, пользуясь случаемъ, немедленно собрались и совершили нападеніе на аулъ Яндырка, отстоящій отъ станицъ въ 6 верстахъ. Завязалась перестрѣлка, продолжавшаяся два дня. Находясь въ отчаянномъ положеніи, ингуши обратились за помощью къ властямъ. Не взирая на донесеніе начальника второго участка Назрановскаго округа, власти подоспѣли лишь на второй день. Изъ Владикавказа выступили баталіонъ пѣхоты Апшеронскаго полка и пулеметная рота подъ начальствомъ подполковнива Попова. Въ то же время прибыли и три сотни казаковъ подъ начальствомъ атамана Сунженскаго отдѣла генерала Суровецкаго. Когда отрядъ прибылъ на мѣсто, то, по распоряженію начальствующихъ, часть пѣхоты съ пулеметомъ взобралась на гору, доминирующую надъ Ялдыркой, а другая часть смѣшалась съ казаками и обстрѣливала Яндырку. Поповъ, вмѣсто того, чтобы защищать осажденный и обстрѣливаемый аулъ, находясь подъ вліяніемъ Суровецкаго,—коего девизъ: согнуть въ бараній рогъ горцевъ,—приказалъ громить пулеметами. Никакія мольбы и увѣщанія начальника округа, полковника Котляревскаго, не громить беззащитный аулъ не помогли, и аулъ, какъ вражій лагерь, былъ подвергнутъ ужасному огню изъ пулеметовъ и ружей. Въ результатѣ оказалось послѣ этого огня семь убитыхъ и тридцать тяжело раненыхъ пулеметомъ. Дѣти, женщины и старики въ ужасѣ разбѣжались въ сосѣдніе лѣса. Такое отношеніе властей окончательно убѣдило насъ, ингушей, что насъ хотятъ истребить въ конецъ. Справедливости и защиты намъ искать негдѣ, куда бы ни обратились, намъ говорятъ: „съ казаками мы ничего не можемъ подѣлать“. И вотъ, видя впереди себя картину истребленія цѣлаго племени, испоконъ вѣковъ

жившаго на родныхъ пепелищахъ, мы обратили наши взоры къ Государственной Думѣ, къ этому фокусу русской народности, и съ тяжелымъ гнетомъ въ груди и горячею мольбою въ устахъ молимъ ее: „защити насъ, не дай погибнуть маленькому народу, живущему тысячелѣтія въ этихъ ущельяхъ. Не дай погибнуть какъ разъ въ тотъ моментъ, когда заря обновленной русской жизни озарила всѣ россійскія народности, предвѣщая надежды на лучшую будущую жизнь, на освобожденіе отъ вѣкового рабства и гнета. Мы умоляемъ Думу сдѣлать запросъ кому слѣдуетъ и назначить немедленно слѣдствіе по этому дѣлу, потребовавъ предварительно удаленія исполнявшаго въ моментъ столкновенія должность областного начальника генерала Ржевусскаго, Попова и Суровецкаго.

„Уполномоченный Юсуфъ Хаджи Пліевъ, Касбулатъ Аршаковъ, татары: Албогачіевъ Дзарихметъ Ужаховъ, Исаакъ Дедиговъ“.

Я въ свою очередь могу прибавить, что много лѣтъ тому назадъ, когда мнѣ пришлось путешествовать по Кавказу, я имѣлъ возможность воочію убѣдиться, какъ, по отношенію къ ингушскому народу, примѣняются мѣры, примѣры которыхъ можно встрѣтить въ отдаленномъ періодѣ среднихъ вѣковъ. Такъ, во времена генералъ-губернаторства князя Дондукова-Корсакова къ ингушамъ примѣняема была мѣра, которая вошла, я думаю, по ошибкѣ, на правахъ обычая въ сборникъ правъ кавказскихъ народностей, изданный профессоромъ Леонтовичемъ. Эта мѣра слѣдующая: каждый разъ, когда у казака пропадаетъ лошадь или какое нибудь другое имущество, то къ отвѣту призывается весь ингушскій народъ, и на него распространяется начало круговой поруки, которая примѣнялась въ родовыхъ общинахъ только къ членамъ рода, а здѣсь она распространяется на весь ингушскій народъ, который въ настоящее время представляетъ цифру довольно почтенную, а именно 50.000 человѣкъ. Слѣдовательно, если уже тогда администрація русская позволяла себѣ дѣлать опыты въ родѣ тѣхъ, къ которымъ прибѣгалъ Вилгельмъ Завоеватель по отношенію къ англо-саксонскому народу въ интересахъ пришлыхъ

норманновъ, то можно судить, какіе порядки водворились за послѣднее время. Въ полученной въ настоящее время телеграммѣ, которую я здѣсь прочелъ, разсказывается и о другихъ дѣйствіяхъ. Считаютъ, что это событіе въ хронологическомъ порядкѣ будетъ 6-мъ случаемъ нападенія за одинъ только протекшій годъ, и поэтому ингуши обращаются къ Государственной Думѣ, какъ къ единственному якорю спасенія. Вотъ почему, я думаю, мы не можемъ остаться равнодушными зрителями убійствъ, пораненій, равнодушными зрителями того, что цѣлый аулъ разбѣгается, и дѣти, женщины ищутъ убѣжища въ лѣсахъ. Въ виду этого я просилъ бы присутствующихъ членовъ Государственной Думы поддержать мое ходатайство о признаніи этого запроса спѣшнымъ (Апплодисменты).

Засѣданіе 8 іюня 1906 г.

Кн. С. Д. Урусовъ (Калужская губ.). Я просилъ слова, господа народные представители, для того, чтобы представить вашему вниманію нѣкоторыя соображенія относительно только что выслушаннаго нами отвѣта на запросъ по поводу типографіи. Дѣйствительно, я полагаю, что извѣстіе о скрывавшейся въ тайникахъ департамента полиціи „бостонкѣ“, какъ назвалъ ее министръ внутреннихъ дѣлъ, мы разсматриваемъ не столько какъ фактъ прошлаго, съ точки зрѣнія отвѣтственности виновныхъ лицъ, сколько какъ тревожный вопросъ относительно возможности дальнѣйшаго участія правительственныхъ чиновниковъ, хотя бы и меньшинства ихъ, въ подготовленіи тѣхъ кровавыхъ драмъ, которыми мы за послѣднее время печально прославились, и которыя, къ стыду нашему, продолжаютъ разыгрываться, какъ показываютъ недавнія обстоятельства, возбуждая негодованіе всѣхъ, кому дорога человѣческая жизнь и кому дорого достоинство русскаго государства. Поэтому не около вопроса о томъ, въ достаточной ли мѣрѣ наказанъ Комиссаровъ и Будаговскій, будетъ обращаться моя мысль, а исключительно около того вопроса, возможно ли въ дальнѣйшемъ это участіе. При этомъ позвольте мнѣ оговориться: я

совершенно искренно увѣренъ въ томъ, что г. министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ намъ все, что могъ, увѣренъ въ искренности его сообщенія, и не сомнѣваюсь въ томъ, что при министрѣ внутреннихъ дѣлъ Столыпинѣ никто не рѣшится воспользоваться зданіемъ министерства и министерскими суммами, чтобы организовать погромъ и устраивать подпольныя типографіи; но смыслъ, значеніе и важность настоящаго запроса въ томъ именно и заключается, что погромы и междоусобная война могутъ происходить и продолжаться внѣ зависимости отъ отношенія къ нимъ того или другого министра внутреннихъ дѣлъ.

Чтобы постараться это показать, мнѣ необходимо коснуться нѣсколько общаго вопроса о погромахъ и затѣмъ той служебной роли, которую при этомъ играла упомянутая типографія. Внимательное изслѣдованіе такъ называемыхъ погромовъ приводитъ наблюдателя ихъ къ фактамъ, всегда одинаковымъ, и ставитъ его лицомъ къ лицу съ явленіями, совершенно однородными. Во-первыхъ, погрому всегда предшествуютъ толки о немъ, сопровождаемые широкимъ распространеніемъ воззваній, возмущающихъ населеніе, и появленіемъ своего рода, я сказалъ бы, „буревѣстниковъ“ въ лицѣ представителей мало кому извѣстныхъ подонковъ населенія; затѣмъ, оффиціальное указаніе о возникновеніи погрома, поводахъ его всегда, безъ исключенія, впослѣдствіи оказывается ложнымъ. Далѣе, въ дѣйствіяхъ погромщиковъ усматривается своего рода планомѣрность; они дѣйствуютъ въ сознаніи какого-то права, въ сознаніи какой-то безнаказанности, и дѣйствуютъ лишь до тѣхъ поръ, пока это сознаніе не будетъ въ нихъ поколеблено, послѣ чего погромъ прекращается необыкновенно быстро и легко. Это всегда такъ бываетъ. Въ дѣйствіяхъ же полиціи, напротивъ, всегда усматривается отсутствіе единства, отсутствіе плана, и въ то время, когда въ нѣкоторыхъ полицейскихъ участкахъ при наличности значительныхъ полицейскихъ силъ, погромы принимали характеръ сплошного бѣдствія, въ другихъ участкахъ отдѣльные полицейскіе чины, дѣйствуя твердо, въ сознаніи долга и смѣло, останавливали бѣдствія въ самомъ началѣ. О роли войскъ я ничего не

скажу, потому что пришлось бы говорить до завтрашняго дня. Затѣмъ погромъ прекращается; тогда производятся аресты, арестованные заключаются въ тюрьмы, и посѣщающее тюрьму начальство не можетъ отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что передъ нимъ не столько преступники, сколько кѣмъ-то обманутые люди; однимъ словомъ, чувствуется всегда организація, и широко задуманная. Ошибаются тѣ, которые, назвавъ эту организацію правительственной, думаютъ, что вопросъ разрѣшенъ и дѣло стало вполнѣ ясно, но ошибаются не совсѣмъ; и вотъ именно обстоятельства нынѣшней зимы, послужившія поводомъ къ запросамъ, на которые мы выслушали отвѣтъ, и помогутъ отчасти разобраться въ томъ туманѣ, который окутываетъ эти темныя дѣла. Въ январѣ 1906 года къ одному лицу, занимающему въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ второстепенное положеніе, но извѣстному въ качествѣ противника погромной политики (я говорю не о себѣ), стали поступать воззванія хорошей, чистой работы изъ главныхъ центровъ нашего юга и запада, а также тревожныя жалобы съ указаніемъ на подготовленіе погрома въ Бѣлостокѣ, Кіевѣ, Вильнѣ, Николаевѣ, Александровскѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Гомельскій январскій погромъ доказалъ, что это имѣетъ подъ собой полное основаніе, что и побудило это лицо внимательно отнестись къ вопросу и сдѣлать все возможное, чтобы предупредить возникновеніе этихъ погромовъ. Это удалось сдѣлать, главнымъ образомъ, благодаря энергичному содѣйствію тогдашняго предсѣдателя совѣта министровъ, но при этомъ открылась слѣдующая любопытная картина дѣятельности погромныхъ дѣлъ мастеровъ. Группа лицъ, составляющая какъ бы боевую дружину одного изъ нашихъ самыхъ патріотическихъ собраній, въ связи и въ единеніи съ лицами, близко стоящими къ редакціи одной петербургской газеты, задумала борьбу съ революціей. Будучи патріотами въ томъ смыслѣ, какой недавно предавалъ этому слову представитель Тверской губерніи, „истинно русскіе люди“, они всю причину крамолы видѣли въ инородцахъ: полякахъ, армянахъ и обывателяхъ черты еврейской осѣдлости; и вотъ, въ широковѣщательныхъ воззваніяхъ населеніе приглашалось къ

самосуду, къ борьбѣ съ этими врагами отечества своими средствами, причемъ къ солдатамъ было обращено особое воззваніе, чрезвычайно интересное по содержанію; оно у меня скоро будетъ въ рукахъ. Воззванія эти развозились на мѣста въ количествѣ не сотенъ экземпляровъ, а сотенъ тысячъ экземпляровъ, и развозились они членами сообществъ и на мѣстахъ вручались лицамъ, заслуживающимъ довѣрія, союзникамъ, единомышленникамъ, причемъ въ числѣ этихъ лицъ было очень много чиновниковъ, состоящихъ на государственной службѣ; тѣ, въ свою очередь, раздавали прокламаціи или воззванія въ широкихъ кругахъ населенія съ большимъ толкомъ и по извѣстному плану. И вотъ получилась оригинальная, въ смыслѣ сохраненія единства власти, картина. Помощникъ полицеймейстера, такъ я говорю для примѣра, зналъ объ этихъ воззваніяхъ, но не докладывалъ своему начальнику—полицеймейстеру. Приставу перваго стана или перваго, положимъ, участка довѣріе было оказано, но приставъ второго участка этого довѣрія былъ лишенъ. У кого-нибудь изъ служащихъ жандармскаго, а чаще охраннаго, отдѣленія вдругъ появлялись какія-то особыя суммы, къ нему начинали ходить неизвѣстные люди, изъ числа тѣхъ, о которыхъ я упоминалъ ранѣе. Въ городѣ начинали ходить тревожные слухи, жители начинали разъѣзжаться, губернаторъ ихъ успокаивалъ, но самъ былъ не всегда увѣренъ въ томъ, что спокойствіе будетъ сохранено. Изъ министерства всегда получались тревожныя телеграммы съ указаніемъ на то, что готовятся безпорядки, и съ приказаніемъ употреблять самыя энергичныя мѣры. Мѣры принимались и распоряженія дѣлались, но не всѣ этимъ распоряженіямъ вѣрили. Бывало даже такъ,—я самъ являюсь свидѣтелемъ этихъ событій,—что чины полиціи не вѣрили губернаторскимъ приказамъ, полагая, что это такъ дѣлается для вида, для приличія, но что имъ лучше извѣстны истинные виды правительства. Они, не вѣря губернаторскимъ приказамъ, прислушивались къ какому-то голосу издалека, которому, очевидно, болѣе вѣрили. Словомъ, получалась полная суматоха, полный безпорядокъ, полная дезорганизація и деморализація власти. А въ это время въ Петер-

бургѣ, на Фонтанкѣ, № 16, въ одномъ изъ отдаленныхъ угловъ департамента полиціи, уже работалъ печатный станокъ. Къ нему былъ приставленъ, а не самъ сталъ, офицеръ жандармскаго корпуса Комиссаровъ, съ помощниками, въ статскомъ платьѣ. И вотъ они-то именно и печатали тѣ воззванія, о которыхъ я вамъ ранѣе говорилъ. Дѣйствія этой организаціи и работа Комиссарова были обставлены столь таинственно, и вообще всѣ дѣйствія ихъ были столь конспиративны, что, конечно, не только въ министерствѣ, но и въ департаментѣ полиціи почти никто не зналъ о существованіи этой типографіи, организованной именно тѣми, кто долженъ находить подпольныя типографіи, и во всякомъ случаѣ, если кто-нибудь и зналъ, то знали только тѣ, кому это вѣдать надлежало. Но этой таинственностью не измѣнялся успѣхъ дѣла, что доказывалось тѣмъ, что когда лицо, открывшее эту типографію, обратилось съ вопросомъ къ Комиссарову объ успѣхѣ дѣла, онъ отвѣтилъ: „погромъ устроить можно какой угодно: хотите на 10 человѣкъ, а хотите и на 10 тысячъ“. Это фраза историческая. Къ свѣдѣнію господъ представителей кіевлянъ, я могу сообщить, что 3 февраля былъ организованъ погромъ именно на 10 тысячъ, но его удалось предупредить. Предсѣдатель совѣта министровъ, какъ говорятъ, испыталъ сильнѣйшій припадокъ нервной астмы, когда узналъ о работѣ этой типографіи, и это обстоятельство, вѣроятно, помѣшало ему немедленно выяснить эту организацію на мѣстѣ; такъ или иначе, но онъ ограничился тѣмъ, что вызвалъ Комиссарова. Тотъ ему доложилъ о своихъ дѣйствіяхъ и, вѣроятно, о полномочіяхъ, но результатъ былъ тотъ, что черезъ три часа не было ни станка, ни воззваній, ни Комиссарова, ни его помощниковъ,—осталась одна только пустая комната, и вотъ почему ни министръ внутреннихъ дѣлъ, ни кто-либо изъ насъ никогда не узнаетъ тѣхъ лицъ, которыя объединяли дѣйствія этой широкой организаціи, обезпечивали участникамъ ихъ безнаказанность, магически дѣйствовали на умы полицейскихъ и другихъ чиновъ и, наконецъ, имѣли такую власть, что находили возможнымъ исхлопатывать для наиболѣе отличившихся награды и повышенія. Эти примѣры

бывали. Я только потому не могу ихъ привести, что говорю безъ надлежащей подготовки, что у меня нѣтъ подъ руками тѣхъ справокъ, которыя, хотя въ ограниченномъ количествѣ, но все-таки имѣются. Мнѣ пора было бы кончить: я уже утомилъ ваше вниманіе.

Голоса. Просимъ, просимъ...

Кн. Урусовъ. Поэтому я перейду къ выводу изъ всего только что сказаннаго. Первый мой выводъ заключается въ томъ, что мы не имѣемъ никакихъ гарантій относительно прекращенія дѣятельности этихъ преступныхъ полуправительственныхъ организацій и относительно того, что въ нихъ и впредь не будутъ принимать участія лица, состоящія на государственной службѣ. Да иначе и быть не можетъ, такъ какъ главные вдохновители находятся, очевидно, внѣ сферы воздѣйствія министра внутреннихъ дѣлъ, и вотъ почему я, не направляя свои слова ни противъ министерства, ни противъ отдѣльныхъ министровъ, могу все-таки утверждать, что категорическое заявленіе, сдѣланное намъ сегодня, врядъ ли имѣетъ подъ собою твердую почву. Я могу утверждать даже больше, а именно, что никакое министерство, будь оно даже взято изъ состава Государственной Думы, не сможетъ обезпечить порядокъ и спокойствіе, пока какіе-то, неизвѣстные намъ, люди или темныя силы, стоящія за недосягаемой оградой, будутъ имѣть возможность грубыми руками хвататься за отдѣльныя части государственнаго механизма и изощрять свое политическое невѣжество опытами надъ живыми людьми, производя какія-то политическія вивисекціи.

(Голоса. Браво, браво).

Кн. Урусовъ. Еще одна мысль неотвязно просится наружу; она уже мало имѣетъ отношенія къ этому вопросу, хотя, отчасти, является выводомъ изъ всего сказаннаго. Она относится къ дѣятельности самой Государственной Думы. Господа народные представители, мы принесли сюда, со всѣхъ концовъ Россіи, не только жалобы, негодованіе, но и горячую жажду дѣятельности, самоотверженіе, истинный, чистый патріотизмъ. Здѣсь много лицъ, живущихъ доходами отъ имѣній, а много ли вы слышали возраженій

противъ принудительнаго отчужденія земли въ интересахъ трудового земледѣльца? Здѣсь много лицъ, принадлежащихъ къ привилегированному сословію, занимающихъ привилегированное положеніе въ обществѣ, а много ли мы слышали здѣсь словъ, которыя раздались бы противъ идеи всеобщаго гражданскаго равенства и противъ широкихъ реформъ въ демократическомъ народномъ духѣ, и не эта ли Государственная Дума, которую такъ легко и охотно называютъ революціонной, съ самаго начала своей дѣятельности и до послѣдняго дня, бережно старается поднять царскую корону, поставить ее выше нашихъ ежедневныхъ политическихъ дрязгъ, выше нашихъ ошибокъ и оградить ее отъ отвѣтственности за эти ошибки? Какую еще, казалось бы, Думу нужно въ то время, когда наступила пора неотложныхъ реформъ, какъ не такую, въ которой личные интересы и классовая борьба уступили мѣсто идеѣ единаго народнаго и государственнаго блага (взрывъ аплодисментовъ, голоса: браво, браво). И все же мы всѣ чувствуемъ, какъ на насъ ополчаются всюду тѣ же невѣдомыя темныя силы, какъ онѣ ограждаютъ отъ насъ довѣріе Верховной власти и лишаютъ возможности Государственную Думу работать въ томъ единеніи съ этою властью, которое, по основному закону, утвердившему нашъ новый строй, является и необходимымъ залогомъ успѣха нашей работы и необходимымъ залогомъ мирнаго развитія нашей государственной жизни. Здѣсь, господа, скрывается большая опасность, всѣ ее чувствуютъ; эта опасность, смѣю сказать, не исчезнетъ, пока на дѣла управленія, а, слѣдовательно, на судьбы страны, будутъ оказывать вліяніе люди, по воспитанію вахмистры и городовые, а по убѣжденію погромщики. (Несмолкаемый громъ аплодисментовъ).

Засѣданіе 9 іюня 1906 г.

М. М. Ковалевскій (Харьковская губ.). Господа народные представители! Во вчерашнемъ сообщеніи г. министра внутреннихъ дѣлъ меня больше всего поразили слова, въ которыхъ высказывается его увѣренность, что вся исполни-

тельная власть сосредоточивается въ его рукахъ, что эта власть сильная, и что всѣ пружины этой власти онъ одинъ можетъ привести въ дѣйствіе. И это было сказано человѣкомъ, который въ то же время признавалъ, что цѣлый рядъ тайныхъ агентовъ, принадлежащихъ къ числу правительственныхъ органовъ, принималъ несомнѣнное участіе въ изданіи черносотенныхъ воззваній и въ организаціи актовъ явнаго насилія, а мы могли бы прибавить къ этому: и въ возстановленіи одной части населенія противъ другой; такія организаціи вызывали погромы въ родѣ того, свидѣтелями котораго мы являемся въ Бѣлостокѣ. Такіе правительственные агенты не стѣснялись сниматься вмѣстѣ съ тѣми исполнителями актовъ насилія, нравственными виновниками которыхъ они являлись; вѣроятно, сегодня же намъ будетъ показана фотографія, сдѣланная на Кавказѣ и удостовѣряющая тотъ фактъ, что правительственное лицо не постѣснилось сняться на фотографіи вмѣстѣ съ выполнителями дѣйствій, которымъ нѣтъ имени. И когда вы все это примете во вниманіе и услышите рядомъ съ этимъ наивное утвержденіе, что всѣ нити власти сосредоточены въ рукахъ одного человѣка, то у васъ невольно явится ужасъ передъ тѣмъ, насколько люди способны обольщаться. Мнѣ припомнилась, когда я слышалъ это заявленіе, исповѣдь другого человѣка, кончавшаго свою министерскую службу, а не начинавшаго ее, исповѣдь человѣка болѣе крупнаго, всѣми признаваемаго, исповѣдь, что онъ безсиленъ, что онъ, глава правительства, безсиленъ отмѣнить актъ явнаго безправія, сказавшійся въ томъ, что административнымъ порядкомъ вслѣдъ за избраніемъ въ выборщики отъ города Харькова сосланъ былъ въ Архангельскую губернію одинъ изъ нашихъ товарищей и членъ теперешняго президіума. Удостовѣряя меня документально, что и министръ народнаго просвѣщенія, и самъ онъ протестовали противъ такого акта явнаго безправія и что ими сдѣлано все возможное, чтобы положить конецъ такому акту,—гр. Витте, провожая меня, сказалъ: „пожалуйста, не дѣлайте меня отвѣтственнымъ за то, если профессоръ Гредескулъ не будетъ возвращенъ изъ ссылки“. А между тѣмъ тотъ же гр. Витте

17 октября въ сообщеніи, приложенномъ къ манифесту, заявилъ о томъ, что впредь будетъ въ Россіи существовать солидарное правительство, главою котораго онъ является. И мы видѣли, что цѣлый рядъ дѣйствій, какъ тѣ, о которыхъ упоминали вчера,—печатаніе въ правительственныхъ зданіяхъ прокламацій черносотеннаго содержанія лицами, принадлежащими къ составу администраціи,—тѣмъ не менѣе происходилъ безъ его вѣдома и согласія, поддерживаемый и поощряемый какими-то невѣдомыми силами, для которыхъ мой товарищъ по партіи демократическихъ реформъ, князь Урусовъ, нашелъ въ высшей степени характерный эпитетъ: „люди по воспитанію вахмистры и городовые, по убѣжденію погромщики“. Господа народные представители, мнѣ кажется, что изъ вчерашней затянувшейся бесѣды между членами Государственной Думы и лицами, засѣдающими на министерской скамьѣ, всѣмъ и каждому легко было вывести то заключеніе, что въ Россіи нѣтъ единства въ правительствѣ, что разныя лица считаютъ возможнымъ выдавать себя не только за какихъ-то спеціалистовъ по патріотизму, но и за людей, особенно хорошо освѣдомленныхъ о тайныхъ видахъ и желаніяхъ высшаго начальства, проводить которые они призваны. Были явленія подобнаго рода и на Западѣ; но конечно, тамъ не было того ужаснаго послѣдствія этой правительственной анархіи, не было тѣхъ погромовъ, которые осрамили русское имя передъ лицомъ всего Запада, но было то же многовластіе, и парламенты и въ Англіи, и во Франціи считалъ нужнымъ бороться противъ этого многовластія. Во второй половинѣ XVIII вѣка, въ царствованіе Георга III, была сдѣлана въ Англіи попытка возстановить, по возможности, самодержавіе короля. Въ парламентѣ оказался кружокъ лицъ, препятствовавшихъ проведенію правительственной программы ссылками на то, что она, эта всѣмъ извѣстная программа министерства, не выражаетъ собою дѣйствительныхъ желаній короля. Эти лица прозваны были въ парламентѣ „партіей королевскихъ друзей“, и та сумятица, та анархія, которая вводилась ими въ правильное теченіе парламентской жизни, стали настолько очевидны для всѣхъ, что съ этого времени въ Англіи установилось

правило, соблюдаемое строго правило, что никто въ стѣнахъ парламента не можетъ ссылаться на мнѣнія и желанія монарха, такъ какъ признано, что единственнымъ выразителемъ этихъ мнѣній и желаній является министерство до тѣхъ поръ, пока оно остается у дѣлъ и скрѣпляетъ своей подписью акты верховной власти. Точно такая же попытка вызвана была во Франціи въ эпоху реставраціи, когда Деказъ, Вильльэль, Мартиньякъ и другіе министры должны были бороться съ людьми, о которыхъ говорили, что они „болѣе монархисты, чѣмъ самъ монархъ". Съ фактами, совершенно одинаковыми, но болѣе характерными, намъ приходится считаться нынѣ въ Россіи. Какія то невѣдомыя тайныя силы гдѣ то, но очень близко къ столицѣ и резиденціи, руководятъ извѣстной стороной нашей внутренней политики, подготовляя такіе сюрпризы, какъ бѣлостокскій погромъ и событія въ Эриванской губерніи, свидѣтелями которыхъ мы являемся.

И вотъ почему, господа, я не желаю сойти съ этой каѳедры, не подѣлившись съ вами тѣмъ впечатлѣніемъ, какое оставила на меня вчера наша бесѣда съ министрами. Я думаю, что это люди, которыхъ справедливо ихъ же оппоненты называли людьми честными, и что не въ ихъ рукахъ сосредоточиваются всѣ нити,—думая противное, глубоко ошибаются: иначе ихъ пришлось бы сдѣлаться нравственно отвѣтственными за ужасы, происходящіе въ Бѣлостокѣ и въ Эриванской губерніи. Нѣтъ, въ Россіи еще повторяется то, чему свидѣтелями были мы и тогда, когда засѣдали еще на правахъ членовъ земскаго и городского съѣзда въ Москвѣ, когда изъ нашей телеграммы графъ Витте узналъ о томъ, что одинъ изъ нашихъ товарищей, графъ Тышкевичъ, высланъ административнымъ порядкомъ въ Архангельскую губернію. Такому двоевластію, которое является у насъ причиной правительственной анархіи, долженъ быть положенъ конецъ. Я предложилъ бы вамъ поэтому включить въ текстъ того перехода къ очереднымъ дѣламъ, которымъ, вѣроятно, завершатся наши сегодняшнія и вчерашнія пренія, между прочимъ, слѣдующія слова:

„Настаивая на необходимости полнаго подчиненія всѣхъ

органовъ исполненія совѣту министровъ и протестуя противъ поведенія тѣхъ главныхъ и второстепенныхъ агентовъ, которые выдаютъ себя за особенно хорошо освѣдомленныхъ о тайныхъ видахъ и намѣреніяхъ высшаго начальства, Государственная Дума переходитъ къ очереднымъ дѣламъ".

Я не кончилъ еще, господа. Я желаю перейти отъ этого болѣе крупнаго, всѣхъ насъ задѣвающаго вопроса о тайной типографіи, оплачиваемой правительствомъ, отъ изданія ею прокламацій, направленныхъ противъ мирныхъ гражданъ, отъ погромовъ, происходившихъ въ Бѣлостокѣ и Эривани,— къ вопросу о судьбѣ человѣка, который въ теченіе 6-ти мѣсяцевъ продолжаетъ томиться въ тюрьмѣ, какъ онъ самъ мнѣ пишетъ, не получая въ то же время никакого увѣдомленія о томъ, что его привлекаютъ къ суду. Господинъ министръ внутреннихъ дѣлъ, повидимому, уважилъ наше ходатайство относительно моего знакомаго по Парижу и жителя одной со мною Харьковской губерніи, г. Антона Щербака. Но не далѣе, какъ 6 іюня, я получилъ еще отъ г. Щербака изъ тюрьмы слѣдующее письмо, которое порождаетъ во мнѣ сомнѣніе въ томъ, извѣстно ли господину министру дѣйствительное положеніе дѣла по отношенію къ этому одиночному узнику. „Сегодня, т. е. значитъ, 5 іюня, харьковскій генералъ-губернаторъ извѣстилъ меня", пишетъ г. Щербакъ, „что надняхъ состоится рѣшеніе о моей высылкѣ въ Туруханскій край, но высылка не послѣдуетъ до суда, т. е. до октября". Значитъ, высылка все таки виситъ надъ г. Щербакомъ. Мнѣ необходимо выяснить, въ какой степени вчерашнее сообщеніе министра внутреннихъ дѣлъ совершенно избавляетъ г. Щербака отъ этого опасенія. Кажется, было бы естественнѣе избрать другой путь, путь частнаго письма, письма, написаннаго членомъ Государственной Думы и обращеннаго на имя министра внутреннихъ дѣлъ. Но я уже обращался къ этому средству и увѣдомлялъ господина министра внутреннихъ дѣлъ о томъ, что г. Щербакъ содержится въ заточеніи въ теченіе цѣлаго ряда мѣсяцевъ, потому что раздѣляетъ тѣ самые взгляды, вы-

разителями которыхъ явились въ литературѣ Джорджъ, Уоллесъ и другіе всѣми признанные и уважаемые писатели, которые, какъ увѣдомлялъ я министра, сколько мнѣ извѣстно, не находились никогда и не находятся въ заточеніи и вообще не подверглись никакой отвѣтственности. По всей вѣроятности, во Франціи и въ Англіи отсутствіе отвѣта на такое письмо, написанное членомъ Государственной Думы, т. е. народнымъ представителемъ, показалось бы фактомъ неимовѣрнымъ, но въ Россіи представительное устройство появилось еще такъ недавно и господамъ министрамъ такъ трудно стать на ту точку зрѣнія, что простая вѣжливость требуетъ отвѣта на это письмо, что васъ не удивитъ, если я не имѣю никакого отвѣта. Но у меня является сомнѣніе. Изъ сообщенія, сдѣланнаго мнѣ въ прошломъ году всѣми вами уважаемымъ человѣкомъ, Сергѣемъ Трубецкимъ, я узналъ, что даже переписка его (вы можете сами догадаться, по какимъ вопросамъ) съ представителемъ высшей тайной полиціи перехватывалась, и что отвѣтъ начальника этой полиціи не могъ дойти до него по той причинѣ, что онъ былъ задержанъ его подчиненными. Поэтому у меня возникаетъ подозрѣніе въ томъ, что можетъ быть — помимо того обстоятельства, о чемъ говоритъ непереводимая на русскій языкъ французская поговорка, гласящая: „toute lettre demande une réponse, comme une offense demande un coup d'épée“, т. е. всякое письмо требуетъ отвѣта, какъ обида – удара шпаги,—посредничества тѣхъ невѣдомыхъ и тайныхъ силъ, о которыхъ говорилъ намъ такъ краснорѣчиво кн. Урусовъ, достаточно, чтобы объяснить причину, по которой эти свѣдѣнія не дошли до господина министра. Вотъ почему я избираю теперь этотъ болѣе сложный путь и съ каѳедры заявляю во всеуслышаніе всѣмъ вамъ и господину министру внутреннихъ дѣлъ, что несмотря на его заявленіе, я еще 6 числа получилъ отъ г. Щербака увѣдомленіе, что ему наканунѣ харьковскій генералъ-губернаторъ заявилъ, что онъ будетъ сосланъ въ Туруханскій край (Апплодисменты).

Засѣданіе 13-го іюня 1906 г.

М. М. Ковалевскій (Харьковская губ.). Господа народные представители! Я не намѣренъ затягивать преній, но не хочу пропустить случая присоединиться открыто къ тѣмъ, которые протестуютъ въ пользу свободы печати. Рѣчь идетъ, между прочимъ, о весьма серьезномъ политическомъ органѣ, о „Голосѣ“, въ которомъ я читалъ цѣлый рядъ статей съ пользой для себя, не всегда, конечно, соглашаясь съ авторомъ, но всегда вынося большую выгоду отъ освѣщенія этого вопроса съ той точки зрѣнія, на которую я самъ не могу стать. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы въ числѣ лицъ, открыто заявившихъ свой протестъ противъ явнаго и тяжкаго нарушенія закона о печати, были и редакторы такъ называемыхъ умѣренныхъ газетъ. Изъ такихъ газетъ, какъ мнѣ извѣстно, рядомъ со „Страной“ имѣетъ представителя въ Думѣ и редакція „Русскихъ Вѣдомостей“. Если бы г. Іоллосъ присутствовалъ на сегодняшнемъ засѣданіи, то вы, навѣрное, услышали бы и его голосъ съ этой каѳедры. Положеніе русской періодической прессы, созданное закономъ о печати, дѣйствительно невыносимо. Это положеніе, можно сказать, унизительно для редакторовъ. То, что называется отмѣной цензуры, состояло, въ дѣйствительности, въ переносѣ обязанностей цензора на самого редактора. При этомъ, какъ бы добросовѣстно редакторъ ни исполнялъ эту тяжелую обязанность, приводящую его въ столкновеніе съ его сотрудниками, по словамъ органовъ судебной власти, съ которыми мнѣ лично приходилось нѣсколько разъ бесѣдовать,—нѣтъ такого номера, въ которомъ, при желаніи, нельзя было бы открыть три или четыре повода для привлеченія редактора къ отвѣтственности по любой изъ статей, которыя охраняютъ россійскій порядокъ. Тамъ, гдѣ существуетъ дѣйствительная свобода печати, тамъ, разумѣется, преступленія, совершаемыя путемъ печати, наказуются, но число такихъ преступленій ограничено. Да, если будетъ совершена измѣна путемъ печати, если будутъ завязаны сношенія съ иностранцами съ цѣлью повредить существеннымъ интересамъ государства,

да, тогда есть полное основаніе привлечь преступника, совершившаго этотъ актъ путемъ печати, къ отвѣтственности, какъ всякаго вообще измѣнника. Да, если въ печати сдѣлано явное оскорбленіе частнаго или должностного лица, то это лицо можетъ привлечь за клевету и даже за диффамацію. Да, если путемъ печати сдѣланъ призывъ съ цѣлью возстановить одну часть населенія противъ другой, какъ это сплошь и рядомъ дѣлается въ такъ называемыхъ черносотенныхъ прокламаціяхъ, тогда есть полное основаніе привлечь за преступленіе или за покушеніе на него. Но внѣ этого нѣтъ повода къ привлеченію за невольныя ошибки, за невѣрно сообщенныя свѣдѣнія по собраннымъ слухамъ, за ссылку на чужія свѣдѣнія, сообщенныя въ другихъ газетахъ; для всего этого создавать особыя карательныя мѣропріятія законодатели, серьезно озабоченные свободой печати внѣ Россіи, до сихъ поръ не думали. Я совершенно присоединяюсь къ тѣмъ лицамъ, которыя здѣсь указали, что какъ ни стѣснителенъ законъ о печати, но нарушеніе этого закона, да еще самое грубое, дѣлаетъ совершенно невозможнымъ положеніе редакторовъ и ставитъ ихъ въ необходимость считать исполненіе ихъ обязанностей тяжкимъ служеніемъ народу. Мнѣ кажется, что одна изъ вашихъ прямыхъ обязанностей должна заключаться въ ближайшемъ будущемъ въ пересмотрѣ этого закона, чтобы сдѣлать невозможнымъ дальнѣйшее продолженіе той травли редакторовъ и издателей, которая происходитъ съ тѣхъ поръ, когда, якобы, отмѣнена у насъ предварительная цензура. Въ лицѣ „Голоса“ мы имѣли органъ, серьезно обсуждавшій основные общественные и политическіе вопросы съ точки зрѣнія, которая намъ, русскимъ, давно извѣстна, потому что она та самая, какой когда-то придерживались „Современникъ“ и „Отечественныя Записки“, послѣднія въ меньшей степени, но такъ же послѣдовательно и твердо, „Отечественныя Записки“, память о которыхъ связана съ именами Салтыкова и Некрасова. Это то направленіе, которое извѣстно у насъ подъ названіемъ „народничества“; оно относится враждебно къ парламентаризму и съ этой точки зрѣнія критикуетъ дѣятельность Думы въ нежелательномъ, съ моей точки

зрѣнія, смыслѣ. Но не иначе, какъ съ полнымъ уваженіемъ, надо отнестись къ сотрудникамъ и редакторамъ газетъ, которые цѣльно и послѣдовательно проводятъ свой взглядъ; ихъ критика для каждаго изъ насъ въ высшей степени полезна, и съ ней мы должны считаться. Мы можемъ только жалѣть о фактѣ исчезновенія этой газеты подъ ударами администраціи.

В. К. Федоровскій (Рязанская губ.). Господа народные представители! Я былъ убѣжденъ, что ни слова не скажу сегодня, когда увидѣлъ, о чемъ идетъ рѣчъ, но слова одного депутата категорически, по долгу моей совѣсти, требуютъ того, чтобы я обратился къ вамъ съ нижеслѣдующимъ: прежде всего я долженъ заявить, что вполнѣ присоединяюсь къ тому протесту, который здѣсь раздавался противъ стѣсненій печати. Покуда есть цѣпи на слово, въ цѣпяхъ будетъ народъ. Я всѣмъ сердцемъ присоединяюсь къ тѣмъ, кто говоритъ: „долой эти цѣпи! пусть свободное слово будетъ дѣйствительно свободнымъ!“ Затѣмъ, я также присоединяюсь къ тѣмъ, кто говоритъ, что исполнительная власть находится въ рукахъ лицъ, коимъ мы не довѣряемъ; это мы слышали много разъ и подолгу. 13 мая это было провозглашено въ качествѣ всеобщаго и, кажется, единогласно признаннаго выраженія недовѣрія министерству. Мѣсяцъ прошелъ съ тѣхъ поръ, мѣсяцъ мы говоримъ о томъ же. Я, несомнѣнно, стою съ тѣми, кто вотируетъ это недовѣріе представителямъ исполнительной власти, и противъ этихъ представителей исполнительной власти я тысячу разъ готовъ говорить,—но не поэтому я подалъ свой билетъ; напротивъ, мнѣ кажется, что мы слишкомъ много говоримъ объ этомъ вопросѣ и этимъ уменьшаемъ силу, значеніе того, что здѣсь говорится. Разъ создано народное представительство, разъ является правовое государство, оно немыслимо безъ свободнаго слова и прочихъ свободъ, ибо только при наличности ихъ воля народа можетъ выразиться полно. Безъ свободы правовое государство есть абсурдъ, безсмыслица! Вѣдь только наивные люди, представители стараго воспитанія, которые опутаны завѣтами прошлаго, не понимаютъ того, что эти свободы не могутъ

не быть. Я думаю, что чѣмъ меньше будетъ преній и разговоровъ по этимъ вопросамъ, тѣмъ ярче подчеркнется наше сознаніе, что свободное государство немыслимо безъ наличности свободъ, которыя должны быть, которыя будутъ добыты нами. Не для того я просилъ слова, чтобы разсуждать объ этомъ, а, главнымъ образомъ, для того, чтобы съ еще большей горячностью протестовать противъ депутата Гомартели.

Я взошелъ на каѳедру потому, что не могъ этого на сдѣлать, ибо сотни лицъ, съ которыми я бокъ-о-бокъ былъ въ Манчжуріи и на берегахъ Тихаго океана, съ которыми 10 лѣтъ провелъ рядомъ подъ однимъ потолкомъ, властно требуютъ сказать то, что я говорю. Депутатъ Гомартели сказалъ: совѣсть и честь русскаго человѣка „заговорила“ въ войскѣ и т. д. Въ этихъ и другихъ словахъ депутата Гомартели звучитъ и незаслуженная обида, и великая неправда. Я бы сказалъ больше, если бы допускало это мѣсто, къ которому я обязанъ относиться, какъ къ святынѣ, и не допускать болѣе рѣзкихъ выраженій. Этотъ вопросъ, который въ настоящее время затронутъ мною въ силу необходимости, слишкомъ сложенъ, чтобы сказать о немъ все въ теченіе 2 минутъ. И я позволю себѣ извиниться передъ вами, если я, можетъ быть, нѣсколько больше затрудню васъ. Я, возвращаясь изъ Манчжуріи, видѣлъ, какъ меня обгонялъ 13 корпусъ, подъ командой однофамильца всѣмъ извѣстнаго, вѣроятно, министра Плеве, и обогналъ для того, чтобы придти въ неспокойныя мѣстности; а когда онъ явился туда, то оказалось, что было уже поздно: тамъ все было спокойно. По дорогѣ разнеслась вѣсть, что лица, стоящія во главѣ корпуса, жалѣли о томъ, что было поздно. Господа, если бы вы видѣли солдатъ, которые по многу часовъ при холодѣ и голодѣ стоятъ, исполняя свои служебныя обязанности, если бы вы видѣли, что имъ повторяется мысль о томъ, что... (шумъ, возгласы). Если бы вы видѣли, что имъ постоянно повторяется мысль о томъ, что они голодаютъ и холодаютъ, потому что „взбунтовался“ народъ, и что нужно этотъ народъ усмирить, вы бы поняли, что надо удивляться мужеству солдата

надо удивляться той высокой выдержанности, при которой слишкомъ мало эксцессовъ, мало случаевъ, когда солдатъ выходитъ изъ дисциплины и нарушаетъ ее, т. е. выходитъ изъ рамокъ, предписанныхъ ему. Здѣсь вотъ, именно, въ словахъ депутата Гомартели, и кроется великое начало совершеннаго непониманія,—да проститъ меня онъ,—того, о чемъ онъ говоритъ; это именно то непониманіе, которое я замѣчалъ въ лицахъ, которымъ ввѣрена была армія. Нельзя армію трогать, нельзя ей говорить: „идите туда, куда вамъ укажетъ политика". Въ вопросахъ политики армія должна быть въ сторонѣ, ибо зовущіе ее туда, зовутъ на тѣ дворцовые перевороты, которые осуждены исторіей и которые, кромѣ анархіи, ни къ чему не приведутъ Мнѣ кажется, что если слѣдуетъ воздѣйствовать, то лишь исключительно въ томъ направленіи, чтобы солдатъ не воспитывали такъ, чтобы къ нимъ предоставлялся доступъ только мыслямъ одного сорта. Въ настоящее время усиленно, повторно солдатамъ внушаютъ мысль, что придется выйти на борьбу съ ихъ братьями, и что вотъ это требуется настоятельной необходимостью и долгомъ службы. Это такая же ошибка, какъ звать ихъ въ другую сторону, какъ звать ихъ на борьбу противъ стараго порядка; поэтому я не могу не выразить моего сожалѣнія, что я услыхалъ здѣсь то, чему здѣсь, какъ мнѣ кажется, не мѣсто быть сказанному. Мнѣ думаеся, намъ армію, поскольку она покоится еще на основахъ закона, не нужно трогать (шумъ). Нужно беречь свои силы. Тогда, когда явится вопіющее нарушеніе законовъ, правъ,—вотъ тогда-то народные представители и должны будутъ возвысить свой голосъ и должны будутъ сказать, что не безправіе должно царить, какъ основа, въ арміи, а право. Внѣ сомнѣнія, есть безправіе въ арміи. Я говорю это, какъ десять лѣтъ проведшій въ рядахъ ея. Пусть во вчерашней газетѣ „Новое Время" сказано: не оскорбляйте армію: не то она будетъ грозить вамъ чуть ли не терроромъ (точная фраза эта лежитъ у меня въ столѣ), не то она отомститъ за себя и, можетъ быть, объявитъ свою диктатуру. Я не вѣрю въ эту диктатуру. Я говорю: стрѣляйте въ меня перваго, но

повторяю: „было безправіе въ этой арміи". И вотъ тогда, когда нужно будетъ оживить ее духомъ правды, тогда-то и надо вамъ будетъ сказать свое слово, а теперь, мнѣ думается, объ этомъ вопросѣ долгъ заставляетъ насъ молчать.

Засѣданіе 16 іюня 1906 г.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ (Тверская губ.). Я прошу позволенія отнять нѣсколько времени у васъ, очень немного—для того, чтобы выяснить юридическую сторону настоящаго случая. Вы выслушали уже изъ запроса, что Папай присужденъ главнымъ военнымъ судомъ къ смертной казни, что онъ несовершеннолѣтній, и вы слышали также, что судъ, разсматривавшій дѣло по существу, мѣстный военно-окружный судъ, назначилъ ссылку въ каторжныя работы, а главный военный судъ, въ порядкѣ исправленія приговора, примѣнилъ смертную казнь. Да, дѣйствительно, въ нашемъ военно-судебномъ уставѣ, кстати сказать, никогда не разсматривавшемся ни въ какомъ законодательномъ учрежденіи, въ уставѣ, который не проходилъ ни черезъ государственный совѣтъ, ни даже черезъ военный совѣтъ, въ уставѣ, который былъ выработанъ спеціальной комиссіей подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Гурко и далѣе никакому разсмотрѣнію не подвергался,—въ этомъ уставѣ, дѣйствительно, существуетъ правило, на основаніи котораго главный военный судъ, въ порядкѣ исправленія приговора, можетъ самъ мѣнять наказанія, не обращая дѣла, для новаго разсмотрѣнія, въ мѣстный военно-окружный судъ. Но и тутъ все-таки есть существенное ограниченіе, и здѣсь все-таки говорится о правѣ главнаго военнаго суда, путемъ исправленія приговора, мѣнять наказанія лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда мѣстный военно-окружный судъ сдѣлалъ явную ошибку. Между тѣмъ, по закону, военно-окружный судъ, приговорившій Папая, вмѣсто смертной казни, къ ссылкѣ въ каторжныя работы, безусловно никакой ошибки не сдѣлалъ, онъ сдѣлалъ только то, что въ силу закона былъ обязанъ сдѣлать. Правда, у насъ есть законъ и есть

къ нему толкованіе закона. Совершенно безспорно, что военный законъ не допускаетъ примѣненія смертной казни къ несовершеннолѣтнимъ, но главный военный судъ, въ порядкѣ толкованія, еще въ августѣ прошлаго года—это было впервые—призналъ, что можно и что должно и несовершеннолѣтнихъ приговаривать къ смертной казни. И вотъ уже теперь главный военный прокуроръ, если онъ придетъ отвѣчать на нашъ запросъ, уже не въ правѣ будетъ сказать, что всѣ дѣйствовали по закону. Главный военный судъ, исправлявшій приговоръ, замѣнившій каторгу смертной казнью, дѣйствовалъ явно противозаконно. Это я утверждаю теперь и это я, со статьями закона въ рукахъ, готовъ доказать тогда, когда мы будемъ слушать отвѣтъ на нашъ запросъ. Главный военный судъ дѣйствовалъ на основаніи имъ самимъ даннаго произвольнаго толкованія. Въ августѣ прошлаго года онъ далъ произвольное толкованіе, а теперь, въ силу этого произвольнаго толкованія, примѣнилъ смертную казнь къ этому несовершеннолѣтнему. Насколько, господа, здѣсь грубо юридическое нарушеніе, я вамъ сейчасъ покажу. У насъ теперь одновременно существуютъ три уголовныхъ кодекса, назначающихъ смертную казнь: уголовное уложеніе, уложеніе о наказаніяхъ и воинскій уставъ о наказаніяхъ. Уголовное уложеніе самымъ категоричнымъ образомъ опредѣляетъ, что смертная казнь къ несовершеннолѣтнимъ примѣняема быть не можетъ; значитъ, когда подсудимый судится по уголовному уложенію, онъ не можетъ быть подвергнутъ смертной казни. Уложеніе о наказаніяхъ—старое—такого категоричнаго опредѣленія въ себѣ не содержитъ, но однако криминалисты, съ покойнымъ Неклюдовымъ во главѣ, въ теченіе уже многихъ лѣтъ доказывали, что и по уложенію о наказаніяхъ смертная казнь къ несовершеннолѣтнимъ примѣняема быть не можетъ. Сенатъ держался иного взгляда и, какъ извѣстно, Рысаковъ въ 1881 году и Ульяновъ въ 1887 г., несовершеннолѣтніе, были преданы смертной казни. Что касается воинскаго устава о наказаніяхъ, то онъ, въ данномъ случаѣ, слѣдуетъ не старому уголовному уложенію, а еще въ 1867 году усвоилъ то воззрѣніе на вопросъ, которое теперь усвоено

новымъ уголовнымъ уложеніемъ. По воинскому уставу о наказаніяхъ, несовершеннолѣтніе ни въ какомъ случаѣ къ смертной казни присуждаемы быть не могутъ. Подсудимый Папай судился по 279 статьѣ воинскаго устава о наказаніяхъ: ясно, что къ нему надлежало примѣнить и общую часть того же самаго устава, поскольку карательныя мѣры въ особенной части стоятъ въ неразрывной связи съ опредѣленіями общей части; а въ этой общей части статья 81 говоритъ, что несовершеннолѣтнему каждое наказаніе смягчается на одну степень, а потому судъ, назначивши, какъ нормальное наказаніе, смертную казнь, обязанъ былъ это наказаніе понизить, хотя бы на одну степень, и перейти къ ссылкѣ въ каторжныя работы. Вы видите. кто былъ въ данномъ случаѣ правъ съ юридической точки зрѣнія: несомнѣнно, былъ правъ варшавскій военно-окружный судъ, а главный военный судъ, исправившій приговоръ и замѣнившій каторгу смертной казнью, поступилъ явно противозаконно (Дружные аплодисменты).

Засѣданіе 13 іюня 1906 г.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ (Тверская губ.). Совершенно вѣрно было сказано представителемъ Виленской губерніи, барономъ Роппомъ, что явленія, подобныя тѣмъ, которыя составляютъ предметъ разсматриваемаго нами запроса, имѣли мѣсто далеко не въ одной Черниговской губерніи. Но все же, мнѣ думается, не слѣдуетъ передавать настоящаго запроса въ комиссію. Я думаю, что этотъ запросъ изъ многихъ другихъ запросовъ, сдѣланныхъ уже Государственной Думой, представляется положительно выдающимся. Едва-ли можно найти болѣе крупное и болѣе рѣзкое нарушеніе закона, чѣмъ сожженіе построекъ по распоряженію властей. Такія свои дѣйствія начальники карательныхъ отрядовъ обыкновенно обосновывали на обязательныхъ постановленіяхъ генералъ-губернаторовъ. Въ обязательныхъ постановленіяхъ генералъ-губернаторы всегда ссылались на ст. 11, можетъ быть, 10-ю—я цитирую на память—постановленій о мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ поло-

женіи. Съ наибольшей откровенностью это было изложено въ обязательномъ постановленіи, изданномъ въ январѣ прибалтійскимъ генералъ-губернаторомъ, гдѣ онъ писалъ, что если изъ какого-либо зданія будутъ произведены выстрѣлы, то это зданіе подлежитъ немедленному сожженію. Основаній въ законѣ для подобнаго рода распоряженій нѣтъ, и нигдѣ въ постановленіяхъ о мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, вы ихъ не найдете. Тамъ только говорится о томъ, что военнымъ начальникамъ въ районѣ театра военныхъ дѣйствій предоставляется право сжигать и уничтожать зданія и постройки, которыя препятствуютъ военнымъ дѣйствіямъ, т. е. производству военныхъ операцій, но ни о какихъ карательныхъ сожженіяхъ нигдѣ въ правилахъ военнаго положенія не говорится. Даже по отношенію къ китайскому имуществу, во время послѣдней русско-японской войны, подобныя распоряженія военныхъ начальниковъ всегда признавались преступнымъ дѣяніемъ, влекущимъ за собой уголовную отвѣтственность. Настоящій запросъ, такъ удачно обоснованный по отношенію къ Черниговской губерніи, поднимаетъ завѣсу надъ, можетъ быть, самымъ ужаснымъ злоупотребленіемъ власти, которое у насъ творилось въ теченіе долгаго времени и, по всей вѣроятности, — на Кавказѣ это несомнѣнно, — продолжаетъ твориться до настоящаго времени. То же можетъ повториться если не завтра, то послѣзавтра, ибо военное положеніе не отмѣнено. Вотъ почему этому запросу я придаю исключительно важное значеніе и поддерживаю требованіе признать его неотложнымъ и немедленно же передать министру внутреннихъ дѣлъ для того, чтобы вызвать его на объясненія, и эти объясненія дадутъ намъ возможность выяснить истинную юридическую природу этихъ сожженій (Апплодисменты).

Засѣданіе 26 мая 1906 г.

В. К. Федоровскій (Рязанская губ.). Господа народные представители! Я вполнѣ согласенъ съ тѣми изъ ораторовъ, которые выражали недовѣріе министерству. Я

иду дальше ихъ и говорю, что дни нашего министерства сочтены, что оно уступитъ свое мѣсто другому. Я этому вѣрю; не вѣрить и не ополчаться противъ него—значитъ, не вѣрить въ свои собственныя силы. Второе: въ данномъ, подлежащемъ ближайшему обсужденію, вопросѣ о смертной казни, я стою, какъ и всѣ члены палаты, противъ смертной казни, стою за отмѣну ея, т. е. вполнѣ раздѣляю взгляды давно уже признанные, какъ здѣсь было сказано, наукой, но не признанные только представителями нашей исполнительной власти. И въ этомъ вопросѣ я также вѣрю, что отмѣна смертной казни является лишь дѣломъ мѣсяцевъ или, можетъ быть, дней. Поэтому я въ этихъ двухъ пунктахъ выражаю полное свое согласіе какъ съ тѣмъ, кто высказывалъ недовѣріе министерству, такъ и съ тѣмъ, кто стоялъ за отмѣну смертной казни. Но о тѣхъ способахъ, которые здѣсь предлагались, я совершенно не раздѣляю взгляда, указаннаго нѣкоторыми ораторами. Я вижу въ предложенныхъ способахъ,—да простятъ мнѣ говорившіе,—способы, являющіеся результатомъ, позволю себѣ выразиться, недостаточно яснаго представленія о томъ, что такое Дума. Говорившіе здѣсь, вѣдь „законодатели“, вѣдь они издаютъ законы, т. е. нормы, на которыхъ покоится вся жизнь страны и народа. И вотъ, намъ самимъ идти вопреки нормъ, не отмѣнивъ ихъ предварительно, это значитъ—идти путемъ не законодательнымъ, это значитъ—идти тѣмъ путемъ, которымъ шелъ прежній режимъ, смѣшивая въ одну кучу всѣ власти, не зная граней законности, это значитъ—опять-таки вспомнить старое. Я думаю, что ораторы, указывающіе на Думу, только какъ на этапъ для революціи, говорили вполнѣ искренно, и они убѣждены, что такъ смотрятъ ихъ избиратели. Я долженъ сказать другое; я убѣжденъ въ другомъ. Тѣ избиратели, которые ввѣрились мнѣ, думаютъ иначе. Ввѣряя мнѣ защиту ихъ правъ, допуская, что я могу внести посильную лепту за ихъ будущее счастье, они говорили, что мнѣ предстоитъ путь участія въ законодательномъ органѣ. И вотъ, только путемъ законопроектовъ, путемъ отмѣны тѣхъ законовъ, которые связываютъ по рукамъ и ногамъ нашу дѣятель-

ность,—только этимъ путемъ уполномочивали они меня на борьбу съ старымъ режимомъ. Исторія рѣшитъ, что ждетъ впереди Россію. Но сейчасъ я считаю себя обязаннымъ сказать, что такова была воля моихъ избирателей. Внѣ сомнѣнія, каждый избранный ляжетъ здѣсь костьми за ту идею, которую онъ исповѣдуетъ, но я думаю, что меня ложиться костьми за революціонный путь въ данный моментъ мои избиратели не уполномочивали. Они хотѣли, чтобы я прежде всего далъ имъ счастье и миръ и для этого использовалъ все возможное. Поэтому я считаю долгомъ присоединиться къ той резолюціи, которая была выдвинута представителемъ конституціоналистовъ-демократовъ, т. е. къ резолюціи Набокова (Апплодисменты).

М. М. Ковалевскій (Харьковская губ.). Господа народные представители! Я пришелъ сюда не говорить вамъ новую рѣчь, такъ какъ какъ ихъ безъ того было сказано немало, и очень хорошихъ, и очень дѣльныхъ, а потому, что у меня зародилось сомнѣніе, не могу ли я нѣкоторыми разъясненіями помочь выйти изъ этого, какъ мнѣ кажется, тупика, въ который мы попали, благодаря закону, дающему возможность министерству тормозить нашу дѣятельность. Для насъ дорога жизнь людей, и мы не можемъ ждать спокойно, чтобы въ теченіе цѣлаго мѣсяца министерство могло такъ или иначе рѣшить вопросъ объ этой людской жизни, вопреки мнѣнію русскаго народа и тѣхъ представителей, которыхъ онъ послалъ сюда.

И вотъ, мнѣ вспоминается изъ моего личнаго знакомства съ учрежденіями народовъ Запада, что право помилованія осуществляется главами государства, будетъ ли то монархъ, или президентъ республики, по ихъ собственному почину, а не въ видѣ того, что то или другое министерство рекомендуетъ монарху ли, или президенту республики воспользоваться своей верховной прерогативой—правомъ помилованія. Однажды ко мнѣ, какъ бывшему профессору одной французской вольной школы въ Парижѣ, обратились, не зная моей національности, съ просьбой подписать личное обращеніе къ президенту Лубе съ ходатайствомъ о томъ, чтобы смертный приговоръ не

былъ примѣненъ въ данномъ случаѣ. Я долженъ былъ сослаться на то, что я русскій подданный и только этимъ объяснить причину, по которой моя подпись не будетъ стоять подъ этимъ коллективнымъ заявленіемъ. Я полагаю, что, не сходя съ пути законности, — что ни для какого учрежденія такъ не опасно, какъ для молодой Государственной Думы русской, которая не имѣетъ другихъ основаній, кромѣ закона,—мы можемъ въ то же самое время озаботиться судьбою этихъ людей, которые, можетъ быть, иначе должны были бы разстаться съ жизнью. Не Государственная Дума должна обратиться къ Монарху, но, какъ мы думали, сами министры поймутъ, что имъ не слѣдуетъ пользоваться данной имъ закономъ возможностью, чтобы тормозить нашу законодательную дѣятельность. Мы убѣдились, что наша прямая обязанность—воспользоваться правомъ внесенія законопроектовъ для измѣненія тѣхъ статей положенія о Государственной Думѣ, измѣнять которыя мы въ правѣ, такъ какъ онѣ не касаются основныхъ законовъ. Къ числу такихъ частей положенія о Государственной Думѣ принадлежатъ тѣ статьи, которыя говорятъ о правѣ законодательнаго почина, если не отдѣльныхъ членовъ Думы, чего нѣтъ въ положеніи, то думскихъ комиссій. Я полагаю, что отвѣтъ, данный намъ министрами, устанавливаетъ для насъ слѣдующій порядокъ подлежащихъ занятій. Мы должны спѣшить внесеніемъ законопроекта, отмѣняющаго право министровъ, право, которымъ они пользуются, на цѣлый мѣсяцъ отсрачивать нашу законодательную работу, и, какъ только мы проведемъ этотъ законопроектъ, сейчасъ и воспользуемся имъ для ускоренія нашей законодательной дѣятельности по вопросу объ отмѣнѣ смертной казни. Я полагаю, что завтра же докладчикъ комиссіи 19-ти, которой я имѣю честь состоять предсѣдателемъ, доложитъ этому собранію вполнѣ выработанный нами законопроектъ объ измѣненіи тѣхъ статей закона 20 февраля, которыя тормозятъ нашу законодательную дѣятельность. Такимъ образомъ, не сходя съ пути закона, мы въ то же самое время удовлетворимъ человѣколюбивый запросъ, сдѣланный съ этой каѳедры нашимъ товарищемъ, членомъ Го-

сударственной Думы Сипягинымъ, нисколько не заставляя Государственную Думу „открывать“ личность Монарха. Въ формѣ простого ходатайства, скрѣпленнаго, надѣюсь, тысячами подписей, мы обратимся къ главѣ Верховной власти съ просьбой о томъ, чтобы Онъ воспользовался своими верховными правами отсрочить исполненіе смертныхъ казней до того момента, когда народная воля будетъ проведена въ жизнь нашимъ законопроектомъ, отмѣняющимъ смертную казнь (Апплодисменты).

Въ этомъ же самомъ собраніи, какъ и въ другихъ однохарактерныхъ собраніяхъ,—положимъ, въ томъ же государственномъ совѣтѣ, академіи, университетѣ,—можетъ циркулировать просьба, подъ которой я готовъ поставить свою подпись—обращеніе къ Государю, чтобы, въ виду предстоящаго закона объ отмѣнѣ смертной казни, Онъ употребилъ свое личное вліяніе для того, чтобы смертные приговоры не приводились въ исполненіе до тѣхъ поръ, пока въ томъ или другомъ смыслѣ народные представители не выскажутся по вопросу о смертной казни. Такого рода обращеніе, не связывая нисколько Государственной Думы, не открывая, какъ боялся графъ Гейденъ, Особы Государя, даетъ нѣкоторую возможность, въ то же самое время, терпѣливо ждать того мѣсячнаго срока, который, благодаря министрамъ, мы должны соблюсти, чтобы провести нашу волю и волю народа, по вопросу о смертной казни, въ формѣ закона.

Я, поэтому, вполнѣ присоединяюсь къ тому тексту резолюціи, какъ предлагаетъ вамъ членъ Государственной Думы Набоковъ. Этотъ текстъ резолюціи поставитъ на видъ властямъ, что мы настаиваемъ на отмѣнѣ смертной казни и ни мало не отказываемся отъ нашего первоначальнаго намѣренія. Но въ то же время я предлагаю вамъ, независимо отъ Государственной Думы, пустить въ обращеніе между нашими товарищами текстъ, гласящій, что мы обращаемся къ Верховной власти съ просьбой о томъ, чтобы въ теченіе ближайшаго мѣсяца не были приводимы въ исполненіе смертные приговоры. Этотъ актъ можетъ поступить затѣмъ и въ другія учрежденія, и отъ отдѣльныхъ

лицъ, и отъ этихъ учрежденій мы въ правѣ просить подписи. Я полагаю, что тотъ урокъ, который намъ дали министры заявленіемъ, что въ теченіе мѣсяца мы должны ждать ихъ отвѣта, способенъ разсѣять тѣ иллюзіи, какимъ мы предавались не дальше, какъ вчера.

Засѣданіе 9-го іюня 1906 г.

М. М. Ковалевскій (Харьковская губ.). Господа народные представители! Я думаю, что въ этомъ вопросѣ мое показаніе можетъ имѣть нѣкоторую цѣну: оно будетъ показаніемъ эксперта. Я былъ уже выбранъ членомъ въ Государственную Думу отъ Харьковской губерніи, когда, по одному изъ пунктовъ 129 статьи, я былъ привлеченъ за преступленіе противъ печати къ суду и получилъ повѣстку отъ г. слѣдователя Зайцева. На этой повѣсткѣ внизу значилось, что, если я не подчинюсь его приглашенію, то подвергнусь приводу. Я, могъ конечно, сослаться на нездоровье, но такъ какъ я былъ совершенно здоровъ и лгать не считаю полезнымъ, то я поэтому явился къ г. слѣдователю, который былъ очень любезенъ, предъявилъ мнѣ статью газеты „Страна“, за которую я привлекаюсь, и разъяснилъ мои недоумѣнія: я состава преступленія не нашелъ— онъ помогъ мнѣ въ этомъ. Рѣчь шла о томъ, что войска въ Грузіи не всегда соблюдали всѣ требованія законности. Затѣмъ онъ потребовалъ отъ меня подписку о невыѣздѣ. Когда я спросилъ его, извѣстно ли ему, что я членъ Государственной Думы, то онъ отвѣтилъ, что извѣстно. Когда я спросилъ, извѣстно ли ему, что намъ дана неприкосновенность, онъ сказалъ, что на этотъ счетъ существуетъ разномыслiе (смѣхъ). Когда я спросилъ, какія послѣдствія можетъ имѣть отказъ съ моей стороны выдать ему обѣщаніе о невыѣздѣ, онъ мнѣ сказалъ, что эти послѣдствія могутъ быть весьма непріятны (смѣхъ). Послѣ этого я, разумѣется, выдалъ подписку о невыѣздѣ, которая по настоящее время мѣшаетъ мнѣ выѣзжать изъ предѣловъ г. Петербурга (смѣхъ). Не дальше, какъ вчера представился случай, который заставилъ меня задуматься

относительно обязательства, мною принятаго. Изъ Москвы былъ сдѣланъ призывъ прочесть, кажется, въ Замоскворѣчьѣ, докладъ о дѣятельности Государственной Думы. Я забылъ о подпискѣ и обѣщалъ моему товарищу Родичеву пріѣхать въ Москву. Затѣмъ, послѣ справки у юристовъ, я узналъ, что могу попасть въ то невыгодное положеніе, въ которомъ очутился бы, по всей вѣроятности, тотъ изъ нашихъ товарищей, который отправился въ г. Бѣлостокъ. Изъ всего этого я прихожу въ заключенію, что, несомнѣнно, та статья нашей конституціи, которая говоритъ о неприкосновенности личности депутата, нуждается въ дальнѣйшей разработкѣ, и что, подобно тому, какъ мы настаиваемъ на неудобствѣ сохранить тѣ статьи нашей конституціи, которыя не объясняютъ намъ, какъ далеко идутъ наши права по началу законодательной иниціативы,—мы имѣемъ полное основаніе воспользоваться случаемъ, представляемымъ дѣйствіями, предпринятыми полиціей по отношенію къ нашему товарищу Ульянову, для того, чтобы въ формѣ, на которой вамъ угодно будетъ остановиться, обратить вниманіе нашихъ законодателей на несовершенство ихъ конституціоннаго творчества и на необходимость въ вопросѣ о неприкосновенности депутатовъ сказать болѣе откровенно: да или нѣтъ, неприкосновененъ этотъ депутатъ или прикосновененъ?

Разныя заявленія и предложенія.

Засѣданіе 6 іюня 1906.

М. М. Ковалевскій (Харьковская губ). Г.г. народные представители! Я не просилъ слова для того, чтобы высказаться противъ назначенія комиссіи по вопросу о равенствѣ и о внесеніи его въ наше законодательство, въ которомъ это начало, болѣе или менѣе, отсутствуетъ. Я пользуюсь случаемъ для того, чтобы показать, къ какимъ не-

выгоднымъ послѣдствіямъ ведетъ то обстоятельство, что нащи законодатели вздумали замѣнить право индивидуальнаго законодательнаго почина, существующее всюду, гдѣ есть парламентъ, правомъ какого-то законодательнаго почина, осуществляемаго комиссіей. Разумѣется, ни гр. Гейденъ, ни кто другой изъ здѣсь присутствующихъ не имѣлъ бы случая дѣлать тѣ возраженія, какія были здѣсь представлены, если бы, на основаніи закона 20-го февраля, было признано за членами Государственной Думы, какъ за членами любого парламента, право законодательнаго почина. Тогда мы, дѣйствительно, вносили бы опредѣленные тексты законопроектовъ. Нельзя вѣдь представлять законопроекта по 30 или 40 отдѣльнымъ предметамъ. Если-бы кому либо въ Европѣ пришло въ голову представить тотъ текстъ, который въ настоящее время мы намѣрены передать въ комиссію, то не нашлось бы парламента, который призналъ бы такое письменное обращеніе, излагающее только принципъ будущаго законодательства, за законопроектъ или за билль. Но мы находимся въ исключительныхъ условіяхъ: намъ пожелали поставить извѣстное и серьезное ограниченіе для нашей законодательной дѣятельности—и что же придумали? Придумали эту комиссію, которая одна можетъ изготовлять текстъ законопроекта вмѣстѣ или параллельно съ членами Государственнаго Совѣта, съ одной стороны, и членами министерства, съ другой, и потребовали опять таки отъ насъ—чего? указанія только общаго принципа закона, т. е. было сдѣлано какъ разъ то, противъ чего борются съ 1789 года всѣ законодатели въ мірѣ, начиная отъ Іереміи Бентама, автора „Политическихъ софизмовъ“, и кончая новѣйшими историками революціи—Тэномъ или критиками Тэна. Всѣ они указываютъ, что недостатокъ законовъ, вносимыхъ во французское законодательство, былъ тотъ, что вотировали принципъ, а потомъ подъ вотированный принципъ надо было подгонять законы. Такъ и теперь. Мы будемъ считаться съ невыгодными послѣдствіями признанія принципа, что мужчины и женщины въ правахъ равны. Вѣдь равныя права предполагаютъ равныя обязанности. Сейчасъ же возникаетъ поэтому

вопросъ о томъ, распространимъ ли мы на женщинъ и воинскую повинность, образуемъ ли мы корпусъ амазонокъ или нѣтъ? По всей вѣроятности, никто не собирается образовывать корпуса амазонокъ. Придется на этотъ счетъ сдѣлать ту же поправку, которую англичане дѣлали со временъ Елизаветы и первыхъ кодификаторовъ общаго земскаго права, въ томъ числѣ судьи Кока. Англичане выражаютъ это извѣстнымъ афоризмомъ: парламентъ все можетъ сдѣлать, но онъ не можетъ обратить мужчину въ женщину и женщину въ мужчину.

Я лично вполнѣ сочувствую проведенію въ нашемъ законодательствѣ начала равенства и полагаю, что это начало восторжествуетъ у насъ только тогда, когда изъ создаваемой нами комиссіи падетъ дождь законопроектовъ: законопроектъ объ отмѣнѣ сословности въ Россійской имперіи, объ уравненіи въ ней въ правахъ національностей и вѣроисповѣданій и т. д., и т. д. Все это я вполнѣ привѣтствую, но считаю нужнымъ указать, что несовершенство той формы, которую мы въ настоящее время приняли, есть тѣмъ не менѣе такое несовершенство, которое будетъ подчеркнуто въ любомъ парламентѣ Европы и Америки, и что это несовершенство прямо вызвано нашимъ конституціоннымъ закономъ, тѣмъ ограниченіемъ, которое предоставляетъ право законодательнаго почина однимъ комиссіямъ Думы, а не отдѣльнымъ членамъ ея.

Засѣданіе 2 іюня 1906 г.

М. М. Ковалевскій (Харьк. губ.). Господа, я получилъ отъ д'Эстурнель де-Констана письмо, въ которомъ онъ проситъ меня и товарища нашего Острогорскаго, насколько возможно, поддержать его предложеніе, и указываетъ, что, поступая такимъ образомъ, мы только продлимъ дѣятельность министерства иностранныхъ дѣлъ въ эпоху Муравьева, высказавшагося въ пользу расширенія этой системы международнаго посредничества. Едва ли, господа, нужно вамъ доказывать, до какой степени намъ было бы важно сразу заявить о томъ, что мы не намѣрены уклоняться отъ

интересующей наше отечество внѣшней политики и что мы намѣрены проводить начала права и справедливости въ отношеніи ко всѣмъ народамъ Европы и Америки. Однимъ изъ проявленій этого проведенія началъ права и справедливости является поддержка дальнѣйшаго разбирательства. Поэтому я лично буду очень радъ, если по вашему рѣшенію письмо д'Эстурнель де-Констана и сдѣланное имъ предложеніе поступятъ на разсмотрѣніе комиссіи 19-ти, въ которой я состою предсѣдателемъ, и если вы уполномочите насъ выработать текстъ какого-нибудь опредѣленнаго предложенія насчетъ той или другой формы выраженія нашего сочувствія къ третейскому разбирательству въ международныхъ дѣлахъ.

Голоса. Просимъ, просимъ.

Засѣданіе 30 іюня 1906 г.

Предсѣдатель. Изъ Лондона получена телеграмма на англійскомъ языкѣ; въ русскомъ переводѣ она гласитъ слѣдующее: „326 членовъ старѣйшаго парламента въ свѣтѣ привѣтствуютъ членовъ самаго юнаго русскаго парламента и надѣются встрѣтиться съ его представителями въ имѣющей состояться междупарламентской конференціи въ Вестминстерскомъ дворцѣ. По уполномочію подписавшихся Рандаль Кремеръ“ (Апплодисменты).

М. М. Ковалевскій (Харьковская губ.). Господа члены Государственной Думы! Я думаю быть истолкователемъ вашихъ чувствъ, сказавши, что мы глубоко тронуты внимательнымъ отношеніемъ къ намъ 326 членовъ англійской палаты общинъ. Я полагаю, что чувство мѣры, которому всего болѣе учила континентальную Европу Англія, подскажетъ намъ и то рѣшеніе, которое мы примемъ въ отвѣтъ на любезное обращеніе 326 членовъ палаты общинъ. Я прошу васъ обратить вниманія на то, что это заявленіе не переслано намъ черезъ спикера или предсѣдателя палаты общинъ. Палата общинъ, какъ таковая, такъ же мало считаетъ себя призванной вступить въ общеніе съ парламентомъ русскимъ, какъ и Государственная Дума, одно изъ

высшихъ государственныхъ учрежденій Россіи,—не считаетъ себя призванной вступить въ переговоры, переписку или обмѣнъ привѣтствіями съ такими же законодательными учрежденіями иностранныхъ державъ. Но для насъ открывается возможность инымъ путемъ дать выраженіе нашему чувству признательности по отношенію къ членамъ англійскаго парламента. Мы всѣ, здѣсь собравшіеся, составимъ текстъ обращенія къ тѣмъ членамъ англійской палаты общинъ, которые почтили насъ своимъ привѣтствіемъ, но частнымъ образомъ и не обращаясь къ предсѣдателю Думы. Пошлемъ этотъ совмѣстно выработанный текстъ, скрѣпленный возможно большимъ числомъ подписей, тому самому члену парламента, который явился выразителемъ чувствъ 326 членовъ палаты общинъ. Я полагаю также, что было бы въ высшей степени желательно исполнить просьбу, которую заключаетъ въ себѣ это обращеніе къ намъ 326 членовъ палаты общинъ, т. е., чтобы отъ Государственной Думы или, вѣрнѣе, отъ того общества третейскаго разбирательства, которое возникло при Государственной Думѣ, извѣстное число членовъ отправилось въ Лондонъ и приняло участіе въ междупарламентской конференціи.

Засѣданіе 15 мая 1906 г.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ. (Тверская губ.). Работы у насъ чрезвычайно много, задача передъ нами по своей важности огромная, время безконечно дорого. Это отправное положеніе, само собой разумѣется, не вызываетъ ни споровъ, ни возраженій. Но едва ли также можетъ вызвать возраженіе и то, что быстрота работы отнюдь не должна идти въ ущербъ ея правильности и основательности. Мы не имѣемъ наказа, мы только начинаемъ нашу дѣятельность, намъ необходимо самимъ вырабатывать то, что на Западѣ давно уже выработалось и установилось путемъ обычая, путемъ практики. Что мы имѣемъ сейчасъ передъ собой? По аграрному вопросу внесено законодательное предложеніе 42 лицами. Намъ предлагаютъ, не давая никакихъ указаній комиссіи, не обсуждая этого законопроекта хотя

бы въ общихъ чертахъ сейчасъ, передать его прямо въ комиссію. Князь Волконскій совершенно правильно, по моему мнѣнію, указалъ, что комиссія иначе не можетъ понять даннаго ей порученія, какъ въ томъ смыслѣ, что директивами ея работы должны служить тѣ тезисы, которые приведены во внесенномъ законопроектѣ. Подобное же предложеніе, какъ то, которое сдѣлалъ членъ Думы Петражицкій, было сдѣлано въ предпослѣднемъ засѣданіи по поводу законопроекта о неприкосновенности личности. Этотъ законопроектъ неизмѣримо проще, неизмѣримо яснѣе и не вызвалъ ни въ комъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ своей основѣ, въ принципѣ, ибо никто не можетъ спорить противъ того, что личность должна быть неприкосновенна. Я васъ спрашиваю: развѣ мы безъ пользы провели полтора засѣданія, которыя были посвящены обсужденію этого законопроекта? Я не знаю, быть можетъ, и я войду въ составъ комиссіи, подсчетъ членовъ которой теперь производится. Если да, и мнѣ суждено будетъ работать въ этой комиссіи, то я скажу большое спасибо всѣмъ тѣмъ, кто разъяснилъ въ преніяхъ основныя черты законопроекта. По такому же вопросу, какъ аграрный, вы требуете, чтобы онъ былъ переданъ безъ преній въ комиссію, а комиссія или пускай работаетъ, какъ сама знаетъ, или принимаетъ за основу то, что внесено за подписью 42 лицъ. Третьяго дня графъ Гейденъ просилъ большинство Думы,—обращался не по праву, а подчеркивая, что обращается съ просьбой,—не закрывать преній и дать возможность членамъ Государственной Думы высказаться, дабы каждый могъ сознательно произвести выборы. Предъ нами чрезвычайно важная задача—избрать комиссію по аграрному вопросу. Чтобы исполнить свою обязанность добросовѣстно, намъ нужно, если не всесторонне, то хотя бы въ общихъ чертахъ, познакомиться съ разнообразіемъ мнѣній, существующихъ въ Государственной Думѣ. Называютъ комиссію въ 33 лица, называютъ комиссію въ 88 лицъ. Если мнѣ придется писать хоть 33 фамиліи, то я не знаю, кого писать. Если же хотя одинъ день будутъ пренія, то я на основаніи этихъ преній, могу себѣ составить мнѣніе о тѣхъ лицахъ, которыя такъ или иначе смотрятъ на вопросъ,

и мы не безполезно потеряемъ одно засѣданіе на пренія по поводу законопроекта. Между тѣмъ, что же? Законопроектъ предлагается. Начались пренія по вопросу около 7-ми часовъ, когда члены Государственной Думы естественно уже утомлены, и въ это время вносится предложеніе о томъ, чтобы немедленно передать дѣло въ комиссію вмѣсто того, чтобы открыть пренія. Я повторяю просьбу, обращенную третьяго дня къ Государственной Думѣ гр. Гейденомъ; повторяю ту же просьбу не стѣснять непринадлежащихъ къ большинству Думы лицъ и дать имъ возможность сознательно провести выборы въ комиссію, а для этого, не закрывая сегодня преній, предлагаю просить предсѣдателя сдѣлать перерывъ, а завтра съ 11 час. утра заняться обсужденіемъ законопроекта.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Тронная рѣчь.

„Всевышнимъ промысломъ врученное Мнѣ попеченіе о благѣ отечества побудило Меня призвать къ содѣйствію въ законодательной работѣ выборныхъ отъ народа.

Съ пламенной вѣрой въ свѣтлое будущее Россіи Я привѣтствую въ лицѣ вашемъ тѣхъ лучшихъ людей, которыхъ Я повелѣлъ возлюбленнымъ Моимъ подданнымъ выбрать отъ себя.

Трудная и сложная работа предстоитъ вамъ. Вѣрю, что любовь къ родинѣ, горячее желаніе послужить ей воодушевятъ и сплотятъ васъ.

Я же буду охранять непоколебимыми установленія, Мною дарованныя, съ твердою увѣренностью, что вы отдадите всѣ свои силы на самоотверженное служеніе отечеству для выясненія нуждъ столь близкаго Моему сердцу крестьянства, просвѣщенія народа и развитія его благосостоянія; памятую, что для духовнаго величія и благоденствія государства необходима не одна свобода, необходимъ порядокъ на основѣ права.

Да исполнятся горячія Мои желанія видѣть народъ Мой счастливымъ и передать Сыну Моему въ наслѣдіе Государство крѣпкое, благоустроенное и просвѣщенное.

Господь да благословитъ труды, предстоящіе Мнѣ въ единеніи съ Государственнымъ Совѣтомъ и Государственной Думою, и да знаменуется день сей отнынѣ днемъ обновленія нравственнаго облика земли Русской—днемъ возрожденія ея лучшихъ силъ.

Приступите съ благоговѣніемъ къ работѣ, на которую Я васъ призвалъ, и оправдайте достойно довѣріе Царя и народа.

Богъ въ помощь Мнѣ и вамъ“

Послѣ тронной рѣчи Ихъ Величества и высочества послѣдовали въ церемоніальномъ порядкѣ во внутренніе покои.

Отвѣтный адресъ,

Ваше Императорское Величество!

Вашему Величеству благоугодно было въ рѣчи, обращенной къ представителямъ народа, заявить о рѣшимости Вашей охранять непоколебимыми установленія, коими народъ призванъ осуществлять законодательную власть въ единеніи со своимъ Монархомъ. Государственная Дума видитъ въ этомъ торжественномъ обѣщаніи Монарха, данномъ народу, прочный залогъ укрѣпленія и дальнѣйшаго развитія порядка законодательства, соотвѣтствующаго строго конституціоннымъ началамъ. Государственная Дума, съ своей стороны, приложитъ усилія къ усовершенствованію началъ народнаго представительства и внесетъ на утвержденіе Вашего Величества законъ о народномъ представительствѣ, основанный, согласно единодушно проявляющейся волѣ народа, на началахъ всеобщаго избирательнаго права.

Призывъ Вашего Императорскаго Величества къ сплоченію въ работѣ на пользу родины находитъ живой откликъ въ сердцахъ всѣхъ членовъ Государственной Думы. Государственная Дума, имѣя въ своемъ составѣ представителей всѣхъ классовъ и всѣхъ народностей, населяющихъ Россію, объединена общимъ горячимъ стремленіемъ обновить Россію и создать въ ней государственный порядокъ, основанный на мирномъ сожитіи всѣхъ классовъ и народностей и на прочныхъ устояхъ гражданской свободы.

Но Государственная Дума пріемлетъ долгъ указать, что условія, въ которыхъ живетъ страна, дѣлаютъ невозможной истинно плодотворную работу, направленную къ возрожденію лучшихъ силъ страны.

Страна сознала, что главною язвою всей нашей государственной жизни является самовластіе чиновниковъ, отдѣляющихъ Царя отъ народа. И, охваченная единодушнымъ порывомъ, страна громко заявила, что обновленіе жизни

возможно лишь на основѣ свободы, самодѣятельности и участія самого народа въ осуществленіи власти законодательной и въ контролѣ надъ властью исполнительною. Вашему Императорскому Величеству благоугодно было въ Манифестѣ 17 октября 1905 года возвѣстить съ высоты Престола твердую рѣшимость положить эти именно начала въ основу дальнѣйшаго устроенія судебъ земли русской. И весь народъ единодушнымъ кликомъ восторга встрѣтилъ эту вѣсть.

Однако уже первые дни свободы омрачились тяжелыми испытаніями, въ которыя ввергли страну тѣ, кто, все еще преграждая народу путь къ Царю и попирая всѣ основы Высочайшаго Манифеста 17 октября, покрыли страну позоромъ безсудныхъ казней, погромовъ, разстрѣловъ и заточеній.

И слѣдъ отъ этихъ дѣйствій администраціи за послѣдніе мѣсяцы такъ глубоко осѣлъ въ душѣ народа, что никакое умиротвореніе страны невозможно дотолѣ, доколѣ не станетъ ясно народу, что отнынѣ не дано властямъ творить насилія, прикрываясь Именемъ Вашего Императорскаго Величества, доколѣ всѣ министры не будутъ отвѣтственны передъ народнымъ представительствомъ и сообразно съ этимъ не будетъ обновлена администрація на всѣхъ ступеняхъ государственной службы.

Государь, только перенесеніе отвѣтственности передъ народомъ на министерство можетъ укоренить въ умахъ мысль о полной безотвѣтственности Монарха; только министерство, пользующееся довѣріемъ большинства Думы, можетъ укрѣпить довѣріе къ правительству, и лишь при такомъ довѣріи возможна спокойная и правильная работа Государственной Думы. Но прежде всего необходимо освободить Россію отъ дѣйствія тѣхъ чрезвычайныхъ законовъ,—усиленной и чрезвычайной охраны и военнаго положенія,—подъ прикрытіемъ которыхъ особенно развилось и продолжаетъ проявляться самовластіе безотвѣтственныхъ чиновниковъ.

Рядомъ съ укорененіемъ начала отвѣтственности администраціи передъ избранниками народа, для плодотворной

дѣятельности Государственной Думы необходимо опредѣленное проведеніе основного начала истиннаго народнаго представительства, состоящаго въ томъ, что только единеніе Монарха съ народомъ является источникомъ законодательной власти. Поэтому всѣ средостѣнія между верховною Властью и народомъ должны быть устранены. Не можетъ также быть той области законодательства, которая была бы навсегда закрыта свободному пересмотру народнаго представительсства въ единеніи съ Монархомъ. Государственная Дума считаетъ долгомъ совѣсти заявить Вашему Императорскому Величеству отъ имени народа, что весь народъ только тогда съ истинною силою и воодушевленіемъ, съ истинною вѣрою въ близкое преуспѣяніе родины будетъ выполнять творческое дѣло обновленія жизни, когда между нимъ и Престоломъ не будетъ стоять Государственный Совѣтъ, составленный изъ назначенныхъ сановниковъ и выборныхъ отъ высшихъ классовъ населенія, когда установленіе и взиманіе налоговъ и податей будетъ подчинено волѣ народнаго представительства, и когда никакими особыми узаконеніями не будетъ положенъ предѣлъ законодательной компетенціи народнаго представительства. Государственная Дума считаетъ также несовмѣстнымъ съ жизненными интересами народа, чтобы какой-либо законопроектъ, налагающій денежныя тягости на населеніе, разъ онъ принятъ Думою, подлежалъ измѣненію со стороны учрежденія, не представляющаго собою массъ плательщиковъ налоговъ.

Въ области предстоящей законодательной дѣятельности Государственная Дума, исполняя долгъ, опредѣленно возложенный на нее народомъ, почитаетъ неотложно необходимымъ обезпечить страну точнымъ закономъ о неприкосновенности личности, свободѣ совѣсти, свободѣ слова и печати, свободѣ союзовъ, собраній и стачекъ,—убѣжденная въ томъ, что безъ точнаго установленія и строгаго проведенія этихъ началъ, заложенныхъ уже въ Манифестѣ 17 октября, никакая реформа общественныхъ отношеній не осуществима. Дума считаетъ также необходимымъ обезпечить за гражданами право обращаться съ петиціями къ на-

родному представительству. Государственная Дума исходитъ далѣе изъ непреклоннаго убѣжденія, что ни свобода, ни порядокъ, основанный на правѣ, не могутъ быть прочно укрѣплены безъ установленія общаго начала равенства всѣхъ безъ исключенія гражданъ передъ закономъ. И потому Государственная Дума выработаетъ законъ о полномъ уравненіи въ правахъ всѣхъ гражданъ съ отмѣною всѣхъ ограниченій и привилегій, обусловленныхъ сословіемъ, національностью, религіею или поломъ. Стремясь къ освобожденію страны отъ связывающихъ его путь административной опеки и предоставляя ограниченіе свободы гражданъ единственно лишь независимой судебной власти, Государственная Дума считаетъ однако недопустимымъ примѣненіе даже и по судебному приговору наказаніе смертью. Смертная казнь никогда и ни при какихъ условіяхъ не можетъ быть назначаема. Государственная Дума считаетъ себя въ правѣ заявить, что она явится выразительницею единодушнаго стремленія всего населенія въ тотъ день, когда постановитъ законъ объ отмѣнѣ смертной казни навсегда. Въ предвидѣніи этого закона страна ждетъ пріостановленія нынѣ же Вашею, Государь, властью исполненія всѣхъ смертныхъ приговоровъ.

Выясненіе нуждъ сельскаго населенія и принятіе соотвѣтствующихъ законодательныхъ мѣръ составитъ ближайшую задачу Государственной Думы. Наиболѣе многочисленная часть населенія страны — трудовое крестьянство съ нетерпѣніемъ ждетъ удовлетворенія своей острой земельной нужды, и первая русская Государственная Дума не исполнила бы своего долга, если бы она не выработала закона для удовлетворенія этой насущной потребности путемъ обращенія на этотъ предметъ земель казенныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ, церковныхъ и принудительнаго отчужденія земель частновладѣльческихъ.

Государственная Дума считаетъ также необходимымъ выработать законы, утверждающіе равноправіе крестьянъ и снимающіе съ нихъ гнетъ произвола и опеки. Государственная Дума признаетъ столь же неотложнымъ удовлетвореніе нуждъ рабочаго класса путемъ законодательныхъ

мѣръ, направленныхъ къ охранѣ наемнаго труда. Первымъ шагомъ на этомъ пути должно явится обезпеченіе наемнымъ рабочимъ во всѣхъ отрасляхъ труда свободы организаціи и самодѣятельности для поднятія своего матеріальнаго и духовнаго благосостоянія

Государственная Дума сочтетъ также долгомъ употребить всѣ усилія для поднятія народнаго просвѣщенія и прежде всего озаботиться выработкой закона о всеобщемъ безплатномъ обученіи.

Рядомъ съ этими мѣрами Дума обратитъ особое вниманіе на справедливое распредѣленіе налоговой тяготы, неправильно возложенной нынѣ на болѣе бѣдные классы населенія, и на цѣлесообразное употребленіе государственныхъ средствъ. Не менѣе существеннымъ законодательнымъ трудомъ явится коренное преобразованіе мѣстнаго управленія и самоуправленія съ привлеченіемъ къ равному участію въ послѣднемъ всего населенія на началахъ всеобщаго избирательнаго права.

Помятуя о тяжкомъ бремени, которое народъ несетъ въ арміи и флотѣ Вашего Величества, Государственная Дума озаботится укрѣпленіемъ въ арміи и флотѣ началъ справедливости и права.

Государственная Дума считаетъ, наконецъ, необходимымъ указать въ числѣ неотложныхъ задачъ своихъ и разрѣшеніе вопроса объ удовлетвореніи давно назрѣвшихъ требованій отдѣльныхъ національностей. Россія представляетъ государство, населенное многоразличными племенами и народностями. Духовное объединеніе всѣхъ этихъ племенъ и народностей возможно только при удовлетвореніи потребности каждаго изъ нихъ сохранять и развивать своеобразіе въ отдѣльныхъ сторонахъ быта. Государственная Дума озаботится широкимъ удовлетвореніемъ этихъ справедливыхъ нуждъ.

Ваше Императорское Величество! Въ преддверіи всякой нашей работы стоитъ одинъ вопросъ, волнующій душу всего народа, волнующій насъ, избранниковъ народа, лишающій насъ возможности спокойно приступить къ первымъ шагамъ нашей законодательной дѣятельности. Первое

слово, прозвучавшее въ стѣнахъ Государственной Думы, встрѣченное кликами сочувствія всей Думы, было слово— амнистія. Страна жаждетъ амнистіи, распространенной на всѣ предусмотрѣнныя уголовнымъ закономъ дѣянія, вытекавшія изъ побужденій религіозныхъ или политическихъ, а также на всѣ аграрныя правонарушенія. Есть требованія народной совѣсти, въ которыхъ нельзя отказывать, съ исполненіемъ которыхъ нельзя медлить. Государь, Дума ждетъ отъ Васъ полной политической амнистіи, какъ перваго залога взаимнаго пониманія и взаимнаго согласія между Царемъ и народомъ".

Законопроектъ объ ассигнованіи кредита въ 15 м. рублей.

„I. Ассигновать чрезвычайнымъ сверхсмѣтнымъ кредитомъ по росписи 1906 года 15.000.000 р. на расходы въ теченіе іюня мѣсяца сего года по удовлетворенію сѣменной и продовольственной нужды населенія пострадавшихъ отъ неурожая губерній, предоставивъ министру финансовъ подкрѣплять заимообразно, по мѣрѣ надобности, за счетъ означеннаго кредита, общій по Имперіи продовольственный капиталъ.

„II. Потребную сумму отнести на счетъ сбереженій по росписи 1906 г.

„III. Возложить на обязанность министра финансовъ, по соглашенію съ подлежащими министрами и главноуправляющими отдѣльными частями, пересмотрѣть расходную смѣту 1906 г. въ видахъ ея сокращенія, съ тѣмъ, чтобы относящіеся къ сему законопроекты были внесены въ Государственную Думу не позднѣе 23 іюля сего 1906 года.

„IV. Предоставить министрамъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ вносить въ Государственную Думу представленія о дальнѣйшихъ ассигнованіяхъ на продовольственныя нужды по мѣрѣ надобности.

„V. Подробные отчеты о расходованіи суммъ на удовлетвореніе сѣменной и продовольственной нужды населенія пострадавшихъ отъ неурожая губерній министръ внутреннихъ дѣлъ публикуетъ ежемѣсячно во всеобщее свѣдѣніе".

Проектъ закона объ отмѣнѣ смертной казни.

„Статья 1-ая. Смертная казнь отмѣняется.

„Статья 2-ая. Во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ дѣйствующими законами (уголовное уложеніе, уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, воинскій и военно-морской уставы о наказаніяхъ) установлена смертная казнь, она замѣняется непосредственно слѣдующимъ по тяжести наказаніемъ.

ОБРАЩЕНІЕ КЪ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ.

Ваше Императорское Величество!

Обращаемся къ Вамъ съ ходатайствомъ о сохраненіи жизни осужденнымъ къ смертной казни, въ виду предстоящаго измѣненія дѣйствующаго законодательства по этому предмету. Озабоченные умиротвореніемъ страны, просимъ Васъ воспользоваться Вашимъ верховнымъ правомъ помилованія и отсрочить исполненіе приговоровъ до того момента, когда Государственной Думой положено будетъ начало къ приближенію нашей системы наказаній къ требованіямъ народной совѣсти и къ мнѣніямъ русской юридической науки.

Обращеніе, иниціатива котораго принадлежитъ М. М. Ковалевскому, въ теченіе нѣсколькихъ дней было покрыто

подписями членовъ Государственной Думы, Государственнаго Совѣта, Академіи Наукъ, профессоровъ и др. (болѣе 350 подписей) и 1-го іюня М. М. Ковалевскимъ черезъ дежурнаго флигель-адъютанта вручено Его Императорскому Величеству.

Затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, черезъ редакціи „Страны“ и „Нашей Жизни“, поступили выраженія сочувствія изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей Имперіи, и общее количество подписей достигло 17,825.

Законопроектъ о неприкосновенности личности,

представленный Государственной Думѣ коммисіей пятнадцати.

1. Никто не можетъ быть наказанъ безъ суда.

2. Никто не можетъ быть судимъ иначе, какъ въ общемъ порядкѣ, для дѣлъ даннаго рода установленномъ. Изъ сего изъемлются предусмотрѣнные закономъ случаи суда и наказанія по мѣстнымъ племеннымъ обычаямъ. Преданіе военному суду лицъ, не состоящихъ на дѣйствительной военной службѣ, можетъ быть допускаемо исключительно во время войны съ иностраннымъ государствомъ и только въ мѣстности, занятой дѣйствующей арміею.

3. Никто не можетъ быть задержанъ, заключенъ подъ стражу, подвергнутъ личному обыску, освидѣтельствованію, полицейскому надзору или иному ограниченію свободы иначе, какъ въ случаяхъ, закономъ предусмотрѣнныхъ, и по предъявленіи приказа надлежащей судебной власти, отданнаго въ порядкѣ судебнаго преслѣдованія. Этотъ приказъ долженъ содержать въ себѣ точное обозначеніе лица, которому онъ предъявляется, изложеніе обстоятельствъ дѣла и ссылку на соотвѣтственныя статьи закона.

4. Безъ судебнаго приказа органами полицейской власти

могутъ быть задерживаемы лица, подозрѣваемыя въ совершеніи преступнаго дѣянія, лишь въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) когда они застигнуты при самомъ совершеніи преступнаго дѣянія или тотчасъ послѣ его совершенія;

2) когда потерпѣвшіе отъ преступнаго дѣянія или очевидцы укажутъ прямо на подозрѣваемое лицо;

3) когда подозрѣваемый взятъ съ поличнымъ или когда на немъ или въ его жилищѣ найдены явные слѣды преступленія.

Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ задержаніе примѣняется полиціею лишь тогда, когда до прибытія представителя судебной власти заподозрѣнный можетъ скрыться.

5. Органы полицейской власти имѣютъ также право задерживать лицъ, пребываніе которыхъ на свободѣ грозитъ непосредственною опасностью самимъ этимъ лицамъ или окружающимъ либо сопряжено съ незаконнымъ нарушеніемъ свободы другихъ лицъ или общественной благопристойности.

6. При отсутствіи органовъ полицейской власти, лица, застигнутыя при самомъ совершеніи преступнаго дѣянія или тотчасъ послѣ его совершенія, могутъ быть задержаны и частными лицами, если до прибытія полиціи они могутъ скрыться.

7. Лица, задержанныя безъ судебнаго приказа, по выясненіи поводовъ къ задержанію ихъ, должны быть или немедленно освобождены, или же препровождены, въ теченіе 24 часовъ, къ ближайшему судебному слѣдователю, участковому мировому судьѣ, либо уѣздному члену окружнаго суда, независимо отъ подсудности преступнаго дѣянія, въ коемъ задержанный обвиняется. Если задержаніе состоялось въ мѣстѣ отдаленномъ отъ жительства означенныхъ представителей судебной власти, 24-хъ-часовой срокъ увеличивается, насколько это безусловно необходимо по мѣстнымъ условіямъ сообщенія для немедленнаго привода задержанныхъ къ ближайшему изъ упомянутыхъ представителей судебной власти. О каждомъ случаѣ личнаго задержанія полиція составляетъ протоколъ съ точнымъ указаніемъ дня и часа задержанія, а равно основаній примѣненія этой мѣры.

По требованію задержаннаго, ему немедленно выдается копія протокола.

8. По доставленіи задержаннаго лица къ одному изъ указанныхъ въ ст. 7 представителей судебной власти, послѣдній немедленно и, во всякомъ случаѣ, не позднѣе 24 часовъ, допрашиваетъ его и отдаетъ письменный приказъ или о дальнѣйшемъ содержаніи подъ стражею, или о немедленномъ освобожденіи.

9. Каждый изъ указанныхъ въ ст. 7 представителей судебной власти, до свѣдѣнія коего дошло о задержаніи какого либо лица безъ соблюденія установленныхъ настоящимъ закономъ условій, обязанъ немедленно произвести о семъ разслѣдованіе, освободить незаконно задержаннаго и возбудить судебное преслѣдованіе противъ виновныхъ. Означенное разслѣдованіе производится какъ по заявленіямъ или жалобамъ частныхъ лицъ, или по сообщеніямъ правительственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, такъ равно и по непосредственному усмотрѣнію представителя судебной власти.

10. Каждый судья обязанъ въ опредѣленномъ ему районѣ наблюдать за тѣмъ, чтобы никто не содержался въ заключеніи безъ надлежащаго судебнаго приказа или въ мѣстѣ заключенія, не соотвѣтствующемъ постановленію судебной власти, По письменному приказу судьи, лица, неправильно лишенныя свободы, должны быть немедленно освобождены, по отношенію же къ лицамъ, содержащимся не въ наллежащемъ мѣстѣ заключенія, должны быть приняты мѣры къ содержанію ихъ въ установленномъ порядкѣ.

11. Начальникъ мѣста заключенія, принявшій по протоколу полиціи лицо, задержанное безъ судебнаго приказа, обязанъ его освободить, если въ теченіе 24 часовъ не послѣдуетъ приказа о дальнѣйшемъ содержаніи подъ стражею.

12. Право принесенія жалобъ на дѣйствія должностныхъ лицъ, нарушающія изложенныя въ ст. 3—11 постановленія, принадлежитъ какъ самому задержанному, такъ и всякому другому лицу.

13. Никто не можетъ быть принуждаемъ къ пребыванію

въ какой либо мѣстности и никому не можетъ быть воспрещаемо пребываніе въ какой либо мѣстности иначе, какъ по постановленію судебной власти, или по вошедшему въ законную силу судебному приговору.

14. Иностранцы не могутъ быть высылаемы изъ предѣловъ Россійской Имперіи иначе, какъ по вошедшему въ законную силу судебному приговору. Это правило не распространяется:

1) на иностранцевъ, основательно заподозренныхъ въ шпіонствѣ;

2) въ военное время—на иностранцевъ, высылка которыхъ оправдывается военными обстоятельствами;

3) въ случаяхъ произвольной высылки русскихъ подданныхъ со стороны иностраннаго государства—на подданныхъ того же государства.

15. Жилище каждаго неприкосновенно. Безъ согласія хозяина, входъ въ жилище допускается лишь по призыву о помощи извнутри квартиры, или для оказанія помощи при несчастныхъ случаяхъ, или во исполненіе законныхъ требованій и распоряженій власти.

16. Осмотры, обыски и выемки въ частныхъ помѣщеніяхъ допускаются не иначе, какъ въ случаяхъ, законами предусмотрѣнныхъ, и въ силу постановленія надлежащей судебной власти, состоявшагося въ порядкѣ уставовъ уголовнаго и гражданскаго судопроизводства и предъявленнаго хозяину помѣщенія или вещей. Это постановленіе должно содержать въ себѣ какъ точное обозначеніе дѣла, мѣста и лицъ, къ которымъ оно относится, такъ и ссылку на соотвѣтственныя статьи закона. Осмотры, обыски и выемки производятся только представителями судебной власти и съ точнымъ соблюденіемъ порядка и условій, изложенныхъ въ уставахъ судопроизводства; о результатѣ ихъ составляется на мѣстѣ протоколъ, копія съ котораго вручается хозяину помѣщенія и лицу, у котораго взяты подвергшіяся выемкѣ вѣщи.

17. Органы полицейской власти могутъ производить осмотры, обыски и выемки лишь въ случаяхъ, когда застигнуто совершающееся или только что совершившееся пре-

ступное дѣяніе, если при томъ слѣды преступнаго дѣянія могли бы изгладиться до прибытія представителя судебной власти. Въ этихъ случаяхъ судебное постановленіе о производствѣ осмотра, обыска или выемки замѣняется такимъ же постановленіемъ полицейской власти, и полиція точно соблюдаетъ всѣ условія и порядокъ означенныхъ дѣйствій, установленные въ настоящемъ законѣ и въ уставѣ уголовнаго судопроизводства.

18. Почтовая, телеграфная и телефонная корреспонденнеприкосновенна и составляетъ тайну для всѣхъ, кромѣ лицъ въ ней участвующихъ. Отступленія отъ этого правила допускаются въ цѣляхъ раскрытія преступныхъ дѣяній—въ порядкѣ устава уголовнаго судопроизводства, а также во время войны съ иностраннымъ государствомъ, по распоряженію командующаго арміею, для корреспонденціи, поступающей въ районъ театра военныхъ дѣйствій, или отправляемой изъ этого района.

19. Виновные въ нарушеніи постановленій настоящаго закона подлежатъ отвѣтственности, въ законахъ уголовныхъ опредѣленной. Должностныя лица за таковыя нарушенія предаются суду и судятся на общемъ со всѣми гражданами основаніи.

20. Потерпѣвшіе отъ нарушенія постановленій настоящаго закона должностными или частными лицами имѣютъ право вмѣстѣ съ уголовнымъ преслѣдованіемъ, или независимо отъ него, на возмѣщеніе убытковъ въ размѣрѣ, опредѣляемомъ по усмотрѣнію суда.

Правительственное сообщеніе.

Исполняя Высочайшее повелѣніе Государя Императора о немедленномъ принятіи мѣръ къ улучшенію быта земельнаго крестьянства, Правительство внесло въ Государственную Думу свои предположенія о способахъ улучшенія и расширенія крестьянскаго землевладѣнія и объ измѣненіи порядка землепользованія крестьянъ на ихъ надѣльныхъ земляхъ.

Сознавая, что потребности крестьянства велики и разнообразны, Правительство полагаетъ, что наибольшую нужду испытываютъ малоземельные крестьяне, причемъ особенно недостаточны земельныя владѣнія тѣхъ крестьянъ, которые получили такъ называемые дарственные надѣлы. Вслѣдствіе сего, заботы государства должно быть, прежде всего, направлены къ увеличенію площади землепользованія этихъ крестьянъ.

Однако, заботы государства не должны быть обращены исключительно на малоземельныхъ крестьянъ. Крестьяне, въ достаточной мѣрѣ обезпеченные землей, вслѣдствіе малой урожайности своихъ земель, также нуждаются въ улучшеніи ихъ хозяйственнаго положенія. Неурожайность крестьянскихъ полей происходитъ по различнымъ причинамъ. Такъ, во многихъ селеніяхъ крестьянскому хозяйству наноситъ вредъ отдаленность части ихъ угодій отъ усадебной осѣдлости. Отдаленность эта порождаетъ безплодную трату времени въ переѣздахъ и переходахъ къ обрабатываемымъ полямъ и невозможность удобрять дальнія полосы, вслѣдствіе чего получаемый съ этихъ полосъ урожай совершенно ничтоженъ. Устранить этотъ существенный недостатокъ возможно посредствомъ разселенія и обмѣновъ земли. Внутренняя и внѣшняя чрезполосность надѣльныхъ земель и дробность полосъ, принадлежащихъ отдѣльнымъ крестьянамъ, также чрезвычайно вредитъ крестьянскому хозяйству. Разверстать чрезполосныя земли, свести отдѣльныя полосы въ болѣе крупные участки поэтому существенно важно. Наконецъ, въ обществахъ, въ которыхъ производятся передѣлы земли, наиболѣе предпріимчивые домохозяева не рѣшаются улучшать состоящіе въ ихъ пользованіи участки общинной земли, опасаясь, что при слѣдующемъ передѣлѣ участки эти будутъ отъ нихъ отобраны и переданы другимъ крестьянамъ. Для устраненія этого слѣдуетъ предоставить отдѣльнымъ крестьянамъ возможность выдѣлить состоящіе въ ихъ пользованіи участки общинной земли въ свою неотъемлемую собственность.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ предположенныя Правительствомъ и внесенныя имъ на разсмотрѣніе Государственной

Думы мѣры для улучшенія земельнаго быта крестьянъ состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Передать малоземельнымъ крестьянамъ на выгодныхъ для нихъ условіяхъ всѣ годныя для земледѣлія казенныя земли.

2) Вслѣдствіе недостаточности казенныхъ земель для удовлетворенія земельной нужды всей малоземельной части крестьянства, купить для той же цѣли за счетъ государства отъ частныхъ владѣльцевъ добровольно продаваемыя ими земли.

3) Продавать пріобрѣтенныя за счетъ государства земли нуждающимся въ ней малоземельнымъ крестьянамъ по цѣнамъ, доступнымъ для крестьянъ, съ принятіемъ, въ случаѣ надобности, разницы между цѣной, по которой земля пріобрѣтена отъ частныхъ владѣльцевъ, и цѣной, по которой она будетъ предоставлена крестьянамъ, на счетъ общихъ государственныхъ средствъ.

4) Установить, что земли, передаваемыя государствомъ малоземельнымъ крестьянамъ, наравнѣ съ надѣльными землями, не могутъ быть продаваемы лицамъ другихъ сословій и что на нихъ не могутъ быть обращены взысканія частныхъ лицъ.

5) Увеличить помощь переселенцамъ какъ для переѣзда на новыя мѣста, такъ и для обзаведенія на нихъ.

6) Установить легкій порядокъ продажи крестьянами, желающими переселиться или заняться какимъ-либо не земледѣльческимъ промысломъ, принадлежащихъ имъ надѣловъ.

7) Улучшить способы землепользованія крестьянъ на принадлежащихъ имъ нынѣ земляхъ посредствомъ разселенія желающихъ, устраненія черезполосности надѣльныхъ земель и сведенія мелкихъ полосъ, находящихся во владѣніи отдѣльныхъ крестьянъ, въ болѣе крупные земельные участки.

8) Признать, что въ обществахъ, которыя не производили общихъ передѣловъ земли въ теченіе 24 лѣтъ, земельные участки, состоящіе въ пользованіи отдѣльныхъ домохозяевъ, составляютъ ихъ неотъемлемую собственность и что, слѣдовательно, передѣлы земли въ такихъ обществахъ впредь производимы быть не могутъ.

9) Въ обществахъ, производящихъ передѣлы земли, предоставить отдѣльнымъ крестьянамъ право выйти изъ общества и укрѣпить за собою въ свою частную собственность участки общинной земли, сохранивъ за общиной право выкупать земельные участки выходящихъ изъ ея состава членовъ, уплативъ имъ ихъ стоимость деньгами.

10) Предоставить земельнымъ обществамъ право вполнѣ самостоятельно распоряжаться принадлежащими имъ землями, ограничивъ правительственный надзоръ наблюденіемъ за тѣмъ, чтобы общества не нарушали требованій закона.

Изложенныя предположенія, подлежащія разсмотрѣнію Государственной Думы, имѣютъ въ виду земельное устройство крестьянъ на мѣстѣ ихъ родины. Кромѣ того, Правительство принимаетъ мѣры и для облегченія переселенія крестьянъ въ Сибирь и въ степныя области Средней Азіи, гдѣ въ распоряженіи государства имѣются обширныя площади плодородной земли. Мѣры эти состоятъ въ хозяйственномъ изслѣдованіи этихъ площадей, разбивкѣ ихъ на отдѣльные участки для отвода переселенцамъ, а также въ устройствѣ дорогъ къ такимъ участкамъ, которые нынѣ только вслѣдствіе бездорожья непригодны для заселенія.

Наконецъ, для того, чтобы, не теряя времени, немедленно облегчить положеніе наиболѣе нуждающейся части крестьянства въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьянская нужда особенно настоятельно требуетъ удовлетворенія, одновременно съ симъ учреждены особыя комиссіи изъ мѣстныхъ людей, въ составъ которыхъ войдутъ и крестьяне, выбранные на волостныхъ сходахъ. Комиссіи эти обязаны, прежде всего, выяснить, какіе именно изъ мѣстныхъ крестьянъ находятся въ наиболѣе тяжеломъ положеніи, и указать способы помочь имъ. Тѣ же комиссіи должны помогать крестьянамъ покупать черезъ крестьянскій земельный банкъ продаваемыя частными владѣльцами земли.

Вотъ тѣ мѣры, при помощи которыхъ, несомнѣнно, можетъ быть достигнуто прочное улучшеніе благосостоянія крестьянъ.

Распространяемое среди сельскаго населенія убѣжденіе, что земля не можетъ составлять чьей-либо соб-

ственности, а должна состоять въ пользованіи только трудящихся на ней, и что поэтому необходимо произвести принудительное отчужденіе всѣхъ частновладѣльческихъ земель, Правительство признаетъ совершенно неправильнымъ.

Отчужденіемъ частновладѣльческихъ земель не увеличитъ крестьянскіе достатки, а, наоборотъ, разоритъ все государство и обречетъ само земельное крестьянство на вѣчную нищету и даже голодъ.

Бѣдствіе это произойдетъ по слѣдующимъ причинамъ:

Всей удобной земли въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи имѣется 318 милліоновъ десятинъ. Изъ этого числа 109 милліоновъ десятинъ находятся въ 5 сѣверныхъ губерніяхъ: Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Вятской и Пермской, въ которыхъ земледѣліе не прокормитъ пахаря. Вслѣдствіе долгой зимы, очень короткаго лѣта, а также неплодородія почвы, занятіе земледѣліемъ въ значительной части этихъ губерній невыгодно. Такимъ образомъ, удобныхъ земель въ Европейской Россіи надо считать 209 милліоновъ десятинъ.

Но и эта площадь не можетъ быть сполна обращена подъ земледѣліе, такъ какъ около четвертой части ея, а именно 56 милліоновъ десятинъ покрыты лѣсомъ.

Свести лѣса было бы безразсудно. Уже теперь многія мѣстности страдаютъ у насъ отъ недостатка лѣсовъ. Лѣсъ охраняетъ источники всѣхъ русскихъ рѣкъ, лѣсъ, сохраняя влагу въ почвѣ, противодѣйствуетъ засухѣ, лѣсъ предотвращаетъ образованіе овраговъ. Вырубка лѣсовъ превратила бы наше отечество въ безводную пустыню. Лѣса въ Россіи нужны и для обезпеченія населенія строительнымъ матеріаломъ и топливомъ. Наконецъ, лѣса доставляютъ населенію самые прочные заработки и притомъ преимущественно зимой, т. е. въ такое время, когда никакихъ другихъ заработковъ въ сельскихъ мѣстностяхъ не существуетъ.

Такимъ образомъ, земель, пригодныхъ для земледѣлія, въ Европейской Россіи находится 153 милліона десятинъ. Изъ нихъ 110 милліоновъ десятинъ уже принадлежатъ крестья-

намъ, а именно 91 милліонъ десятинъ надѣловъ и 19 милліоновъ, принадлежащихъ крестьянамъ на правѣ частной собственности, и только 43 милліона принадлежатъ казнѣ, удѣламъ, церквамъ, монастырямъ и частнымъ владѣльцамъ некрестьянскаго сословія.

Слѣдовательно, земли, годной для земледѣлія и не состоящей нынѣ во владѣніи крестьянъ, всего сорокъ три милліона десятинъ. Количество это само по себѣ громадно, но для столь же громаднаго населенія Россіи оно незначительно.

Въ самомъ дѣлѣ, крестьянъ, занимающихся земледѣліемъ, числится въ Европейской Россіи, исключивъ изъ нея перечисленныя выше 5 сѣверныхъ губерній—40 милліоновъ душъ мужскаго пола. Такимъ образомъ, если раздѣлить между крестьянами всѣ не находящіяся въ ихъ пользованіи земли до послѣдней десятины, что, очевидно невозможно, то и въ такомъ случаѣ на каждую душу мужскаго пола придется всего около одной добавочной десятины земли. Если же право на землю признать и за безземельными крестьянами, которые нынѣ проживаютъ въ городахъ и пожелаютъ возратиться къ землѣ, то на душу мужскаго пола придется менѣе одной десятины земли.

Такая ничтожная прибавка, очевидно, не улучшитъ положенія крестьянъ. Придется обратиться къ тѣмъ 19 милліонамъ десятинъ, которыя куплены крестьянами въ собственность, для предоставленія ихъ другимъ земледѣльцамъ, обладающимъ меньшимъ количествомъ земли.

Но раздѣлъ земли, если бы онъ начался, не остановится на этомъ. Въ дѣлежъ, для соблюденія справедливости, поступятъ, наконецъ, и надѣльныя земли, дабы всѣ трудящіеся получили поровну. Послѣдствіемъ же раздѣла всѣхъ земель между земледѣльцами по ровной части будетъ то, что ни одинъ земледѣлецъ не будетъ имѣть права пользоваться полными четырьмя десятинами земли на душу мужскаго пола. Какъ указано выше, всей земли, пригодной для земледѣлія, 153 милліона десятинъ, крестьянъ же мужскаго пола свыше 40 милліоновъ, а, слѣдовательно, на каждую душу мужского пола приходится менѣе 4-хъ де-

сятинъ земли. Вслѣдствіе этого у всѣхъ крестьянъ, владѣющихъ большимъ количествомъ земли, нежели 4 десятины на мужскую душу, излишекъ придется отобрать и предоставить имѣющимъ меньшее количество земли. Одновременно все населеніе окончательно лишится возможности какимъ бы то ни было образомъ увеличить размѣры своего землевладѣнія, такъ какъ не останется ни одной десятины продажной земли, ни одной десятины, сдаваемой въ аренду. По мѣрѣ же прироста населенія, размѣръ душеваго надѣла будетъ все больше уменьшаться и все менѣе удовлетворять насущныя потребности земледѣльца. Вмѣстѣ съ тѣмъ сократятся до ничтожныхъ размѣровъ сельско-хозяйственные заработки крестьянъ вслѣдствіе исчезновенія всѣхъ владѣльческихъ экономій. Заработки эти составляютъ нынѣ весьма значительное подспорье въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Особенное значеніе имѣютъ заработки въ годы неурожаевъ. Въ такіе годы не весь крестьянскій трудъ пропадаетъ даромъ. Работа крестьянъ, произведенная ими у помѣщиковъ, оплачивается независимо отъ того, получилъ ли помѣщикъ доходъ отъ земли или не получилъ.

Если вся земля будетъ принадлежать земледѣльцу, то весь его трудъ по обработкѣ пашни при неурожаѣ останется неоплаченнымъ. Въ такіе годы онъ не будетъ имѣть ни хлѣба, ни возможности заработать деньги. Само государство будетъ лишено возможности придти на помощь народу во время голода: хлѣба, покупаемаго нынѣ государствомъ для пострадавшихъ отъ неурожая, негдѣ будетъ взять, такъ какъ главная часть продаваемаго на рынкѣ хлѣба поступаетъ изъ владѣльческихъ экономій.

Уничтоженіе частной земельной собственности, въ томъ числѣ и крестьянской, противно прежде всего выгодамъ самого крестьянства. Изъ независимыхъ владѣльцевъ-собственниковъ крестьяне на дѣлѣ обратились бы во временныхъ арендаторовъ земли и жили бы подъ постояннымъ опасеніемъ уменьшенія земельной площади, состоящей въ ихъ пользованіи. При такихъ порядкахъ крестьянамъ пришлось бы являться постоянными просителями передъ властями, которыя распоряжались бы землей. Сколько при этомъ про-

изошло бы замѣшательствъ, споровъ и даже злоупотребленій! Возможно ли ожидать, чтобы въ такомъ положеніи кто-либо сталъ добросовѣстно работать на землѣ, вкладывать въ нее тотъ трудъ и тѣ средства, которые необходимы, чтобы извлечь изъ нея должную пользу.

Въ народѣ распространяются слухи, будто Правительство не соглашается на принудительное отчужденіе частновладѣльческихъ земель, отстаивая выгоды помѣщиковъ. Это не вѣрно. Правительство охраняетъ законныя права всѣхъ и каждаго, но въ данномъ случаѣ полагаетъ, что не землевладѣльцамъ нанесло бы ущербъ принудительное отчужденіе отъ нихъ земель, а самому крестьянству. Землевладѣльцы получатъ за свою землю выкупъ по справедливой оцѣнкѣ, т. е. превратятъ свое земельное имущество въ деньги, которыя будутъ приносить имъ одинаковый и даже болѣе вѣрный доходъ нежели хозяйство на землѣ. Пострадаетъ отъ предположенной мѣры земледѣльческое сословіе. Болѣе обезпеченные крестьяне лишатся части своей земли, малоземельные получатъ незначительную прибавку. Все крестьянство лишится заработковъ во владѣльческихъ экономіяхъ и, слѣдовательно, лишится значительной части получаемыхъ имъ нынѣ денежныхъ средствъ. Такимъ образомъ, мѣра эта ввергла бы все населеніе страны въ безвыходную нищету, а въ годы неурожая обрекла бы его на вѣрный голодъ со всѣми его ужасными послѣдствіями.

Русскому крестьянству хорошо извѣстно, какъ во всѣ времена Русскіе Государи заботились о его благосостояніи. По Царскому слову освобождено было все крестьянство отъ крѣпостной зависимости. Когда это допускала государственная польза, крестьянство, по повелѣнію Царя, было надѣлено землей изъ казенныхъ и помѣщичьихъ земель, чего не было сдѣлано ни въ одной странѣ міра. Въ заботахъ объ удовлетвореніи нуждъ крестьянства былъ учрежденъ особый крестьянскій земельный банкъ. Дабы охранить крестьянъ отъ обезземеленія, былъ установленъ законъ, по которому крестьянскія земли не могутъ быть отчуждаемы во владѣніе лицъ другихъ сословій. Наконецъ, въ самое послѣднее время Государь Императоръ повелѣлъ

сложить выкупные платежи за земли, предоставленныя крестьянамъ въ надѣлъ, сохранивъ ихъ въ половинномъ окладѣ лишь на одинъ 1906 годъ. Мѣрою этою взимаемые съ земельнаго крестьянства платежи уменьшатся съ 1-го января 1907 года на 90 милліоновъ рублей. Всѣ прошлыя заботы Русскихъ Государей о земельной нуждѣ крестьянства неопровержимо свидѣтельствуютъ, что и въ будущемъ всякія мѣры, направленныя къ этой цѣли и отвѣчающія народной пользѣ, будутъ неуклонно осуществляться исполняющимъ Царскую волю Правительствомъ.

Сообщая нынѣ во всеобщее свѣдѣніе предположенныя имъ мѣры для улучшенія земельнаго быта крестьянъ, Правительство подтверждаетъ, что оно будетъ неуклонно охранять имущественныя права всѣхъ и каждаго, причемъ полагаетъ, что сохраненіемъ права собственности частныхъ владѣльцевъ на принадлежащія имъ земли земельное крестьянство должно дорожить, ибо если сегодня будутъ нарушены права землевладѣльцевъ прочихъ сословій, то завтра могутъ быть нарушены и права крестьянъ. Только владѣя землей на неотъемлемомъ правѣ собственности, можетъ трудовое крестьянство обезпечить плоды своего труда и быть ограждено отъ притязаній тѣхъ, которые землей не владѣютъ и ничего общаго съ нею не имѣютъ.

Русское крестьянство должно знать и помнить, что не отъ смутъ и насилія оно можетъ ожидать удовлетворенія своихъ нуждъ, а отъ мирнаго своего труда и постоянныхъ о немъ заботъ Государя Императора.

Обращеніе отъ Государственной Думы.

„20 іюня министерство опубликовало правительственное сообщеніе, въ которомъ оно объявляетъ свои предположенія о земельномъ законѣ.

Это сообщеніе подрываетъ въ населеніи вѣру въ правильное разрѣшеніе земельнаго вопроса законодательнымъ путемъ.

Государственная Дума стремилась и стремится къ мирному установленію новаго порядка въ странѣ. Дума надѣется, что разъясненіе истиннаго положенія, въ которомъ находится вопросъ о земельномъ законѣ, дастъ возможность населенію покойно и мирно ждать окончанія работы по изданію земельнаго закона.

Прежде всего Государственная Дума считаетъ необходимымъ напомнить, что, согласно манифесту 17 октября 1905 года, никакое предположеніе правительства не можетъ воспріять силу закона безъ одобренія Государственной Думы.

Еще 5 мая въ отвѣтѣ на тронную рѣчь Государя Императора Дума слѣдующими словами высказалась о земельномъ вопросѣ:

„Наиболѣе многочисленная часть страны—трудовое крестьянство съ нетерпѣніемъ ждетъ удовлетворенія своей острой земельной нужды, и первая Русская Государственная Дума не исполнила бы своего долга, если бы не выработала закона для удовлетворенія этой насущной потребности путемъ обращенія на этотъ предметъ земель казенныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ, церковныхъ и принудительнаго отчужденія земель частновладѣльческихъ“.

На это выраженіе воли народныхъ представителей совѣтъ министровъ заявилъ, что принудительное отчужденіе частновладѣльческихъ земель безусловно недопустимо. Тогда Государственная Дума выразила министерству свое недовѣріе и немедленно приступила къ составленію новаго земельнаго закона. Особая комиссія, образованная Думою изъ представителей всѣхъ мѣстностей Россіи, разрабатываетъ теперь этотъ законъ.

Въ основаніе новаго земельнаго устройства полагаются начала, указанныя Государственной Думой въ отвѣтномъ адресѣ Государю Императору. Принудительное отчужденіе должно совершаться на основаніи особаго о томъ закона, имѣющаго цѣлью надѣленіе отчуждаемою землею трудящагося крестьянства.

По вопросу о томъ, какія земли подлежатъ принудительному отчужденію, комиссія предположила, что, во вся-

комъ случаѣ, не должны быть отчуждаемы „надѣльныя земли всѣхъ наименованій“, а затѣмъ также и мелкія владѣнія.

Въ той же комиссіи вырабатывается законъ объ особыхъ мѣстныхъ земельныхъ учрежденіяхъ, въ которыхъ населеніе черезъ своихъ выборныхъ приметъ участіе въ правильномъ и справедливомъ устройствѣ земельныхъ дѣлъ.

Отъ предположенныхъ Гос. Думою основаній новаго земельнаго закона Государственная Дума не отступитъ и никакія предположенія, съ ними не согласованныя, не могутъ быть ею одобрены“.

Программа партіи демократическихъ реформъ.

Проектъ, выработанный комитетомъ.

Государственное устройство.

1) Государственное устройство Россійской Имперіи, какъ наслѣдственной конституціонной монархіи, опредѣляется основнымъ закономъ. Министры, въ составѣ министерства и каждый особо, въ политической дѣятельности отвѣтственны передъ народнымъ представительствомъ.

2) Основные и другіе законы издаются при участіи народнаго представительства и съ утвержденія Императора.

3) Не иначе, какъ въ томъ же порядкѣ, можетъ послѣдовать измѣненіе, дополненіе или отмѣна дѣйствующаго закона.

4) Ни одно постановленіе, распоряженіе, указъ, приказъ и тому подобный актъ, не основанный на рѣшеніи народнаго представительства, какъ бы онъ ни назывался и отъ кого бы ни исходилъ, не можетъ имѣть силы закона.

5) Народное представительство состоитъ изъ двухъ палатъ. Одна изъ нихъ избирается всѣми совершеннолѣтними и полноправными гражданами мужского пола, на равныхъ для всѣхъ основаніяхъ, закрытой подачей голосовъ, а другая—органами мѣстнаго самоуправленія.

Примѣчаніе. Вопросъ о прямыхъ или двухстепенныхъ выборахъ оставляется открытымъ.

6) Народное представительство участвуетъ въ отправленіи законодательной власти, въ установленіи, ежегодно, государственной росписи доходовъ и расходовъ, въ опредѣленіи кредитовъ на чрезвычайныя сверхсмѣтныя потребности, въ заключеніи международныхъ договоровъ и конвенцій—торгово-промышленныхъ, а равно вносящихъ измѣненія въ нормы гражданскаго, уголовнаго и финансоваго права—и въ контролѣ надъ законностью и цѣлесообразностью дѣйствій правительственныхъ органовъ. Государственные

займы не могутъ быть заключаемы иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ.

7) Народнымъ представителямъ принадлежитъ право законодательной иниціативы, не исключая вопросовъ, отнесенныхъ къ области основныхъ законовъ, и право запроса.

Права гражданъ.

8) Всѣ россійскіе граждане, безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія, равны передъ закономъ.

9) Каждому гражданину обезпечивается свобода совѣсти и вѣроисповѣданія.

10) Каждый воленъ высказывать изустно и письменно свои мнѣнія, а равно распространять ихъ путемъ печати или инымъ способомъ. За преступленія и проступки, совершенныя путемъ устнаго или печатнаго слова, обвиняемые отвѣчаютъ только передъ судомъ, на основаніяхъ, установленныхъ уголовнымъ закономъ.

11) Всѣмъ россійскимъ гражданамъ принадлежитъ право устраивать публичныя собранія и составлять союзы и общества, съ соблюденіемъ правилъ, установленныхъ закономъ.

12) Право петицій предоставляется какъ отдѣльнымъ гражданамъ, такъ и всякаго рода группамъ, союзамъ, собраніямъ и т. п.

13) Личность и жилище каждаго неприкосновенны. Входъ въ частное жилище, выемка и обыскъ въ немъ и вскрытіе частной переписки допускаются только въ случаяхъ и при условіяхъ, установленныхъ закономъ въ предѣлахъ необходимости. Всякое личное задержаніе, произведенное безъ законнаго основанія или продолженное сверхъ установленнаго закономъ срока, даетъ пострадавшему право на возмѣщеніе государствомъ понесенныхъ имъ убытковъ.

14) Никто не можетъ быть подвергнутъ преслѣдованію, наказанію или правоограниченію иначе, какъ на основаніи закона и надлежащею судебною властью.

15) Никто, кромѣ военнослужащихъ, не можетъ быть предаваемъ военному суду иначе, какъ въ раіонѣ театра военныхъ дѣйствій при войнѣ съ иностраннымъ государствомъ.

16) Каждый гражданинъ пользуется свободой передвиженія и выѣзда за границу.

17) Всѣ вышеозначенныя права гражданъ должны быть введены въ основной законъ Россійской Имперіи и обезпечены отвѣтственностью нарушителей, не только по жалобѣ потерпѣвшихъ, но и по непосредственно осуществляемой судебной защитѣ—обязательнымъ надзоромъ со стороны судебныхъ органовъ.

Мѣстное самоуправленіе.

18) Мѣстное самоуправленіе должно быть распространено на всю Россійскую Имперію.

19) Представительство въ органахъ мѣстнаго самоуправленія должно быть основано на всеобщемъ, равномъ, прямомъ и закрытомъ голосованіи, безотносительно къ полу, вѣроисповѣданію и національности, но подъ условіемъ постояннаго проживанія въ данномъ уѣздѣ или городѣ не менѣе двухъ лѣтъ, а для лицъ, не удовлетворяющихъ этому условію—обладанія тамъ же въ теченіе того же срока недвижимымъ имуществомъ. Представительство въ мелкихъ (дробная часть уѣзда) самоуправляющихся единицахъ образуется на тѣхъ же началахъ особо.

20) Кругъ вѣдомства органовъ мѣстнаго самоуправленія долженъ простираться на всю область мѣстнаго управленія включая полицію безопасности и благочинія, но за исключеніемъ тѣхъ отраслей управленія, которыя, при условіяхъ современной государственной жизни, должны быть сосредоточены въ рукахъ центральной власти.

21) Дѣятельность мѣстныхъ органовъ центральной власти по отношенію къ предметамъ, вѣдаемымъ органами самоуправленія, должна сводиться къ надзору за законностью дѣйствій мѣстнаго самоуправленія. Окончательное рѣшеніе по возникающимъ въ этой области спорнымъ вопросамъ должно принадлежать судебнымъ установленіямъ.

22) Расширеніе объема правъ и предѣловъ мѣстнаго самоуправленія противъ нормъ, опредѣленныхъ закономъ для всей Имперіи, можетъ быть введено лишь въ порядкѣ, установленномъ для измѣненій въ основномъ законѣ. Предоставленіе автономнаго управленія отдѣльнымъ областямъ (опредѣленнымъ территоріальнымъ единицамъ) не должно простираться далѣе признанія за ними законодательныхъ

полномочій по вопросамъ исключительно мѣстнаго значенія, не затрагивающимъ единства Имперіи и круга дѣйствій общаго государственнаго управленія. Въ частности, автономію Царства Польскаго, въ виду особыхъ его условій, надлежало бы Государственной Думѣ установить въ ближайшую очередь, съ сохраненіемъ, однако, единства Царства съ Имперіей и съ огражденіемъ въ немъ законныхъ интересовъ не-польскаго населенія.

23) Законодательныя мѣропріятія, общія Имперіи и Великому Княжеству Финляндскому, требуютъ соглашенія между законодательными органами Имперіи и Великаго Княжества.

Уголовная отвѣтственность и судъ.

24) Общее пониженіе наказаній за преступныя дѣянія и наиболѣе широкое—за государственныя преступленія.

25) Выдѣленіе преступныхъ дѣяній, совершаемыхъ путемъ печати, въ особую главу уголовнаго уложенія, съ принятіемъ въ основу карательнаго масштаба исключительно денежныхъ взысканій и лишенія свободы безъ ограниченія правъ и съ подчиненіемъ ихъ вѣдѣнію суда присяжныхъ, кромѣ маловажныхъ проступковъ.

26) Совершенная отмѣна смертной казни и тѣлесныхъ наказаній.

27) Полная недопустимость наложенія каръ въ административномъ порядкѣ.

28) Срочность лишенія по суду правъ, въ частности — политическихъ. Опредѣленіе закономъ правоограниченій въ зависимости отъ свойства и характера дѣянія, а не отъ тяжести наказанія.

29) Никакія правоограниченія иначе, какъ на основаніи вступившаго въ законную силу судебнаго приговора, не допускаются.

30) Амнистія составляетъ прерогативу Императора, осуществляемую, какъ по непосредственному усмотрѣнію верховной власти, такъ и по иниціативѣ народнаго представительства.

31) Всѣ отступленія отъ основныхъ началъ судебной реформы 20-го ноября 1864 года, какъ внесенныя позднѣй-

шими узаконеніями, такъ и допущенныя при самомъ составленіи судебныхъ уставовъ, отмѣняются.

32) На крестьянъ распространяются общія начала уголовной подсудности и отвѣтственности.

Народное просвѣщеніе.

33) Необходимо безотлагательно приступить къ созданію условій, при которыхъ начальное обученіе могло бы стать всеобщимъ, безплатнымъ и обязательнымъ.

34) Почину частныхъ лицъ и общественныхъ учрежденій въ открытіи и устройствѣ учебныхъ заведеній всѣхъ типовъ и въ организаціи внѣ-школьнаго образованія долженъ быть предоставленъ широкій просторъ.

35) Стѣсненія къ поступленію въ государственную и общественную школу, связанныя съ происхожденіемъ и вѣрой, подлежатъ отмѣнѣ. Женщинамъ долженъ быть открытъ доступъ въ высшія учебныя заведенія.

Финансовая и экономическая политика.

36) Пересмотръ государственнаго расходнаго бюджета въ цѣляхъ уменьшенія расходовъ и отмѣны непроизводительныхъ по своему назначенію ассигнованій. Возможно значительное сокращеніе военнаго и морского бюджетовъ.

37) Измѣненіе системы обложенія: развитіе прямого обложенія за счетъ косвеннаго, возможное пониженіе косвеннаго обложенія и постепенная отмѣна косвенныхъ налоговъ на предметы необходимаго потребленія народныхъ массъ.

38) Введеніе прогрессивнаго подоходнаго и поимущественнаго обложенія. Реформа обложенія наслѣдствъ: усиленіе прогрессіи по отдаленности родства и введеніе прогрессіи по размѣру наслѣдства.

39) Пониженіе таможенныхъ пошлинъ, поскольку оно возможно безъ ущерба для существованія и развитія русскаго народнаго хозяйства.

40) Полная независимость государственнаго контроля отъ другихъ вѣдомствъ. Подчиненіе его надзору всѣхъ доходовъ и расходовъ государства.

41) Независимое положеніе государственнаго банка. Пересмотръ устава государственнаго банка въ цѣляхъ приспособленія его къ исполненію роли регулятора денежнаго

обращенія. Отдѣленіе сберегательныхъ кассъ отъ государственнаго банка и изъятіе ихъ изъ вѣдомства министерства финансовъ.

42) Реорганизація мѣстныхъ финансовъ. Обложеніе незаслуженнаго прироста цѣнности земель. Введеніе прогрессіи въ обложеніи недвижимости. Участіе въ государственныхъ доходахъ отъ прямого и косвеннаго обложенія. Исключеніе изъ бюджетовъ земствъ и городовъ общегосударственныхъ расходовъ. Организація кредита для земствъ и городовъ.

43) Содѣйствіе къ развитію мелкихъ промысловъ — кустарныхъ и ремесленныхъ — путемъ организаціи мелкаго кредита, распространенія техническихъ знаній и пр.

Аграрная политика.

44) Коренное измѣненіе хозяйственныхъ условій, въ которыя поставлены всѣ обрабатывающіе землю личнымъ трудомъ. Для этого надо обезпечить ихъ, по возможности, достаточнымъ количествомъ земли и предпринять рядъ мѣръ, направленныхъ на поднятіе доходности земледѣлія и на возстановленіе хозяйственной мощи обезсиленныхъ разрядовъ земледѣльцевъ.

45) Для этого необходимо:

а) надѣлить земледѣльцевъ, не имѣющихъ земли, и, прежде всего, тѣхъ изъ нихъ, которые ведутъ хозяйство на арендуемой землѣ;

б) увеличить площадь землепользованія малоземельныхъ, насколько въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ необходимо и возможно, по нормамъ, установленнымъ закономъ; это должно опредѣляться на мѣстахъ, при помощи имѣющихъ быть учрежденными особыхъ органовъ;—въ отношеніи нормъ обезпеченія землею слѣдуетъ постановить, что низшимъ размѣромъ его признается высшій или указный надѣлъ 1861 г. (отводимый на наличную душу мужескаго пола);—надѣленіе ниже этого предѣла допускается лишь въ силу прямой невозможности въ данномъ мѣстѣ отвести землю по такой нормѣ, и только при нежеланіи крестьянъ выселяться;—вездѣ, гдѣ окажется возможнымъ, слѣдуетъ надѣлять сверхъ этой низшей нормы, стараясь приблизиться

къ такому размѣру землепользованія, при которомъ земля можетъ быть обработана собственными силами земледѣльца, ведущаго хозяйство по системѣ, господствующей въ данной мѣстности;

в) исправить границы крестьянскаго надѣла и уничтожить черезполосность съ сосѣдними владѣльцами.

46) Въ видахъ осуществленія всѣхъ указанныхъ цѣлей, слѣдуетъ образовать государственный земельный запасъ, который долженъ быть составленъ изъ земель государственныхъ, удѣльныхъ и кабинетскихъ, а также частновладѣльческихъ (въ томъ числѣ и монастырскихъ). Частновладѣльческія (и монастырскія) земли отчуждаются за счетъ государства, въ потребныхъ размѣрахъ, съ вознагражденіемъ собственниковъ по слѣдующей оцѣнкѣ: цѣна земли опредѣляется путемъ капитализаціи нормальной для данной мѣстности доходности земли (умноженіемъ на 16,66 или на 20), не принимая во вниманіе арендныхъ цѣнъ, вызываемыхъ земельной нуждой.

47) Для частнаго землевладѣнія устанавливается высшій размѣръ (опредѣляемый въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ различно), причемъ все количество земли, превышающее этотъ предѣлъ, можетъ подлежать отчужденію, независимо отъ того, нужна или не нужна эта земля въ данное время для надѣленія земледѣльцевъ, проживающихъ въ той же мѣстности.

48) Не подлежатъ отчужденію земли мелкихъ владѣльцевъ, ведущихъ на нихъ самостоятельное хозяйство. Размѣръ такихъ неотчуждаемыхъ владѣній опредѣляется закономъ различно для отдѣльныхъ мѣстностей (не свыше однако 100 десятинъ). Исключенія изъ этого правила допускаются въ тѣхъ случаяхъ, когда мѣстнымъ выборнымъ органомъ поземельному устройству данный мелкій участокъ будетъ признанъ препятствующимъ веденію сосѣдняго крестьянскаго хозяйства. Владѣніе въ томъ же размѣрѣ можетъ оставить себѣ и крупный собственникъ изъ того имѣнія своего, которое будетъ подлежать принудительному отчужденію.

49) Не подлежатъ также отчужденію мелкіе участки, занятые подъ дачи и подъ фабрично-заводскія предпріятія. Въ видахъ сохраненія выдающихся, образцовыхъ хозяйствъ,

имѣющихъ особое культурное значеніе, можетъ быть допущена, какъ исключеніе, неотчуждаемость владѣнія и высшаго размѣра; но такое исключеніе можетъ быть дѣлаемо не иначе, какъ по спеціальному закону и притомъ въ каждомъ частномъ случаѣ отдѣльно.

50) Отчуждаемыя земли поступаютъ въ государственный земельный запасъ, а собственники ихъ вознаграждаются по оцѣнкѣ, производимой на вышеуказанныхъ основаніяхъ. Изъ государственнаго запаса имѣетъ быть отводима земля земледѣльцамъ въ пользованіе, за установляемую закономъ плату. Смотря по мѣстнымъ условіямъ, земля можетъ быть передаваема во владѣніе общинное или подворное, но безъ права отчужденія и залога. Сосредоточеніе нѣсколькихъ надѣловъ въ однѣхъ рукахъ свыше нормы, указанной въ § 45, не допускается. Запрещается также одному лицу имѣть свыше одного надѣла изъ государственнаго земельнаго запаса.

51) Участки надѣльной земли, выкупленные на основаніи положенія 19-го февраля, имѣющіе поступать въ продажу такъ же, какъ и продаваемыя земли частныхъ собственниковъ вообще,—желательно скупать за счетъ казны и обращать въ государственный земельный запасъ.

52) Упорядоченіе закономъ арендныхъ отношеній, путемъ обезпеченія права возобновленія аренды и права арендатора на вознагражденіе за произведенныя, но не использованныя затраты на улучшенія. Регулированіе арендныхъ цѣнъ. Примѣненіе началъ объ отвѣтственности за растовщичество къ арендным договорамъ, какъ и вообще къ сдѣлкамъ въ области земельныхъ отношеній.

53) Отмѣна дѣйствующихъ правилъ о наймѣ сельскихъ рабочихъ и распространеніе рабочаго законодательства на земледѣльческихъ рабочихъ примѣнительно къ техническимъ особенностямъ земледѣлія.

54) Учрежденіе особыхъ органовъ (примирительныхъ камеръ) для разбора несогласій и споровъ, возникающихъ какъ между арендаторами и землевладѣльцами, такъ и между рабочими и хозяевами, на почвѣ экономическихъ интересовъ.

55) Правильная организація переселеній; широкая государственная помощь переселенцамъ и содѣйствіе разселенію.

56) Преобразованіе крестьянскаго банка въ органъ по пріобрѣтенію земель для государственнаго земельнаго запаса. Организація меліоративнаго и мелкаго сельско-хозяйственнаго кредита; поддержка товариществъ и разнаго рода союзовъ взаимопомощи; широкое развитіе общаго и сельскохозяйственнаго образованія; агрономическая помощь и другія мѣры, направленныя къ поднятію сельскаго хозяйства.

Рабочее законодательство.

57) Пересмотръ и объединеніе всего законодательства о наймѣ труда, въ цѣляхъ измѣненія и усовершенствованія его, согласно принципамъ, обезпечивающимъ защиту интересовъ рабочаго класса.

58) Установленіе правомѣрнаго порядка, обезпечивающаго образованіе союзовъ рабочихъ (профессіональныхъ рабочихъ организацій), и опредѣленіе условій признанія за ними правъ юридическаго лица.

59) Признаніе юридической обязательности за соглашеніями между рабочими союзами и предпринимателями по предмету установленія общихъ условій найма труда.

60) Признаніе за казной и органами общественныхъ учрежденій права регулировать и контролировать соглашенія, заключаемыя между ихъ подрядчиками и рабочими.

61) Установленіе спеціальнаго порядка, а въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ учрежденіе особыхъ судовъ, для разбора споровъ и несогласій, возникающихъ между рабочими и предпринимателями по предмету заключеннаго между ними договора найма.

62) Признаніе за рабочими права стачекъ.

Примѣчаніе. Вопросъ о возможности отступленій въ законодательномъ порядкѣ отъ этого общаго правила въ отношеніи нѣкоторыхъ видовъ стачекъ оставляется открытымъ.

63) Всякое лицо, участвующее въ стачкѣ, отвѣчаетъ въ порядкѣ уголовномъ только за тѣ дѣйствія, которыя сами по себѣ воспрещены закономъ подъ страхомъ наказанія.

64) Въ видахъ предупрежденія и скорѣйшаго прекращенія стачекъ, устраиваются примирительныя камеры, изъ равнаго числа представителей отъ труда и капитала, для

улаживанія и разрѣшенія споровъ и несогласій, возникающихъ между рабочими и предпринимателями не на почвѣ права, а на почвѣ экономическихъ интересовъ.

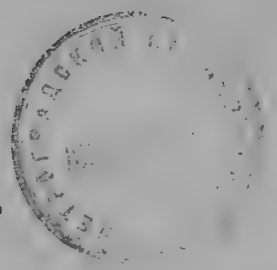
65) Признаніе принципа равноправности предпринимателей и рабочихъ при выработкѣ правилъ внутренняго фабричнаго и ремесленнаго распорядка. Частныя соглашенія (рабочія книжки), клонящіяся къ отмѣнѣ обязательныхъ правилъ внутренняго фабричнаго и ремесленнаго распорядка, должны признаваться недѣйствительными.

66) Законодательная охрана труда, въ смыслѣ возможно большаго сокращенія рабочаго дня, въ зависимости отъ техническихъ условій производства, и въ смыслѣ улучшенія гигіеническихъ условій труда и жизни рабочаго класса (жилищный вопросъ, устройство здоровыхъ и чистыхъ мастерскихъ и фабричныхъ помѣщеній). Установленіе особыхъ мѣръ охраны труда въ производствахъ, соединенныхъ съ опасностью или вредомъ для здоровья и жизни. Запрещеніе предпринимателямъ установлять ночныя и сверхурочныя работы, кромѣ технически и общественно-необходимыхъ. Расширеніе законодательной охраны труда женщинъ и малолѣтнихъ. Распространеніе инспекціи труда на всѣ виды наемной работы. Опредѣленіе уголовной отвѣтственности за нарушеніе законовъ по охранѣ труда, перечисленныхъ въ настоящемъ параграфѣ.

67) Организація посредничества по найму труда.

68) Обязательное, при посредствѣ государства, страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ и профессіональныхъ заболѣваній.

69) Государственное страхованіе на случай старости и неспособности къ труду.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе III
Отъ партіи демократическихъ реформъ 1
Основныя положенія программы партіи демократическихъ реформъ . 3

Рѣчи членовъ партіи въ Государственной Думѣ.

Обсужденіе отвѣтнаго адреса 9
По поводу декларації министерства 33
Обращеніе отъ Государственной Думы 36
Законопроекты, предложенія законодательнаго характера и проектъ наказа 45
Запросы и пренія по объясненіямъ министровъ 104
Разныя заявленія и предложенія 145

Приложенія.

Тронная рѣчь 155
Отвѣтный адресъ 156
Законопроектъ объ ассигнованіи кредита въ 15 мил. руб. 161
Проектъ закона объ отмѣнѣ смертной казни 162
Обращеніе къ Государю Императору . . . . . —
Законопроектъ о неприкосновенности личности 163
Правительственное сообщеніе 167
Обращеніе отъ Государственной Думы 175
Программа партіи демократическихъ реформъ (проектъ, выработанный комитетомъ) 178

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)

4/0